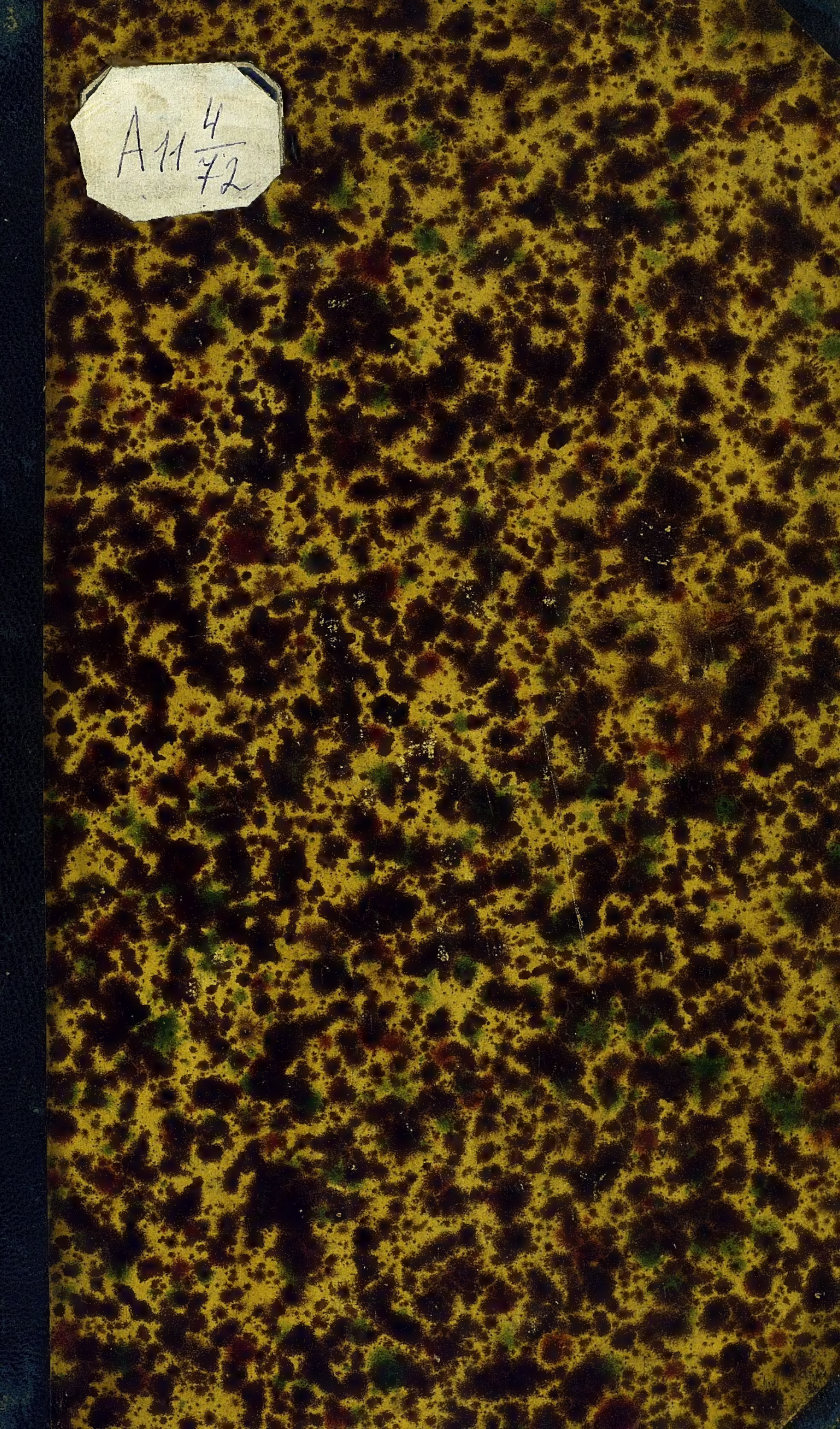

A 11 4/72

ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА

ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО

КЪ

П. Г. МАСАЛЬСКОМУ,

ПИСАННЫЯ СЪ 1798 ПО 1819 ГОДЪ,

СЪ

ИСТОРИЧЕСКИМИ ПОЯСНЕНІЯМИ,

СОСТАВЛЕННЫМИ К. МАСАЛЬСКИМЪ,

И

НѢКОТОРЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПЕРВОЙ МОЛОДОСТИ

Графа М. М. Сперанскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1862.

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Вся Россія знаетъ имя Сперанскаго; за границей оно давно произносится съ уваженіемъ, но до послѣдняго времени,—до появленія въ свѣтъ книги барона М. А. Корфа, ни у насъ, ни за границей, не было полной и вѣрной его біографіи. Почему же это? Почему истинной заслугѣ люди всегда какъ-то медлятъ отдать справедливость, даже загробную? Потому что чистую правду говорить и писать часто трудно и неудобно, то по такимъ, то по другимъ причинамъ, а между тѣмъ всѣ люди, по крайней мѣрѣ на словахъ, такіе жаркіе поборники правды, что просто удивляешься, какимъ образомъ она не вытѣснила до сихъ поръ съ бѣла-свѣта лжи, притворства, пристрастія, лести, зависти, вражды и, словомъ сказать, всего того, что противно правдѣ.

Смотря на это неутѣшительное явленіе, подумаешь: да есть ли, полно, чистая, истинная правда на бѣломъ свѣтѣ? Не выдумали-ли правду одни ученые? Не существуетъ ли она только въ ихъ воображеніи, въ ихъ лекціяхъ и диссертаціяхъ?

По нашему мнѣнію, человѣкъ можетъ только стремиться приближаться къ истинѣ, или правдѣ. Даже математика, эта наука, называемая точною, все измѣряющая, все исчисляющая, не становится ли и не теряется ли въ неисходной безднѣ, когда доходитъ до безконечно-великихъ и до безконечно-малыхъ величинъ?

Впрочемъ этого мнѣнія нашего мы не выдаемъ за аксіому, то есть, неоспоримую истину. Сколько людей существуетъ на свѣтѣ, столько существуетъ и мнѣній, которыя,

по видимому, хотя и сходны иногда между собою, но все таки между ними вы найдете нѣкоторые оттѣнки и различіе. Такъ на огромномъ деревѣ вы никакъ не отъищете двухъ листовъ, во всемъ похожихъ другъ на друга. Между тѣмъ каждый въ мнѣніе свое влюбленъ, какъ Донъ-Кихотъ въ фантастическую Дульсинею, и готовъ сражаться съ противниками своими до послѣдней крайности.

Мы, однакожъ, не намѣрены ни съ кѣмъ сражаться и тѣмъ менѣе читать лекцію о безусловной истинѣ. Сообщимъ только нашимъ читателямъ вѣрно и добросовѣстно все, что намъ близко извѣстно о томъ великомъ человѣкѣ, о которомъ мы начали рѣчь (*). Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился 1-го января 1772 года, въ селѣ Черкутинѣ, которое находится въ уѣздѣ губернскаго города Владиміра. Думалъ ли недостаточный сельскій священникъ, что его новорожденный сынъ Михаилъ сдѣлается любимцемъ такихъ двухъ Государей, какими были Александръ и Николай, и заслужитъ, подъ ихъ великодушною эгидою, безсмертную славу, какъ законодатель своего

(*) Въ настоящее время имя графа Сперанскаго принадлежитъ исторіи. Подробности его біографіи уже извѣстны читателямъ изъ только что появившагося сочиненія барона М. А. Корфа.—Почтенный авторъ, бывшій долгое время съ покойнымъ графомъ въ личныхъ сношеніяхъ, имѣлъ возможность пользоваться для своего труда оффиціальными источниками, для немногихъ доступными. Не довольствуясь этими матеріалами, баронъ Корфъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о покойномъ графѣ въ частныхъ рукахъ, подвергая ихъ тщательной критической обработкѣ. Всѣ эти качества, вмѣстѣ съ рѣдкимъ талантомъ автора, дѣлаютъ изъ его сочиненія книгу, которую съ жадностію прочтетъ всякій русскій и которую переведутъ на языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Но, не смотря на это, я полагалъ, что публикація предлагаемыхъ писемъ не будетъ безполезна, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ сочиненіи барона Корфа сокращенно, а нѣкоторыя другія сведены въ немъ вмѣстѣ, какъ то соотвѣтствовало содержанію книги.

отечества? Родоваго прозванія родители его не имѣли, а фамилію Сперанскаго получилъ онъ при поступленіи во Владимірскую семинарію, въ которой получилъ первое образованіе. Блестящіе успѣхи въ наукахъ проложили ему путь въ Санктпетербургскую Александро-Невскую семинарію (*), гдѣ преподавались высшія науки и гдѣ онъ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на двадцать первомъ году удостоенъ былъ званія магистра и самъ уже сдѣлался префектомъ и учителемъ физики, математики и краснорѣчія. Меньшой братъ нашего знаменитаго дипломата князя Александра Борисовича Куракина, бывшаго посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ I, тайный совѣтникъ и камергеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II, опредѣлилъ Сперанскаго при себѣ домашнимъ секретаремъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Павла, князь Алексѣй Борисовичъ назначенъ былъ, 4-го декабря 1796 года, генералъ-прокуроромъ и началъ довѣрять Сперанскому не только свои домашнія, но и важныя государственныя дѣла. Извѣстно, что тогда званіе генералъ-прокурора равнялось званію перваго министра. Сочиняемыя Сперанскимъ бумаги своею ясностью, необыкновенною силою и чистотою слога обратили на себя вниманіе Императора Павла, который спросилъ однажды у князя: «кто это у тебя такъ прекрасно сочиняетъ бумаги?» Князь назвалъ Сперанскаго и доложилъ притомъ, что онъ очень желалъ бы перевести его изъ духовнаго вѣдомства въ свою канцелярію, но что это выходитъ изъ обыкновеннаго порядка, и что митрополитъ, дорожа Сперанскимъ, не хочетъ его уступить (**).

«А желаетъ къ тебѣ перейти на службу Сперанскій?»

(*) Эта семинарія въ 1797 году была преобразована въ духовную академію.

(**) Анекдотъ этотъ, еще ребенкомъ, я часто слышалъ отъ отца моего.

спросилъ Императоръ. — «Очень желаетъ!» отвѣчалъ князь.—«Такъ я объяснюсь съ митрополитомъ, и все это дѣло улажу къ общему удовольствію и къ пользѣ общей.» Черезъ нѣсколько дней магистръ Сперанскій, 2-го января 1797 года, былъ переименованъ въ титулярные совѣтники и опредѣленъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Не смотря на то, что князя Куракина замѣнилъ въ этой должности князь Лопухинъ, потомъ Беклешовъ, а послѣ Обольяниновъ, Сперанскій сохранилъ все прежнее свое вліяніе на государственныя дѣла, и въ два года своей службы въ канцеляріи генералъ-прокурора, за необыкновенные труды и заслуги свои, достигъ чина статскаго совѣтника въ началѣ 1799 года. Въ 1801 году Сперанскій былъ опредѣленъ директоромъ при министрѣ удѣловъ Трощинскомъ, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и причисленъ, въ званіи статсъ-секретаря, къ государственному совѣту. Въ 1803 году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, испросилъ его къ себѣ въ директоры, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря. Въ 1808 году Сперанскій былъ назначенъ директоромъ коммиссіи составленія законовъ, и въ томъ же году Высочайше утверждено составленное имъ образованіе духовныхъ училищъ.

При назначеніи его товарищемъ министра юстиціи, было поручено ему въ 1809 году все управленіе новопріобрѣтенною Финляндіею и главное начальство надъ Абоскимъ университетомъ. Улучшеніе способа преподаванія въ Россіи, приращеніе училищныхъ капиталовъ, введеніе новой финансовой системы, новое образованіе государственнаго совѣта и новое учрежденіе для всѣхъ министерствъ, установленіе бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ, учрежденіе капитала погашенія долговъ, исправленіе законодательства и стремленіе къ утвержденію тверда-

го, законнаго порядка вмѣсто произвола и злоупотребленій,—все это составляетъ историческіе труды Сперанскаго, которыхъ мы и половины не исчислили.

Императоръ Александръ I такъ оцѣнилъ и полюбилъ Сперанскаго, что проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ искренней бесѣдѣ о мѣрахъ, нужныхъ для блага Россіи.

Въ 1808 онъ взялъ его съ собою въ Эрфуртъ, гдѣ было назначено свиданіе и совѣщаніе съ Наполеономъ I о дѣлахъ Европы. Совѣщанія эти, на которыхъ участвовали короли Саксонскій, Баварскій, Вестфальскій, Виртембергскій и другіе, длились съ 27-го сентября по 14-е октября по новому стилю. Наполеонъ былъ восхищенъ умомъ Сперанскаго и, по окончаніи совѣщаній, подарилъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами, а король Прусскій пожаловалъ ему орденъ краснаго орла первой степени. Сперанскій привезъ изъ Эрфурта портретъ Наполеона во весь ростъ, въ мундирѣ того времени, гравированный Фридрихомъ Арнольдомъ и раскрашенный, и подарилъ отцу моему. Этотъ портретъ, по словамъ М. М. Сперанскаго, былъ очень похожъ. Рѣдкость эта донынѣ хранится въ моемъ кабинетѣ.

Въ 1809 году Сперанскій былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника, и когда государственный совѣтъ получилъ въ 1810 году, по проекту Сперанскаго, новое образованіе,—онъ, 1-го января 1810 года, былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Всѣ дѣла, которыя разсматривались и рѣшались въ Совѣтѣ, были лично докладываемы Сперанскимъ Императору. Такимъ образомъ пріобрѣлъ онъ огромное вліяніе на всѣ министерства, изъ которыхъ всѣ важныя дѣла вносились въ совѣтъ, а не прямо къ Государю, какъ до того времени было. Очевидно, что такой новый порядокъ вещей не могъ нравиться тогдашнимъ министрамъ. Всякая мѣра, представленная министер-

ствомъ и въ совѣтѣ не одобренная или измѣненная, по естественному порядку вещей оскорбляла самолюбіе людей сильныхъ, которые прежде не подвергали своихъ мыслей и предположеній ни чьему разбору, и представляли ихъ прямо Государю. Легко понять, что отъ этого Сперанскій пріобрѣлъ много тайныхъ и явныхъ враговъ, которые желали и старались всѣми мѣрами поколебать силу его и съ каждымъ днемъ возраставшее довѣріе къ нему Императора. Ропотъ и пересуды всѣхъ дѣйствій Сперанскаго распространялись болѣе и болѣе въ высшемъ кругу, и тѣмъ сильнѣе, что ему не могли простить незнатное его происхожденіе и его мнимую гордость. Въ послѣднемъ порокѣ обвиняли его потому, что онъ съ утра до ночи, то занимаясь государственными дѣлами, то слѣдя за успѣхами наукъ, отказывался часто отъ самыхъ блестящихъ, званыхъ обѣдовъ, баловъ и вечеринокъ. Всякая новая мѣра правительства, даже самая благодѣтельная и необходимая, была перетолковываема въ дурную сторону и приписываема Сперанскому. Отъ высшаго круга ропотъ и неудовольствіе противъ него распространились въ кругу среднемъ и даже въ народѣ.

Хотя я былъ ребенкомъ, но очень живо помню, какой гвалдъ и шумъ поднялся между всѣми коллежскими и титулярными совѣтниками всей Россійской Имперіи, когда состоялся указъ 6-го августа 1809 года о неповышеніи въ чинъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника безъ аттестата высшаго учебнаго заведенія, или установленнаго экзамена въ наукахъ. Ропотъ былъ такой, особенно между необразованными подъячими, родственниками и пріятелями ихъ, какъ будто бы грозила гибель отечеству, въ родѣ новаго нашествія Батыя. Сатиры, каррикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго, какъ изъ мѣшка, или миѳологическаго рога изобилія. На одномъ публичномъ

маскарадѣ, бывшемъ въ то время, одна маска произвела общій хохотъ и вмѣстѣ негодованіе на Сперанскаго, что было предметомъ шума и городскихъ сплетней на цѣлую недѣлю и даже больше. Какой-то острякъ, безъ сомнѣнія, какъ Кутейкинъ фонъ-Визина, убоявшійся бездны премудрости и потерявшій всякую надежду выдержать экзаменъ въ какой либо наукѣ, кромѣ чиноманіи и взяткологіи, нарядился въ старинный, фантастическій, каррикатурный мундиръ, и, на подобіе извощика, прицѣпилъ къ воротнику, на спинѣ своей, четвероугольный картонъ, на которомъ крупнѣйшими буквами было написано слѣдующее:

№ 1,200,301.
Вѣчнаго цеха
титулярный совѣтникъ.

Замѣтивъ необыкновенное волненіе публики, полиція учтиво попросила этого господина снять со спины свою остроту.

Еще болѣе произвелъ волненія и неудовольствія, но только не въ публичномъ маскарадѣ, а въ высшемъ кругу общества и особенно въ дамскихъ гостиныхъ обѣихъ столицъ, Высочайшій указъ, данный сенату 3-го апрѣля того же 1809 года. Въ началѣ этого закона было сказано:

«Поощреніе къ службѣ и возбужденіе всѣхъ силъ и способностей къ труду и дѣятельности на пользу общую, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ попеченій правительства. Сему существенному и необходимому правилу настоящее положеніе чиновъ при Дворѣ Нашемъ въ званіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ не соотвѣтствуетъ. Неудобства, отъ сего происходящія, тѣмъ болѣе ощутительны, что молодые люди, въ сіи званія опредѣляемые, большею частію принадлежа къ знатнѣйшимъ домамъ россійскаго дворянства, рожденіемъ, воспитаніемъ, способами имущества предопредѣлены быть надеждою отечества, наслѣд-

ствомъ тѣхъ заслугъ и личныхъ достоинствъ, коими предки ихъ, стяжавъ славу своего имени, предали имъ ее въ залогъ сохраненія и умноженія, завѣщали имъ искать почестей въ дѣлахъ, а не въ званіяхъ, и, въ подвигѣ отечественныхъ пользъ, предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ.»

На основаніи этихъ уваженій предписано было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, прежде означеннаго указа пожалованныхъ и не состоящихъ ни въ военной, ни въ гражданской службѣ, оставить при прежнихъ правахъ ихъ, предоставивъ имъ избрать родъ дѣйствительной службы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Вновь же пожалованные камергеры и камеръ-юнкеры по тому же указу обязывались проходить службу военную или гражданскую съ первоначальныхъ чиновъ, наравнѣ съ прочими дворянами.

Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ указъ на всѣхъ тѣхъ, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, при первомъ желаніи перейти изъ придворной въ другую службу, имѣли право получать прямо чины 5-го и 4-го класса. Можно понять все негодованіе ихъ нѣжныхъ матушекъ, тетушекъ и бабушекъ до седьмой степени родства включительно.

Сперанскій, видя опасность своего положенія, откровенно изъяснилъ ее въ февралѣ 1811 года при отчетѣ Императору за 1810 годъ о дѣлахъ государственнаго совѣта, и просилъ уволить его отъ должности государственнаго секретаря. Государь не согласился на увольненіе и успокоилъ Сперанскаго, а 1-го января 1812 года пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Между тѣмъ вражда и зависть не дремали. Россіи грозило тогда вторженіе Наполеона со всѣми силами Европы.

Всѣ умы были взволнованы. Легко понять, какая бездна

заботъ и тревогъ обременяла тогда Государя. Лига, составившаяся противъ Сперанскаго, воспользовалась этимъ смутнымъ временемъ и успѣла наконецъ поколебать довѣріе Императора и возбудить противъ Сперанскаго важныя и сильныя подозрѣнія. Онъ совершенно неожиданно былъ приглашенъ вечеромъ, въ воскресенье, 17-го марта, въ зимній дворецъ, гдѣ Государь объявилъ ему одно за другимъ всѣ возникшія на него обвиненія. Сперанскій оправдывался и просилъ Государя о повелѣніи произвести строжайшее изслѣдованіе, которое обличило бы клевету и доказало его невинность. Государь объяснилъ, что тогдашнія обстоятельства Россіи представляли къ такому изслѣдованію неодолимыя препятствія, и что на время онъ долженъ удалиться въ Нижній-Новгородъ. Разговоръ этотъ длился около двухъ часовъ. Между тѣмъ министръ полиціи—одинъ изъ главныхъ недоброжелателей Сперанскаго—опечаталъ всѣ государственныя и прочія бумаги въ его кабинетѣ. Государь, объяснивъ Сперанскому невозможность дать ему въ то время способы къ оправданію, обѣщалъ самъ заняться изслѣдованіемъ его дѣла и, со слезами на глазахъ, простился съ нимъ. Онъ проводилъ Сперанскаго до порога въ другую комнату, гдѣ былъ князь Голицынъ, и, молча, съ печальнымъ лицомъ удалился.

Сперанскій почти въ безпамятствѣ сѣлъ въ свою карету и поѣхалъ домой; тамъ ждалъ его министръ полиціи. Этотъ небольшой домъ великаго человѣка былъ каменный, двухъ-этажный, на самомъ концѣ лѣвой стороны Сергіевской улицы, и выходилъ однимъ фасомъ на эту улицу, а другимъ на улицу, идущую мимо Таврическаго сада. Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, я еще ребенкомъ бывалъ въ этомъ домѣ, и до сихъ поръ живо его помню.

Наступала ночь. Министръ, избѣгая огласки, распорядился, чтобы Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга ночью.

Домъ былъ, по его распоряженію, окруженъ въ извѣстномъ разстояніи полицейскими драгунами. Кибитка, запряженная тройкою, была уже готова, и частный приставъ, которому министръ поручилъ проводить Сперанскаго до Нижняго-Новгорода, былъ уже на лицо. Въ глубокую ночь Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга. Такъ какъ онъ вовсе не предполагалъ отправиться въ дальнюю дорогу, то у него не оказалось теплой шапки, которая была очень необходима по случаю довольно сильнаго мороза. Крѣпостной его камердинеръ Лаврентій, о которомъ будетъ говорено ниже, одолжилъ своему господину собственную, теплую шапку, которую онъ только что купилъ.

Разсказъ нашъ дополнитъ письмо очевидца—свидѣтеля этого происшествія—покойнаго отца моего (*)—къ М. М. Сперанскому изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ, отправленное въ 1812 году не черезъ почту, а особымъ, тайнымъ путемъ, ибо за всею перепискою со Сперанскимъ имѣлъ тогда надзоръ министръ полиціи.

Вотъ это письмо:

«Пользуясь сею вѣрною оказіею, я не буду описывать вамъ, мой премилосердый отецъ Михаилъ Михайловичъ, ни той сердечной скорби, какою поразило меня случившееся съ вами несчастіе, ни тѣхъ домашнихъ моихъ безпокойствъ, кои были слѣдствіемъ толь необычайнаго съ вами происшествія; но считаю лишь нужнымъ дать вамъ отчетъ

(*) Петръ Григорьевичъ Масальскій изъ всѣхъ близкихъ Сперанскому людей едвали не былъ его преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ. Любовь его къ Сперанскому, доходившая до обожанія, не знала предѣловъ. П. Г. не жалѣлъ, ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ сдѣлать М. М. пріятное или полезное, и въ письмахъ своихъ, особенно въ первое время послѣ удаленія Сперанскаго, не находя словъ, чтобъ выразить ему всю свою любовь и преданность, придумалъ по ярославскому старинному обычаю называть его *премилосердымъ отцомъ своимъ*.

въ томъ только, что до сего времени относительно къ вамъ здѣсь происходило.

О несчастіи вашемъ я узналъ ввечеру 17-го марта отъ М. Л. М. (*), который въ то время, какъ министръ полиціи пріѣхалъ къ нему съ объявленіемъ Высочайшей воли, прислалъ за мною, по согласію на то министра полиціи. Причина, побудившая его къ тому, была та, что онъ,—не имѣя у себя денегъ не только на прожитокъ свой въ Вологдѣ, но даже на пополненіе казенной суммы въ коммиссію военныхъ уставовъ, которую онъ позаимствовалъ,—просилъ меня, чтобъ я заплатилъ за него черезъ двѣ недѣли 7 тысячъ руб. министру полиціи и 5 тысячъ въ коммиссію военныхъ уставовъ. Поелику М. П. помянутою семитысячною суммою одолжалъ М. Л. на дорогу, другихъ же денегъ онъ никакихъ не имѣлъ, то я, убѣждаясь таковымъ критическимъ его положеніемъ, принужденъ былъ отозваться М. П., что я, если получу ожидаемыя мною деньги, то не премину заплатить ему помянутыя 7 тысячъ рублей. Что же касается до казенныхъ денегъ, М. Л. для заплаты ихъ обѣщалъ доставить ко мнѣ изъ Вологды вѣрющее письмо на продажу новгородскихъ его земель, которое я отъ него нынѣ и получилъ, и буду всѣми мѣрами стараться, чтобы помянутый долгъ былъ заплаченъ въ коммиссію, какъ возможно скорѣе. М. П., обезпечивъ вышеписаннымъ образомъ данную имъ М. Л. сумму, и послѣ того, оставя при немъ полицейскаго чиновника, самъ распрощался съ М. Л. дружескимъ образомъ. Я вслѣдъ за нимъ стремглавъ бросился въ вашъ домъ; но по

(*) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Леонтьевича Магницкаго, который былъ подъ начальствомъ Сперанскаго, статсъ-секретаремъ въ государственной канцеляріи. Онъ былъ удаленъ въ Вологду въ тоже время, когда Сперанскому повелѣно было ѣхать въ Нижній-Новгородъ.

пріѣздѣ найдя М. П. у васъ и узнавъ отъ Лав. (*), что вы изъ дворца еще не возвращались, я поѣхалъ искать васъ тамъ; но къ несчастію вы оттолѣ уже уѣхали. Послѣ сего возвратясь къ дому вашему, я нѣсколько разъ покушался взойти къ вамъ въ то время, какъ вы были съ М. П., но ужаса, который тогда мною овладѣлъ, я, никакъ преодолѣть не могъ, и потому, ходя около дома вашего до двухъ часовъ за полночь, я, при малѣйшемъ даже движеніи полицейскихъ драгуновъ, представлялъ совершенно трусливаго зайца. Такимъ образомъ, лишась послѣдней отрады видѣть васъ, моего премилосердаго отца, при отъѣздѣ вашемъ, и, возвратясь домой съ стѣсненнымъ горестью сердцемъ, я, на другой послѣ отъѣзда вашего день, весьма рано увѣдомилъ о случившемся съ вами несчастіи какъ гр. В. П. К. (**), такъ и гр. П. А. Ш. (***), и просилъ ихъ, чтобы они употребили всѣ средства, дабы противъ всякой на васъ клеветы истребовано было отъ васъ письменное объясненіе. Гр. Ш. принялъ въ вашемъ положеніи истинное участіе и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить, что ежели вамъ нужно будетъ подать чрезъ него Государю письмо, то онъ тотчасъ сіе исполнитъ, но гр. К. (****) большою своею осторожностью удивилъ меня. Онъ сперва спрашивалъ меня о причинахъ вашего несчастія, но когда я ему отозвался, что я ничего не знаю, и что жизнью можно отвѣчать, что вы ни въ чемъ не виновны; то обратился къ другому вопросу, а именно: великое ли вы имѣете богатство? Я увѣрялъ его, что все, что вы имѣете, состоитъ лишь въ жалованьѣ, которое получалъ я за прошедшее время по носимымъ

(*) Лаврентій, крѣпостной человѣкъ и камердинеръ Сперанскаго.

(**) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

(***) Генералъ-адъютанта графа Павла Андреевича Шувалова.

(****) Графъ Кочубей.

вами званіямъ, и въ деньгахъ, сбереженныхъ вами отъ продажи всемилостивѣйше пожалованныхъ вамъ саратовскихъ земель, и заключается въ 55 т. асс., если только въ теченіе прошедшаго года изъ онаго числа вы не прожили, и что счеты мои, кои въ кабинетѣ вашемъ должны храниться съ 1798 года, откроютъ и недостатки ваши, и крайне умѣренную вашу жизнь; но увѣренія сіи любопытства гр. К. не прекратили. Онъ заключилъ оное такимъ вопросомъ, который привелъ меня даже въ досаду.......... и гр. К., какъ казалось мнѣ, почувствовавъ странность своего вопроса, перемѣнилъ свой разговоръ и, спрашивая меня: не нужны ли деньги на отправленіе Ел. М.? (*)—предлагалъ мнѣ, чтобъ я взялъ у него, сколько бы ни понадобились, но я отъ такого пособія вовсе отказался. Кончивъ такимъ образомъ свиданіе мое съ гр. К. и желая дойти до истинныхъ причинъ вашего несчастія, а сверхъ того и охранить дѣла малолѣтныхъ дѣтей гр. Ш. отъ разстройки, я присовѣтовалъ графинѣ Ш., чтобъ она упросила М. В. Д. (**) вступиться въ ея горе, и убѣждалъ ее, что если О. П. (***) будетъ считать по дѣламъ ея меня излишнимъ, то чтобъ она меня отъ нихъ тотчасъ освободила. Графиня совѣтъ мой исполнила, но О. П., вразсужденіи меня отозвавшись, что я крайне нуженъ, поручилъ ей 20-го марта привесть меня къ нему обѣдать. Не могши отказаться отъ такого приглашенія, признаюсь, что обѣдъ сей стоилъ мнѣ большаго мученія. Я представлялъ весьма трудную ролю и едва могъ ее выдержать. Наконецъ все сіе кончилось пріѣздомъ Р.... (****), съ которымъ О. П. тотчасъ заперся въ кабинетѣ своемъ, приказавъ между

(*) Елисаветы Михайловны, единственной дочери Сперанскаго.

(**) Министра внутреннихъ дѣлъ.

(***) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

(****) Розенкампфъ.

тѣмъ приготовить мнѣ отъ гр. Ш. къ нему письмо объ опредѣленіи въ опекуны вмѣсто васъ брата ея, а его зятя, К. Щ. (*). Исполнивъ его приказаніе, я на другой день представилъ ему отъ графини Ш. помянутое письмо; но онъ приказалъ включить также въ опекуны и Р. Переписавъ письмо и снова оное къ нему доставя, я между тѣмъ искуснымъ образомъ узналъ отъ графини Ш. страшныя на счетъ чести вашей нелѣпости. Она открыла мнѣ, что о васъ твердятъ, что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогами сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе; что перехвачены ваши письма къ Б. (**); что у В. М. (***) украдена портфель съ военными планами, и планы сіи посланы также къ Б.; что наконецъ вы, хотя и старались оправдаться передъ Государемъ, но помянутыя письма васъ обличили и сдѣлали васъ безотвѣтнымъ, и когда Государь предложилъ вамъ, что за лучшее для себя признаете: судъ или ссылку въ Нижній-Новгородъ, то вы, лишась надежды оправдаться, и рѣшились избрать послѣднее. Всѣ сіи нелѣпости, еслибъ выдумываемы были одною глупою чернью, то конечно не было бы причинъ много безпокоиться; но тутъ вездѣ было намѣреніе людей устремившихся на вашу погибель, которые звѣрскимъ образомъ силились растерзать доброе ваше имя, и все вышеписанное составляло малую только часть того, что о васъ здѣсь по городу разносили. Я не буду распространяться въ изложеніи всего того потому, что все, что могъ я узнать относительнаго къ вамъ, я для лучшаго соображенія пересказывалъ А. А. и Ф. И. (****), яко главнымъ

(*) Князя Щербатова.

(**) Бонапарте.

(***) Военнаго Министра.

(****) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Андреевичъ Жерве и статскій совѣтникъ Францъ Ивановичъ Цейеръ.

членамъ нашего несчастнаго комитета, и—думаю—они обо всемъ къ вамъ писали. Нужнымъ же считаю довести до вашего свѣдѣнія только то, что когда начали кричать, что у васъ нѣсколько милліоновъ хранится въ англійскомъ банкѣ, что 700 т. серебромъ отправлены были вами въ Кіевъ на контракты, и что я и М. В. (*) были орудіями корыстолюбиваго вашего поведенія, и за сіе насъ пошлютъ въ ссылку: то я, убѣдясь опаснымъ положеніемъ жены моей, которая, по неосторожности моего свояка, узнавъ о всѣхъ вышеписанныхъ бредняхъ, на третій день послѣ вашего отсюда отъѣзда была такъ потревожена, что докторъ едва могъ спасти ее, просилъ графиню Ш., чтобъ она разсказала все то О. П. и открыла бы, что я, будучи совершенно невиненъ, того только желаю, чтобъ поведеніе мое строжайшимъ образомъ было изслѣдовано, и что счеты мои, кои найдены будутъ у васъ въ кабинетѣ, легко могутъ доказать не только невинность мою, но также и то, что вы не имѣете никакого у себя богатства. Графиня все сіе исполнила и привезла мнѣ увѣреніе, какъ отъ О. П., такъ и отъ супруги его, что они меня не выдадутъ; когда же я явился самъ къ нимъ, то О. П. спрашивалъ меня: неужели въ самомъ дѣлѣ вы не имѣете никакого состоянія? Я отвѣтствовалъ ему тоже, что и графу К.; но когда онъ мнѣ сказалъ, что я, можетъ быть, всего не знаю, и что деньги отданы кому нибудь взаймы, то я увѣрилъ его, что всѣ денежныя дѣла шли черезъ мои руки, и что вы, въ прошломъ году, отъѣзжая въ новгородскую М. А. деревню, оставляли у меня все свое богатство; но въ немъ не заключалось ничего болѣе вышеписанной суммы; публика же, хотя и насчитываетъ у васъ милліоны, но вздоръ сей разрѣшается однимъ тѣмъ, что ежели бы въ самомъ

(*) Д. ст. совѣтникъ Матвѣй Васильевичъ Могилянскій.

дѣлѣ вы имѣли большое состояніе, то, заботясь о сбереженіи нѣсколькихъ тысячъ, конечно болѣе бы заботились о милліонахъ. Кончивъ такимъ образомъ разговоръ съ О. П., я послѣ сего времени болѣе уже не слыхалъ отъ него на счетъ васъ никакого любопытства, кромѣ того только, что, когда обрадованъ я былъ полученіемъ отъ васъ письма, съ частнымъ (*) вами посланнаго, и когда онъ отъ графини узналъ, что и вы ей совѣтуете просить его въ опекуны, то изъявилъ желаніе видѣть ваше письмо, и я принужденъ былъ оное ему показать. На сіе рѣшился я не только потому, что письмо не содержало въ себѣ ничего важнаго, но что оно и отдано мнѣ было отъ М. П. (**) распечатанное, съ такимъ объясненіемъ, что оное, какъ равно и письмо къ Е. А. (***) читано было Государемъ, и велѣно отдать ихъ мнѣ. При семъ случаѣ М. П. объявилъ мнѣ, что если буду я писать къ вамъ, то письма доставлялъ бы къ нему; но чтобъ лишняго въ нихъ я ничего не писалъ. Я отозвался ему, что кромѣ домашнихъ вашихъ дѣлъ писать мнѣ не о чемъ. При отъѣздѣ же своемъ въ Вильно, когда я принесъ къ нему деньги за М. Л. (****), онъ еще подтвердилъ мнѣ тоже самое и велѣлъ, что если письмо у меня готово, то принесъ бы къ нему, а если его уже не застану, то представилъ бы оное къ С. К. В. (*****). Не зная къ чему отнести таковое М. П. настояніе, я рѣшился напередъ испросить на сіе вашего наставленія, и потому на-

---

(*) Частнымъ приставомъ, который провожалъ Сперанскаго до Нижняго-Новгорода.

(**) Министра полиціи.

(***) Елисавета Андреевна Стифенсъ, мать покойной супруги Сперанскаго.

(****) Михаила Леонтьевича Магницкаго.

(*****) Сергій Козьмичъ Вязмитиновъ, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

мѣренъ былъ, описавши всѣ вздорные и неправдоподобные разсказы, послать къ вамъ нарочно вручителя сего—дядю моего П. П. П. (*), вами довольно облагодѣтельствованнаго и питающаго къ вамъ истинную благодарность; но Ф. И. (**) отъ того меня удержалъ, представя мнѣ, что таковая посылка, по нерозысканію вѣрныхъ причинъ вашего несчастія, будетъ болѣе вредна, нежели полезна, и что онъ надѣется самъ скоро къ вамъ отправиться, поелику С. К. В. обнадежилъ отпустить его, коль скоро кабинетъ вашъ будетъ распечатанъ. Узнавъ о семъ и желая ускорить отъѣздъ отсюда Ф. И., я счелъ нужнымъ по часту являться къ Сергію Козьмичу и просить его о распечатаніи кабинета вашего, представляя, что мнѣ нужны нѣкоторыя бумаги, къ домашнимъ вашимъ дѣламъ принадлежащія и въ кабинетѣ вашемъ хранящіяся, но наконецъ, хотя я и успѣлъ въ томъ и кабинетъ вашъ хотя́ и сдали мнѣ 3-го мая; но Ф. И. и до сихъ поръ не отпускаютъ, подъ предлогомъ, будто бы снова писано о немъ Государю. Въ бумагахъ, мнѣ сданныхъ, я получилъ одинъ конвертъ запечатанный и для отправленія къ вамъ вручилъ его Ф. И., прочія же бумаги, какъ то: патенты, рескрипты, планы съ межевыми книгами на новгородскую деревню и нѣсколько моихъ счетовъ оставилъ до приказанія вашего у себя. Между тѣмъ считаю непремѣнною обязанностію васъ увѣдомить, что Л. (***) вашъ есть не что другое, какъ шпіонъ. Это достовѣрно кажется потому, что онъ подкупалъ гр. К. людей и сулилъ имъ сто рублей, за то, чтобы они открыли ему, куда графъ по вечерамъ ѣздитъ. Между прочимъ сказывалъ онъ имъ, что будтобы вы отдали въ заемъ вдругъ 400 т. руб. Сверхъ того шпіонство его доказывается и

(*) Петра Петровича Попова.

(**) Цейеръ.

(***) Лаврентій, камердинеръ Сперанскаго.

тѣмъ, что М. П. призывалъ Баташева и, показавъ ему двѣ записки, писанныя къ вамъ не задолго до несчастія вашего о 175 т., которыя должно Баташеву адмиралтейство, и кои онъ намъ отдавалъ подъ залогъ Парголова, требовалъ отъ него поясненія тѣмъ запискамъ. Баташевъ словесно объяснилъ всю истину и указалъ даже на закладную нашу, которая за мѣсяцъ до несчастія вашего въ гражданской палатѣ была написана. Онъ въ тѣхъ запискахъ ругалъ между прочимъ Кнауфа и одного изъ прежнихъ своихъ приказчиковъ Ярцова, и просилъ васъ записки сіи изорвать, и притомъ помнитъ, что записки сіи сынъ его именно отдалъ Лаврушкѣ. Я подозрѣваю его въ шпіонствѣ и по ядовитому смѣху его, который я замѣтилъ въ то время, когда М. Л. у васъ находился въ послѣдній передъ несчастіемъ вашимъ вечеръ. Сверхъ того намъ извѣстно сдѣлалось, что у М. Л. и управитель и двое изъ лакеевъ также были шпіоны. Доводя все сіе до свѣдѣнія вашего, я также поспѣшаю васъ увѣдомить, что черезъ Шкафтъ (*) посылать письма я считаю не очень вѣрнымъ способомъ, потому что тамъ теперь опредѣленъ графомъ въ управители одинъ знакомый О. П. К., итальянецъ Пріори. Я даже сомнѣваюсь, что письмо ваше, кое вы черезъ него изволили послать, не гуляло ли также, какъ и другія ваши письма, поелику я получилъ оное отъ Пріори при письмѣ отъ 12-го мая, а вами оно послано 12-го апрѣля. Развѣ не удержалъ ли его долго Ар. А. (**)? Ежели нужно дѣлать какія либо особенныя порученія, то я честь имѣю представить для сего показаннаго дядю моего, яко человѣка вамъ всей душею преданнаго и повер-

(*) Названіе завода графа Ш.

(**) Сенаторъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, который былъ преданъ Сперанскому.

гающаго себя въ совершенное ваше распоряженіе, съ коимъ и деньги 20 т. руб., полученныя мною по билетамъ вашимъ, честь имѣю препроводить. Проценты же 935 руб. отправлю вслѣдъ за симъ мелкими ассигнаціями вмѣстѣ съ вещами, коихъ вы изволите требовать.

Въ разсужденіи новгородской вашей деревни я честь имѣю васъ удостовѣрить, что я по экономіи не упущу никакихъ вашихъ выгодъ. Между тѣмъ, доводя до свѣдѣнія вашего о ветхости кровли на домѣ, я хотя и предполагаю нынѣ же приступить къ исправленію всего того, но напередъ испрашиваю разрѣшенія вашего: не изволите-ли приказать покрыть домъ вашъ желѣзомъ? Я на будущей недѣлѣ отправлюсь въ деревню и донесу вамъ обо всемъ обстоятельнѣе. Я по назначенію вашему хотя и вступилъ въ переписку съ новгородскимъ вице-губернаторомъ, но онъ на письмо мое къ нему не удостоилъ меня даже отвѣтомъ своимъ, и я утруждать его болѣе считаю совершенно излишнимъ.

Всепокорнѣйше прошу дать мнѣ наставленіе: въ отвѣтѣ на письма ваши не нужно ли мнѣ приличнымъ образомъ выказать ваше состояніе, дабы Государь могъ это увидѣть. М. П. вѣрно не представилъ ему о томъ. И не прикажете ли помѣстить въ отвѣтѣ моемъ еще что нибудь, чрезъ что бы вы имѣли случай написать сюда то, что для васъ нужно. Я все то, премилосердый отецъ, исполню. Сыновняя моя къ вамъ преданность не имѣетъ предѣловъ, и я весь вашъ. Мнѣ нетерпѣливо хочется отправиться къ вамъ самому, но дѣла меня здѣсь задерживаютъ. Не смотря однакоже на все сіе, я прилечу къ вамъ, если пріѣздъ мой нуженъ».

Прежде, чѣмъ Сперанскій получилъ вышеприведенное письмо покойнаго отца моего, онъ написалъ къ нему изъ Нижняго-Новгорода слѣдующее:

Нижній. 22-го марта 1812 г.

«Я просилъ министра полиціи вручить вамъ, любезный Петръ Григорьевичъ, всѣ бумаги, къ домашнимъ моимъ дѣламъ относящіяся. Принявъ ихъ и разобравъ, прошу сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Разчесться съ жалованьемъ, на что вслѣдъ за симъ пришлю я вамъ вѣрющее письмо.

2) Войти въ переписку съ новгородскимъ вице-губернаторомъ о деревнѣ (*) и принять дѣла въ ваше управленіе, посредствомъ опредѣленнаго тамъ на мѣстѣ управителя.

3) Получить деньги съ аренды, на что также пришлю я вамъ вѣрющее письмо.

4) Изготовить и прислать ко мнѣ прошеніе объ увольненіи меня отъ всѣхъ опекъ. Графинѣ Ш. нѣтъ другаго спасенія, какъ просить, чтобы О. П. Козодавлевъ занялъ мое мѣсто.

Простите! Я такъ много писалъ, что рука болѣе не пишетъ. Пишите ко мнѣ сюда, сколь можно чаще. Вѣрьте истинной моей дружбѣ. Душевно васъ обнимаю.»

Вслѣдъ затѣмъ мать покойной супруги Сперанскаго, г-жа Стифенсъ, передала покойному отцу моему письмо Михайла Михайловича, ею отъ него полученное. Вотъ это письмо:

Ce 27 Mars 1812.

«Me voici tout-à fait établi à Nijni et parfaitement tranquille sur mon sort; je ne soupire qu'àprès le moment de nous voir réunis. J'ai pris possession de la petite maison que

(*) Сельцо Великополье, близъ Новгорода, принадлежавшее дочери Сперанскаго.

je vous ai annoncée; en verité elle est bien jolie et commode; je suis sûr qu'elle vous plaira, ma chère et bonne maman; il y a un jardin isolé de toute autre habitation, de sorte que vous pouvez y descendre sans vous gêner le moins du monde.

Je vous ai déjà marqué la route qui vous serait la plus convenable à prendre; tout ce que j'ai appris depuis me confirme dans la même idée. Mais au nom du ciel, n'ayez aucun égard à mon impatience de vous voir ici, voyagez tranquillement et commodément. Je suppose que vous ne partirez qu'au commencement du mois de Mai, lorsque les rivières rentreront déjà dans leurs lits; vous passerez par conséquent les Pâques à Pétersbourg. Je défends à ma chère et bonne Lise de ternir cette fête par le moindre chagrin et je la prie de la passer avec ses amies aussi gaiement qu'il lui sera possible. J'attends vos lettres, ma chère maman, avec beaucoup d'impatience, et si quelque chose est capable de m'inquiéter, c'est l'incertitude où je suis sur vorte santé. Je vous écrirai constamment une fois par semaine; faites en autant, ma chère maman. Vous avez encore l'avantage de m'écrire deux fois dans huit jours, quoique je ne recevrai de vos lettres qu'une seule fois. Quoique je n'ai pas besoin pour le moment des pillulles de M-r Harbaur, j'aurais desiré cependant d'en avoir la recette par précaution. Voulez-vous bien lui en parler. Aux articles, que j'avais designé dans ma lettre précedente pour être envoyés ici, je vous prie d'ajouter des tapis. Tout ce que nous avons dans ce genre sera expedié par eau sur le même transport que les vins et la bière. M-r. Massalsky vous rendra compte de mes intentions pour la terre de Novgorod. Je ne voudrais pas la vendre, et vous approuverez certainement mes raisons, quand je vous les aurai exposées de vive-voix. Si cette terre ne nous rapporte que 3.000 r. par an, je considère encore que le capital est mieux placé qu'il ne saurait l'être d'aucune autre manière.

Adieu, ma chère et bonne maman, je vous baise les deux mains et j'embrasse bien tendrement ma bonne Lise-Lise.»

Нижній. 29-го мая 1812 г.

«Изъ разныхъ писемъ моихъ, любезный Петръ Григорьичъ, два только могли къ вамъ дойти: одно чрезъ офицера меня провожавшаго, другое чрезъ Шкафты. Отъ васъ не получалъ я ни одного, хотя и увѣренъ, что вы ко мнѣ писали. Теперь есть вѣрный случай писать съ симъ подателемъ.—Вѣрющихъ писемъ присылать къ вамъ не хочу, чтобъ не нанесть вамъ хлопотъ, а съ другой стороны и деньги не пропадутъ. Объ одномъ васъ прошу: обратить вниманіе ваше на новгородскую деревню. Я хочу сохранить ее непремѣнно.—Вы располагались побывать на казанскихъ вашихъ заводахъ, весьма бы хорошо сдѣлали; путь вашъ лежитъ чрезъ Нижній. Не думайте, чтобъ меня здѣсь нельзя было видѣть съ совершенною безопасностію. Слава Богу, на святой руси, какъ дома. Множество вещей мы могли бы здѣсь распорядить и учредить; а въ Казани братъ мой, и губернаторъ истинный и непремѣняемый мой пріятель вамъ во всемъ пособитъ.—Не слыхали ли чего нибудь о Магницкомъ? — Если нужны ему деньги, прошу перевесть на мой счетъ. Кстати о деньгахъ: я всѣ мои банковые билеты успѣлъ захватить, и съ сей стороны нѣтъ ни малѣйшей заботы. Прощайте, пишите ко мнѣ обо всемъ и сколько можно подробнѣе съ симъ же подателемъ. Душевно васъ и вашихъ обнимаю (*).»

(*) Въ сочиненіи барона Корфа нѣкоторыя изъ приведенныхъ писемъ помѣщены сокращенно, а нѣкоторыя другія сведены вмѣстѣ, какъ то соотвѣтствовало содержанію его книги. Настоящій сборникъ имѣетъ другую цѣль, и потому въ немъ эти письма перепечатываются вполнѣ.

От 10-го апрѣля 1812 года Сперанскій, увѣдомляя отца моего о неожиданномъ пріѣздѣ къ нему, въ Нижній Новгородъ, дочери его, между прочимъ писалъ: «Мнѣ сказывали, что вы безмѣрно печалитесь. Развѣ вы не вѣрите провидѣнію? сколько разъ я твердилъ вамъ, что вѣра состоитъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ».

На письмо отца моего, помѣщенное выше, Сперанскій отвѣчалъ слѣдующее:

Нижній. 14-го августа 1812 г.

«Письма ваши, любезный мой Петръ Григорьевичъ, съ Петромъ Петровичемъ, съ симъ подателемъ и наконецъ съ Дансковымъ, пріѣзжавшимъ отъ Злобина, я въ свое время получилъ; получилъ также одно письмо ваше и черезъ почту вмѣстѣ съ другими. Благодарить васъ не могу и не стану; сами вы въ собственномъ вашемъ сердцѣ найдете всѣ выраженія моей признательности. Лимоны, апельсины, портеръ—все въ свое время и исправно получено, и за здравіе ваше потребляется; обращаюсь къ дѣлу:

1) *О перепискѣ.* Я не вижу никакой надобности переписываться по почтѣ. Что̀ бы мы ни написали, ничему не повѣрятъ. Къ чему же намъ тѣшить нашихъ непріятелей. Путь теперь проложенъ; лучшее—черезъ него сноситься. Выказывать мое состояніе не худо; но къ сему довольно словесныхъ, гдѣ нужно, изъясненій. Говоря о семъ съ графомъ Кочубеемъ, вы забыли, что денегъ въ долгъ не отдаютъ безъ векселей или закладныхъ. Гдѣ же они? пусть найдутъ ихъ въ бумагахъ—я дарю все находчикамъ. Вы напрасно усомнились въ письмѣ черезъ Шкафтъ (*). Оно поздно было отдано отъ Аркадія Алексѣевича. Въ прочемъ и сей путь совершенно не нуженъ. Письма къ графинѣ Головкиной я написать теперь не успѣю; да и не думаю,

(*) Заводъ графа Шувалова.

чтобъ можно было теперь успѣть съ кѣмъ и какъ его послать? Лучше отложить до окончанія войны: тогда все прояснится.

2) *О денежныхъ дѣлахъ.* Слѣдуя моей системѣ, я сбылъ здѣсь съ рукъ мои банковые билеты. Осталось десять тысячъ съ процентами, кои съ симъ къ вамъ посылаю, прося васъ покорнѣйше, *какъ можно скорѣе* ихъ размѣнять, достать *голландскихъ, добрыхъ* червонцевъ, хотя бы то было и въ 13 р. 50 к., и запечатавъ доставить *все* съ вручителемъ сего, г-мъ Швылевымъ (*), который обѣщался скоро сюда возвратиться. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что съ нимъ я буду ожидать отъ всѣхъ моихъ пріятелей писемъ; а потому и прошу васъ объ отъѣздѣ его кому слѣдуетъ сказать. Онъ такъ же вручитъ вамъ извѣстный графа Кочубея вексель. Срокъ въ сентябрѣ. Побывайте сами у графа и, представивъ ему разстроенное мое состояніе, убѣдите заплатить, и тогда, обративъ и сіи деньги въ золото, ко мнѣ такъ же доставить. Изъ всей суммы сей мнѣ нужно только 5.000 р. ас. на прожитокъ. Если бы, паче чаянія, графъ затруднился недостаткомъ наличныхъ: тогда пріищите ему заемъ, а послѣднее средство предложите ему: написать сюда къ управляющему здѣсь деревнями его, моему пріятелю Лукѣ Ивановичу Серебряникову, чтобъ онъ заплатилъ изъ доходовъ его 15.000 р. тому, отъ кого вексель на сію сумму будетъ къ нему предъявленъ, не именуя хоть меня, и письмо сіе черезъ васъ вмѣстѣ съ векселемъ ко мнѣ доставить. Но сіе средство есть послѣднее, ибо оно для меня не безъ затрудненія. Какъ бы то ни было дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ вексель сколь можно скорѣе заплаченъ былъ и червонцы лежали бы у моей Елисаветы въ изголовьи. Всѣ сіи попеченія я для нея

(*) Ярославскій купецъ Петръ Ивановичъ Швылевъ.

дѣлаю, готовясь самъ на всѣ происшествія. Изъ сего вы изволите понять, сколь мнѣ желательно все сіе окончить. Цейеру, если ему понадобится, давать на мой счетъ сколько ему нужно.

3) *О деревнѣ.* За всѣ распоряженія ваши весьма благодаренъ; ради Бога, съѣздите туда сами и посмотрите, и дайте мнѣ хоть краткое понятіе: будетъ ли и какой именно доходъ, и когда ожидать его можно. Шутка ли: другой годъ все идетъ даромъ. Вы знаете, что я выдалъ обязательства. Дому перекрывать не нужно, а починить, чтобъ не было течи, и въ прочемъ все поддерживать, какъ было.

4) *О жалованьѣ.* Нельзя ли выправиться, въ какомъ положеніи мое жалованье? Не ужели за сіе повѣсятъ?—Вы знакомы съ Лубьяновичемъ, и даже канцелярскій чиновникъ можетъ знать, ассигнуются ли мнѣ деньги, и не было ли особеннаго указа все остановить. Мнѣ даже и неприлично не требовать жалованья, и если паче чаянія оно есть или по крайней мѣрѣ не запрещено выдать то, что по 17-е марта причитается: тогда я напишу по почтѣ къ министру финансовъ, чтобъ ассигновалъ мнѣ сіи деньги въ здѣшней казенной палатѣ.

5) *О книгахъ.* Я не вижу никакой нужды ихъ складывать или пересылать. Здѣсь ихъ у меня довольно.

6) Я съ охотою перемѣнилъ бы и Лаврентія и Карнѣя, не потому, что они подозрительны, но потому, что избалованы; но кѣмъ прикажете?—Здѣсь нѣтъ живаго человѣка, а съ однимъ Васильемъ остаться невозможно. Впрочемъ здѣсь имъ надзирать нечего; а если ихъ купили, то и другихъ еще скорѣе купятъ, чему однакожъ я совсѣмъ не вѣрю.

Прощайте, мой любезный! Еще разъ душевно благодарю и обнимаю.

P. S. Письма я всѣ жгу и истребляю безъ пощады.»

Около того времени, когда войска Наполеона въ началѣ сентября 1812 года заняли Москву, Сперанскому повелѣно было удалиться въ Пермь. Двѣнадцатилѣтняя дочь его и теща, г-жа Стифенсъ, возвратились изъ Нижняго въ Петербургъ, а оттуда отправились въ сельцо Сперанскаго, Великополье, верстахъ въ десяти отъ Новгорода, чтобы тамъ поселиться. Съ ярославскимъ купцомъ Швылевымъ, на вѣрность котораго отецъ мой полагался, послалъ онъ въ Пермь весною 1813 года письмо о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ отцомъ моимъ по домашнимъ дѣламъ Сперанскаго, и между прочимъ написалъ: «Къ крайнему нашему прискорбію узнали мы, что вы изъ Нижняго удалены въ Пермь. Одни утверждали, что васъ удалили въ Пермь за то, что вы будтобы при случившемся у нижегородскаго преосвященнаго, въ присутствіи многихъ особъ, разговорѣ объ опасностяхъ отъ врага Нижнему Новгороду, отозвались преосвященному, что лично ему не можетъ быть никакой опасности, потому, что Наполеонъ духовныхъ особъ уважаетъ. А другіе удаленіе сіе относили представленію графа Толстаго, который будтобы доносилъ, что чернь противъ васъ толикою наполнена злобою, что если вы долѣе будете оставаться въ Нижнемъ, то онъ не отвѣчаетъ даже за жизнь вашу».

Съ тѣмъ же купцомъ Швылевымъ Сперанскій прислалъ отцу моему слѣдующія письма:

«Пермь. 6-го іюля (*) 1813.

«Посланный вашъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, явился здѣсь, какъ ангелъ съ неба: столь мало я его ожи-

---

(*) Въ книгѣ барона Корфа это письмо отнесено вѣроятно по ошибкѣ въ доставленной ему копіи къ ноябрю 1812 года

далъ. Вы безконечно меня симъ обрадовали; но опечалили вашими изъясненіями о моихъ сомнѣніяхъ въ вашей дружбѣ.—Послѣднее чувство, которое во мнѣ угаснетъ, это будетъ довѣріе къ людямъ и въ особенности къ друзьямъ моимъ.

Покорнѣйше прошу исполнить слѣдующія просьбы (*):

1) Передать все управленіе деревни и дому Елисаветѣ Андреевнѣ и съ доходами, какіе отъ деревни быть могутъ—не отказывая однакоже въ дружеской, гдѣ нужно, помощи.

2) Изъ 25.000 р., въ послѣдній разъ отправленныхъ и состоящихъ въ 10.000 билетѣ и 15.000 векселѣ, 20.000 руб. золотомъ отдать Елисаветѣ Андреевнѣ; изъ остальныхъ же 5000 р.: 1) разчесться съ Михаиломъ Васильичемъ въ издержкахъ; 2) удовлетворить людей моихъ по билетамъ, кои отъ меня имъ выданы. Это долгъ священный, потому что они меня здѣсь кормили своими деньгами. У меня не было ни полушки, и я принужденъ былъ закладывать кресты и табакерки; 3) остальное за тѣмъ отдать Елисаветѣ Андреевнѣ. Одно изъ самыхъ большихъ огорченій для меня будетъ узнать, что сіе не кончено. Если, паче чаянія, вексель еще не заплаченъ: то 1) усовѣстить векселедавца положеніемъ и нуждами моей дочери; 2) постращать мимоходомъ, чтобъ я не написалъ о семъ прямо къ нему съ почтою. Между тѣмъ вексель протестовать и привесть въ порядокъ.

3) Въ случаѣ неудачи и недостатка покорнѣйше прошу снабжать Елисавету Андреевну деньгами въ заемъ по возможности.

4) Министръ полиціи извѣстилъ меня, что мнѣ назначе-

(*) Это письмо вѣроятно было написано прежде пріѣзда купца Швылева въ Пермь и приложено къ письму отъ 6-го іюля.

но въ содержаніе 6.000 рублей. Мѣсяцъ прошелъ, а никакого назначенія сюда не сдѣлано. Посему полагая, что деньги сіи будутъ выдаваемы въ Петербургѣ, съ прошедшею почтою послалъ я къ министру полиціи на ваше имя довѣренность, предоставляя ему впрочемъ вручить вамъ сію бумагу или же прямо ассигновать деньги сюда. Я не думаю, любезный мой Петръ Григорьичъ, чтобъ вы симъ обременились. Сокрыть нашего знакомства и дружбы уже невозможно, а опасности для васъ я тутъ не вижу.—Если довѣренность сія къ вамъ дойдетъ: то прошу каждые два мѣсяца присылать мнѣ по 500 руб., а достальныя 500 р. отдавать Елисаветѣ Андреевнѣ на прожитокъ.

5) Нельзя ли какъ нибудь черезъ нѣмцевъ развѣдать о моей арендѣ и возстановить доходъ ея. Если дѣло состоитъ только въ уполномочіи: то я не вижу, для чего бы вамъ не принимать сего на себя. По первому извѣщенію о семъ, я прислалъ бы вамъ довѣренность.

6) Повару Александру и Карнѣю я прошу выдать увольнительные виды на годъ. Обоимъ имъ сіе непремѣнно обѣщано.

Весьма радъ и доволенъ всѣми вашими распоряженіями по дѣламъ моимъ. Не сомнѣваюсь, что и доходъ съ аренды вы возстановите: тогда состояніе мое будетъ преизрядное и по крайней мѣрѣ беззаботное потому, что большаго я никогда не желалъ.

Денегъ сюда ко мнѣ прошу не высылать. Я забралъ здѣсь все, что взять было можно, то есть, за прошедшій годъ и за пять мѣсяцевъ настоящаго. Деньги, взятыя вами изъ казначейства, должно будетъ возвратить.—Удивляюсь податливости министра финансовъ и пріемлю ее съ благодарностію. По мѣрѣ полученія мѣсячнаго моего содержанія прошу отдавать его Елисаветѣ Андреевнѣ на прожитокъ.—Здѣсь я не имѣю ни въ чемъ нужды, и если бы и

желалъ, то никакъ не могу прожить болѣе двухъ тысячъ рублей въ годъ (*). Съ братомъ пришлю къ вамъ лишнія мои деньги 8 тысячъ рублей, чтобъ сдѣлать изъ нихъ такое же, какъ и прежде, употребленіе. Поздравляю съ домомъ. Богатѣйте, мой другъ; вамъ и дѣтямъ вашимъ сіе нужно, и никто, зная васъ, сему не позавидуетъ, но всякій еще порадоваться долженъ, что достается въ добрыя руки.

Подробности моего здѣсь пребыванія и моихъ надеждъ перескажетъ вамъ Цейеръ изъ письма, которое къ нему пишу.—Я такъ много писалъ, что рукой не владѣю. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Помѣщенныя въ концѣ этого письма слова: «подробности моего здѣсь пребыванія и моихъ надеждъ» относились къ тому обстоятельству, что въ январѣ 1813 года Сперанскій написалъ оправдательное письмо къ Императору Александру I, которое поручилъ дочери своей отдать въ собственныя руки Государя. Въ публикѣ обращается много списковъ съ этого письма, но со многими ошибками и невѣрностями, изъ которыхъ многія могутъ возбуждать превратные и неосновательные толки. Списокъ, который мы сообщимъ ниже нашимъ читателямъ, снятъ съ черновой копіи, которую самъ Сперанскій довѣрилъ покойному отцу моему. Чтеніе этого, можно сказать, историческаго акта, безъ сомнѣнія, возбудитъ въ каждомъ читателѣ усладительную мысль, что великъ тотъ Монархъ, которому подданный такъ смѣло и благородно могъ говорить истину (**).

(*) Счетъ тогда былъ на ассигнаціи.

(**) Письмо это съ приложенной къ нему запиской въ книгѣ барона Корфа размѣщено частями по принадлежности предметовъ; здѣсь же оно помѣщается въ послѣдовательной его связи.

Списокъ съ письма тайнаго совѣтника Сперанскаго къ Государю Императору.

Въ январѣ 1813 года изъ Перми.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«При отлученіи меня, Ваше Императорское Величество между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ: «что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили-бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего долженъ я заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ не рѣшено еще невозвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша, утвердили еще болѣе сію надежду.

«Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ. Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери потому, что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

«Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія, присемъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

«Есмь съ благоговѣніемъ, и проч.

«Въ самомъ началѣ царствованія Ваше Императорское Величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

«Отъ сего единаго начала постепенно возникли всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, если бы, или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

«Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами не рѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычки и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

«Не взирая на сіе, чрезъ двѣнадцать лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣренія оставались непремѣнными.

«До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ, чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

«Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе пред-

метами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія, и не рѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.

«Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

«Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

«Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцовъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, Ваше Величество положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

«Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились-бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности, и не произвели-бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана Правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали,

и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій.

«Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и разширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшія.

«*I. Совѣтъ.* Учрежденіе его, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу Заводовскому и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ Его рѣшатся? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

«*II. Министерства.* Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе при личныхъ, взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

«Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣ-

ниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ неоспоримомъ и очевидномъ.

«*Общій уставъ* постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылью и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

«Надлежало приступить къ частнымъ уставамъ. Возложено было на самихъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привести въ единство.

«Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства, и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты, ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

«Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно

министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другіе; иначе они станутъ затруднять другъ друга какъ то опытъ уже доказалъ, и доказывать будетъ.

«Между-тѣмъ, какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно о образованіи сената.

«*III. Сенатъ.* Образованіе сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ.

«Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Заводовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

«Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

«Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду упоминать о томъ, что въ нихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи большею частію происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И, слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда вмѣсто того, чтобъ

затруднять намѣренія Ваши, сами-бы пожелали ихъ совершенія.

«Между-тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были и многочисленны и уважительны. Съ твердостью и чистотою намѣреній Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было-бы при такомъ расположеніи умовъ продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили наконецъ Ваше Величество отложить его до времени.

«Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ—или и совсѣмъ передѣланъ людьми болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства сената *сообразнаго* устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

«*IV. Законы.* Есть люди, кои и коммиссію законовъ считаютъ вреднымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

«Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ, но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіи двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ только несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

«Со всѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами, и охотно, и въ свѣтѣ, и передъ Вашимъ Величествомъ,

раздѣлялъ честь ихъ съ коммиссiею; но несправедливости людей принуждаютъ меня наконецъ быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляцiи, представленныя мнѣ отъ коммиссiи, то есть, отъ г. Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался: я уступлю имъ всю честь сего произведенiя.

«Другiе искали доказать, что уложенiе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражанiе—ложь или незнанiе, кои изобличить тоже не трудно; ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенiя всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знанiемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

«*V. Финансы.* Въ исходѣ 1809 года, тогда, какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованiя, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекшiй на себя все Ваше вниманiе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постепенный упадокъ ассигнацiй, и не могли съ равнодушiемъ видѣть, что средства къ наполненiю недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженiи тѣхъ же ассигнацiй. Безпокойство сiе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ 105 миллiоновъ рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

«Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченiя. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностiю,—смѣло могу утвердить,—Ваше Величество спасли тогда государство отъ банкротства.

«Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій составленъ былъ планъ финансовъ и внесенъ въ Комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался; по двунедѣльномъ, предварительномъ разсмотрѣніи онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрило;—принялись за исполненіе.

«Здѣсь тѣже члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ главнымъ быть его исполнителемъ,—министръ финансовъ,—не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

«Откуда сіе противорѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій;* но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

«1) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь то и неудобства, и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, а въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

«2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакожъ, чтобъ кто нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и проч. и проч., а другіе были въ сторонѣ.

«Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ не безъ страха всѣ личныя слѣдствія, и тогда же просилъ уволить меня отъ званія государственнаго секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

«Такъ прошелъ 1810 годъ.

«1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ—ничто не остановилось, и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

«Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ, чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность, и по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

«Еслибы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

«Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣетъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ она начала утихать. Налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ (*).

«Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть (**) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

«Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

«Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) Что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) Привести налогами въ ненависть правительство; 3) Отзывы о правительствѣ.

«1) *О финансахъ.* Къ 1810 году доходы государственные составляли около 125 милліоновъ, къ 1812 году они доведены были до 300 милліоновъ. Приращеніе въ два года—175 милліоновъ.

«Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

«Смѣло могу утвердить, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ.

(*) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

(**) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

Тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

«Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанные, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

«Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

«Отъ чего же, еще вопрошаютъ, понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства: онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ тоже самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46 милліоновъ новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, единственно по незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе по цѣнѣ ихъ принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

«2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобъ народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами? Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а современемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно, опасный ропотъ сей былъ—баснь, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ, судятъ и о дѣлахъ государственныхъ, и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

«Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній—система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,—чтобъ система сія, всегда приводившая Государей къ безславію, а Государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ

народѣ, въ мнѣніяхъ его и въ пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій, и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ; а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ, напротивъ строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего излияніе. Враги мои могли очернить меня передъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.»

«3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

«Если доносители подъ именемъ правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, то-есть, разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и,

смѣю сказать, мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

«Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью, и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто и особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь! измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И въ прочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

«Но чтобъ я могъ подъ именемъ правительства разумѣть особу Вашего Величества—душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душою за всѣми Вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ, и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да

и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи толь многихъ лѣтъ?—Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствія? Но въ комъ? И на какой же конецъ? Въ дѣлахъ двадцатилѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой либо связи подозрительной.

«Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что еслибъ бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія. Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа

Нессельроде на краткое время съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи сдѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ, если бы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ то же время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы, быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ, желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти. Пусть согласятъ все сіе мои доносители; мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

«Между тѣмъ однако-же сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія (*), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

«Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь! Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!

(*) А паче въ Пермь. *Замѣчаніе Сперанскаго.*

«Обращаясь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, *а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему касался и теперь кажется постороннимъ*.

«Если бы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было ниспускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ, и происхожденіе, открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы, и личные, корыстолюбивые ихъ разсчеты, указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все то столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій*, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того, враги мои, можетъ быть и въ сію минуту, стоятъ предъ Вашимъ Величествомъ, а я за двѣ тысячи верстъ и весь почти совершенно въ ихъ власти (*).

«Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однако же обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

«Ваше Величество припомнить безъ сомнѣнія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. «На что?» изволили Вы спросить.—«Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ казать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ.» Ваше Величество сказали мнѣ; что позовете его чрезъ Геслера, что̀ дѣйствительно и

(*) Это не фраза, а сущая истина. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

исполнили, и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и впредъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ, имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь г-нъ Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты?—Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ (*) удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи, а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто, никогда, не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе.

«Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ.

«Нужно-ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами о нравственныхъ моихъ правилахъ и о связяхъ съ мартинистами, иллюминатами и проч.

(*) При удаленіи я доставилъ ихъ къ Вашему Величеству. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

«Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ. Вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

«Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили.

«Всемилостивѣйшій Государь! въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть его въ ненависть!

«Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

«Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ, частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ, въ маленькой моей деревнѣ, провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

«Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ

окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную: я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы и забвенія*.

«Богъ, общій Отецъ и Судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія, и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе».

Извѣстно, что Императоръ Александръ I, весь 1813 годъ и въ теченіи половины 1814 года былъ за границею. Послѣ достославнаго вступленія Русскихъ въ Парижъ и умиротворенія Европы, Государь возвратился въ Петербургъ не прежде 13-го іюля 1814 года. По этой причинѣ приведенное выше оправдательное письмо Сперанскаго, писанное въ январѣ 1813, не могло быть вручено его дочерью Государю Императору ранѣе, какъ въ іюлѣ или августѣ 1814 года.

Въ томъ же августѣ 7 числа скончался въ Царскомъ Селѣ графъ Армфельдтъ,—человѣкъ великаго ума и характера, но одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Сперанскаго.

Это обстоятельство и приведенное выше *оправдательное письмо* имѣли послѣдствіемъ то, что Сперанскому было разрѣшено изъ Перми переселиться въ свое сельцо Великополье, находившееся верстахъ въ десяти отъ Новгорода. Здѣсь, посреди семейства своего, мирно и уединенно жилъ онъ, слѣдя за всѣми современными успѣхами наукъ, за

всѣми новыми, замѣчательными произведеніями европейской и отечественной литературы; здѣсь умножилъ онъ и безъ того богатый запасъ свой по части языкознанія; здѣсь перевелъ онъ съ латинскаго знаменитое твореніе приписываемое Ѳомѣ Кемпійскому: «О подражаніи Іисусу Христу».

Отецъ мой въ ноябрѣ 1814 года ѣздилъ изъ Петербурга въ сельцо Великополье, для свиданія со Сперанскимъ и совѣщанія съ нимъ о дѣлахъ его. Отъ 19-го того же ноября отецъ мой писалъ къ нему между прочимъ слѣдующее: «По возвращеніи моемъ отъ васъ я представилъ письмо ваше къ здѣшнему главнокомандующему (*), на другой день послѣ моего пріѣзда, и, примѣтивъ въ немъ нѣкоторое затрудненіе въ удовлетвореніи просьбы вашей объ арендѣ, счелъ нужнымъ для раскрытія положенія вашего спросить его: въ случаѣ надобностей моихъ писать къ вамъ, могу ли я обыкновеннымъ образомъ отправлять къ вамъ мои письма, или долженъ по-прежнему къ нему представлять? Онъ, рѣшивъ меня на послѣднее, чрезъ два послѣ того дня призвалъ меня къ себѣ снова и, объявляя мнѣ, чтобъ я въ разсужденіи арендныхъ денегъ взялъ терпѣніе до того времени, доколѣ онъ не пришлетъ за мною, на счетъ отправленія писемъ еще подтвердилъ мнѣ, чтобъ я непремѣнно исполнялъ помянутое его приказаніе, поелику письма къ вамъ должны быть доставляемы чрезъ губернатора. Сколько ни исполненъ я душевнымъ уваженіемъ къ его высокопревосходительству; но поелику помянутое приказаніе его касается лично до васъ, и притомъ не объявлено мнѣ въ разсужденіи исполненія онаго никакой Высочайшей воли; то, относя все сіе одной лишь его высокопревосходи-

(*) Сергію Козмичу Вязмитинову.

тельства опытной осторожности, я всепокорнѣйше прошу разрѣшить меня: какимъ образомъ мнѣ учредиться въ перепискѣ моей съ вами? Пріѣздъ вашъ въ новгородскую деревню здѣсь весьма многихъ занимаетъ. Между прочимъ сказывалъ мнѣ графъ Кочубей, что и Дм. П. Трощинскій весьма дурно къ вамъ расположенъ. Графъ это замѣтилъ изъ отзыва его, который онъ сдѣлалъ на счетъ проектируемаго указа объ отмѣнѣ экзаменовъ. Дм. П. сужденіе о семъ указѣ заключилъ съ примѣтною досадою слѣдующими словами: «Тотъ, который причиною указа объ экзаменахъ, пріѣхалъ уже въ Новгородъ, а можетъ быть скоро будетъ и здѣсь» (*).

Еще писалъ отецъ мой, что домъ Сперанскаго въ Петербургѣ торговалъ г. Модерахъ; что назначенная отцомъ моимъ цѣна, 80 тысячъ рублей асс., показалась ему высокою, и что графъ Кочубей совѣтовалъ помѣстить о продажѣ дома статью въ газетахъ.

На это письмо отца моего Сперанскій отвѣчалъ:

Великополье 3-го декабря 1814.

«Пріемъ Сергѣя Козмича я нахожу весьма естественнымъ и въ тоже время изъ самаго сего пріема заключаю, что онъ дѣйствовалъ въ семъ по собственному его благоразумію, не имѣя никакихъ точныхъ приказаній. Два другія

(*) Не могу при этомъ умолчать, что лѣтъ черезъ двадцать слишкомъ послѣ того, а именно въ 1835 году, однажды покойный графъ Михаилъ Михайловичъ, разговаривая со мною, сказалъ между прочимъ: «Смѣшно подумать! какъ сердились на меня за указъ объ экзаменахъ 1809 года, а между тѣмъ мысль этого указа не моя, а графа Завадовскаго».

обстоятельства имѣю я, что приказаній сихъ дѣйствительно не было: 1) Я положительно удостовѣрился, что сюда ничего совершенно о мнѣ и сношеніяхъ моихъ не предписано. 2) Даже на почтѣ никакого здѣсь не учреждено надзора, и на сихъ дняхъ получилъ я два письма изъ Нижняго (пустыя), совершенно и по числамъ и по печати цѣлыя. Сіе не должно однакоже насъ ободрять къ уменьшенію осторожностей. Я живу по-прежнему, не принимаю никого, хотя многіе вызывались, и самъ вице-губернаторъ чрезъ племянника вашего дѣлалъ мнѣ предложеніе посѣтить меня здѣсь; но я уклонился до времени. Изъ сего вы можете судить, какую тревогу произведетъ здѣсь первое письмо, которое велѣно будетъ отправить ко мнѣ чрезъ губернское начальство: родятся подозрѣнія; найдутъ нужнымъ присматривать, для выслуги, а потомъ и доносить всякую ложь, по усердію. Я знаю сіе по опытамъ, и такъ прошу васъ, мой любезный, никакъ не писать ко мнѣ чрезъ начальство.

Возвѣщеніе о продажѣ дома не считаю я также удобнымъ. Это привлечетъ только вниманіе, а для меня вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытіи моемъ на семъ свѣтѣ. Цѣна, назначенная вами Модераху, невысока, и съ мебелями ниже сего отдать я по истинѣ сомнѣваюсь. Вѣрьте, что цѣны домовъ всюду растутъ чрезмѣрно».

22-го декабря 1814.

«На сихъ дняхъ былъ у меня вице-губернаторъ Муравьевъ, человѣкъ отлично добрый и любезный. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ С. К. Вязмитинова со вложеніемъ отъ рижскаго губернатора Дюгамеля. Еще отъ 30-го мая сего года сей послѣдній писалъ ко мнѣ, что настоящій управитель моей мызы, венденскій ордунгсрихтеръ С. Га-

гемейстеръ, не зная, гдѣ я нахожусь, представилъ собранные на то число доходы 14.052 руб. въ венденскій ландгерихтъ. Губернаторъ, извѣщая меня, проситъ: кому назначу я переслать сіи деньги и впредь пересылать поступающіе доходы? Письмо сіе странною ошибкою онъ отправилъ въ Вологду, откуда оно опять возвращено въ Ригу, и не знаю уже, какимъ образомъ перешло къ Вязмитинову и нынѣ наконецъ дошло ко мнѣ. Видя изъ самой его присылки, что Сергѣй Козмичъ открываетъ мнѣ симъ способомъ окончить сіе дѣло самымъ удачнымъ образомъ (иначе не для чего бы письма сего и присылать ко мнѣ), я отвѣчалъ г. Дюгамелю, чтобъ деньги отправилъ Гагемейстеръ къ вамъ и впредь пересылалъ бы къ вамъ же; я далъ ему и надпись дома, гдѣ вы живете; письмо сіе отправилъ я къ Сергѣю Козмичу чрезъ здѣшняго вице-губернатора. Такимъ образомъ я имѣю надежду, что дѣло сіе скоро кончится; не нужно будетъ ни вѣрющаго письма, никакихъ переписокъ. Когда вы получите деньги: то прошу васъ сдѣлать отъ себя обыкновенный отвѣтъ о полученіи и попросить г. Гагемейстера, чтобъ онъ и впредь въ положенные полугодовые сроки ихъ къ вамъ доставлялъ.

«Начиная входить въ экономію, прошу покорно меня, какъ новичка, надѣлить книгами, какія вы по сей части сами признаете нужнѣйшими и полезнѣйшими; я знаю, что ихъ на нашемъ языкѣ много, но ни объ одной не имѣю понятія. Страсть ваша къ архитектурѣ ручается мнѣ, что не забудете плана моей лѣстницы. Весьма нужно бы мнѣ было имѣть сверхъ того планъ птичьяго двора и молочной. Не худо также, если бы вы меня снабдили лечебникомъ Бухановымъ послѣдняго изданія, съ примѣчаніями какого-то нашего русскаго доктора.

«Въ послѣднее время я еще болѣе и положительно удо-

стовѣрился, что за мною ни на почтѣ, ни по губерніи никакого надзора нѣтъ; сіе однакоже не должно произвесть никакой перемѣны въ образѣ нашихъ сношеній.—Иванъ Ивановичъ перескажетъ вамъ, какъ мы съ нимъ условились о газетахъ (петербургскихъ вѣдомостяхъ и французскомъ журналѣ Conservateur impartial). Способъ сей есть самый удобнѣйшій. Книги (въ томъ числѣ и два календаря простыхъ) можно присылать со всею безопасностію на имя *Его Высокоблагородія Адама Лаврентьича Кронека, новгородскаго оберъ-форштмейстера*, надписывая внутри, просто, безъ имени: *въ сельцо Великополье*».

. . . .

По случаю новаго 1815 года и дня рожденія Сперанскаго 1-го января, отецъ мой послалъ въ Великополье нѣсколько подарковъ, по старому русскому обычаю, съ новгородскимъ купцомъ Барановымъ, съ которымъ отецъ мой и отставной полковникъ Петрово-Соловово, старый аристократъ, получавшій съ своихъ имѣній до 200 тысячъ руб. асс. годоваго дохода, вступили въ компанію, заключивъ условіе съ казною на четыре года, для поставки матеріаловъ и устройства пролагавшагося тогда московскаго шоссе. Покойный отецъ мой 31-го декабря 1814 года въ письмѣ, отправленномъ съ Барановымъ къ Сперанскому, между прочимъ, писалъ: «Мое намѣреніе въ семъ предпріятіи состоитъ наиболѣе въ томъ, чтобы раскрыть вкравшіяся по сей части злоупотребленія, и если будетъ возможно, то казну предохранить отъ тѣхъ великихъ убытковъ, кои до сего времени прежніе подрядчики ей причиняли. Наше вступленіе въ сіе дѣло хотя и принесло казнѣ выгодъ около трехъ милліоновъ въ четыре года, но при всемъ томъ, однакоже, по поверхностному обозрѣнію, останется намъ за усердіе наше весьма достаточная награда».

Сперанскій изъ Великополья отъ 6-го января 1815 года отвѣчалъ:

«Вы меня балуете, любезный мой Петръ Григорьевичъ, петербургскими вашими лакомствами. Прекрасныя ваши вина хороши съ друзьями; потому отвѣдавъ, и отложилъ я ихъ на случай посѣщеній, самъ же довольствуюсь портвейномъ.—За книги весьма благодаренъ, но не за бархатъ; право, это слишкомъ великолѣпно. Лиза (*) должна привыкать къ большей простотѣ и умѣренности. Что принадлежитъ до другаго подарка, я прошу васъ сего не дѣлать: это и не нужно и безполезно. Бархатъ и цвѣтомъ и добротою прекрасный. Лиза веселится имъ и смотритъ на него пять разъ на день. На сихъ дняхъ она была больна; но теперь, слава Богу, все проходитъ.

«Цѣлымъ годомъ вы сдѣлали меня моложе, назначивъ мнѣ 44-й годъ тогда, какъ я полагалъ себѣ уже 45-й (**). Такъ-то, мой любезный, течетъ время и все сближается къ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ (взаимнымъ) поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ: ибо никогда не должно забывать, что мы всѣ въ дорогѣ и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четвернѣ; но всѣ войдемъ въ однѣ ворота.

«Прежде вашего извѣстія, я слышалъ здѣсь о вашемъ дорожномъ предпріятіи. Все, что объяснилъ мнѣ Барановъ, убѣждаетъ меня вѣрить, что дѣло соображено хорошо и, по всей вѣроятности, будетъ успѣшно.

(*) Единственная дочь Сперанскаго, которой былъ тогда пятнадцатый годъ отъ роду.

(**) Отецъ мой былъ правъ: Сперанскій родился 1-го января 1772 года.

«Когда получите портвейнъ: то прошу его отправить, весьма бы было кстати, вмѣстѣ съ обозомъ, изъ книгъ и другихъ вещей состоящимъ. Я не знаю, для чего Бергинъ (*) слишкомъ разборчивъ. Мнѣ нуженъ портвейнъ добрый, но обыкновенный, коего, какъ я слышалъ, есть довольно въ Петербургѣ. Присланный имъ есть чрезвычайный.

«Отвѣтовъ о воспитаніи сына вашего ожидаю съ вашимъ племянникомъ; но предупреждаю васъ, что меня трудно будетъ отклонить отъ моего мнѣнія: ибо вы знаете, что я всегда былъ упрямъ въ мнѣніяхъ (**).

«Я не хотѣлъ васъ среди вашихъ дѣлъ затруднять моими бездѣлицами о лампахъ и поручилъ дѣло сіе особенно Ивану Ивановичу (***); но понеже оно до васъ уже дошло: то прошу его окончить, то есть, приказавъ вычинить тѣ лампы, которыя у васъ есть, снабдить ихъ, какъ стеклами, такъ и свѣтильнями, и, если можно, особеннымъ инструментомъ для чистки ихъ, который продается тамъ же, гдѣ они дѣлаются. Мысль сія мнѣ пришла отъ излишней, можетъ быть, экономіи. У меня такой расходъ сальныхъ свѣчъ и такъ они дороги, что не успѣешь покупать; а лампа одна замѣняетъ ихъ десятокъ.

«Съ новаго года принимаюсь я поближе за здѣшнюю экономію и учусь ей съ удовольствіемъ. Вы увидите, что черезъ годъ я буду говорить о ней съ вами, какъ профессоръ.

«Къ свѣдѣнію вашему не излишнимъ считаю довести, что на сихъ дняхъ получилъ я съ почтою изъ Петербурга

(*) Извѣстный петербургскій негоціантъ.

(**) Отецъ мой совѣтовался тогда со Сперанскимъ о планѣ моего воспитанія.

(***) Племяннику отца моего, Ив. Ив. Масальскому, который по его порученіямъ часто ѣздилъ въ Новгородъ и въ Великополье.

письмо (совершенно не тронутое) отъ профессора Іакоби съ книжкою. Сіе доказываетъ, что и въ Петербургѣ на почтѣ, какъ и здѣсь, нѣтъ никакого запретительнаго приказанія. Но сіе не перемѣнитъ нашихъ сношеній.

«Прощайте, мой любезный. Душевно васъ и все ваше семейство обнимаю.

«P. S. Я не помню, говорили ли мы съ вами о ярославскомъ полотнѣ, широкомъ, для простынь. Два куска, нѣкогда мнѣ вами доставленные, издержаны для Лизы; а я безъ простынь. Не можно ли выписать такого же или подобнаго. Время еще терпитъ».

Сообщаемъ еще письма, полученныя отцомъ моимъ отъ Сперанскаго изъ Великополья, въ 1815 и 1816 годахъ.

Письмо безъ числа, относящееся вѣроятно къ началу 1815 года.

«Поздно, любезный мой, было бы благодарить васъ за всѣ хлопоты въ домашнихъ моихъ порученіяхъ: вы меня совершенно и надолго присылкою ихъ успокоили. Недостаетъ одного, счету, который вы мнѣ обѣщали. Взявъ меня на свое содержаніе, скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, сколько я долженъ. Изъ всѣхъ людей на землѣ мнѣ всего легче быть вамъ должнымъ; но надобно же однако когда нибудь остановиться; ибо и вы не милліонщикъ, и я не знаю, чего и сколько могу у васъ просить. Напримѣръ, мнѣ бы весьма хотѣлось имѣть небольшой запасъ на зиму портвейну, т. е. полпипы, что составляетъ до 300 бутылокъ, но я право совѣщусь васъ просить. Изъ 50 бут. вина сего рода, вами привезеннаго, остается уже около 20 бутылокъ; не сдѣлаетъ ли мнѣ Бергинъ кредиту въ сей полпипѣ, и въ семъ случаѣ покорнѣйше прошу отправить

его, на имя вашего племянника, въ Новгородъ. Если же сего не возможно: то прошу доставить бутылокъ 50, впредь до устройства, и сколько можно поскорѣе: ибо и гости мои настоящіе и ожидаемые (Кремеръ съ женою) другаго вина не пьютъ.—Если можно будетъ достать полпипы: тогда отправленіе весьма удобно было бы распорядить съ прочими вещами, кои по запискѣ прислать вы предполагаете; если же отправить ихъ скоро будетъ невозможно, какъ то и весьма вѣроятно по настоящей распутицѣ: то прошу вино отправить одно.

«Сейчасъ племянникъ вашъ, возвратясь изъ города, сдѣлалъ мнѣ отъ васъ предложеніе о деньгахъ. Это весьма кстати: ибо у меня остается только двѣ тысячи рублей, а я люблю жить съ запасомъ; но не иначе я могу у него взять двѣ тысячи рублей, какъ вручивъ ему 500 р. серебромъ, кои онъ вамъ и доставитъ.

«Мысли мои о воспитаніи вашего сына при семъ прилагаю (*), и вѣрьте мнѣ, любезный другъ, что они столько же истекли изъ моего сердца, какъ изъ головы.

«По настоящему ходу дѣлъ, сынъ вашъ непремѣнно долженъ совершить свои науки въ университетѣ. Если бы настоящія правила о производствѣ въ чины и перемѣнились, чему однакоже я никакъ не вѣрю: то и въ семъ случаѣ необходимо будетъ должно со временемъ провести его чрезъ университетъ. Это есть очевидное и принятое во всей Европѣ свидѣтельство классическаго ученія, безъ коего свидѣтельства и ученымъ и умнымъ быть можно, но слыть таковымъ нельзя; а въ свѣтѣ не только должно быть, но и слыть.

(*) Покойный отецъ мой, какъ выше сказано, просилъ совѣтовъ Сперанскаго на счетъ моего воспитанія. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ отъ-роду. *Примѣчаніе автора.*

«Посему вопросъ состоитъ въ томъ, гдѣ лучше можетъ быть онъ пріуготовленъ къ ученію университетскому: дома или въ училищѣ?

«Два предмета собственно къ сему необходимы: 1) Языки. 2) Математика. Исторію и географію я не считаю въ числѣ наукъ: это забава, которую равно имѣть можно въ училищѣ и дома.

«Какимъ образомъ можетъ учитель выучить языкамъ на дому, я сего не понимаю; правда, что французъ или нѣмецъ можетъ научить болтать, да и то въ такомъ домѣ, гдѣ всѣ почти говорятъ по французски или по нѣмецки; но чтобъ домашнимъ ученіемъ могъ кто нибудь достигнуть основательнаго познанія языковъ, а особливо латинскаго, я не видалъ еще сему примѣровъ.—Въ училищѣ, напротивъ, гдѣ двадцать или тридцать дѣтей говорятъ на языкахъ и учатся вмѣстѣ, познаніе ихъ пріобрѣтается почти непримѣтно и всегда почти вѣрно. О математикѣ ни слова; ей конечно можно выучиться и дома; но несравненно труднѣе.

«Къ симъ главнымъ выгодамъ совокупляется другая, не менѣе важная.

«Примѣчено не только у насъ, но и во всей почти Европѣ, что въ домашнемъ воспитаніи никакъ нельзя, даже и въ самомъ большомъ свѣтѣ, дать молодому человѣку той общежительности, той развязности и ловкости, которая пріобрѣтается не иначе, какъ обращеніемъ съ людьми съ ребячества и треніемъ страстей, желаній и мыслей. Отсюда происходитъ, что юноша, получившій публичное воспитаніе, скорѣе знакомится съ людьми и приспособляется къ дѣламъ, нежели тотъ, кто имѣлъ три или четыре года дѣло съ однимъ своимъ учителемъ и, слѣдовательно, ознакомился съ однимъ образомъ мыслей, привыкъ къ одному роду вкусовъ, принялъ одинъ оборотъ чувствъ и дви-

женій. Люди сего послѣдняго рода обыкновенно долго, а часто и на всю жизнь остаются застѣнчивы, связаны и, зная иногда много, не умѣютъ употребить своего знанія ни въ пользу себѣ, ни къ выгодѣ другихъ. Я видалъ сему множество примѣровъ въ самыхъ высшихъ состояніяхъ, или, лучше сказать, я не видалъ сему правилу исключенія.

«При всѣхъ сихъ выгодахъ публичнаго воспитанія, я бы не совѣтовалъ отдавать въ обыкновенные пансіоны, каковые у насъ до сего были; лучше дѣйствительно выучить чему нибудь основательно дома, нежели попустить шарлатанство и пустословіе. Но училища, каковы суть Коллинсово и Мюральтово, не должно смѣшивать съ пансіонами: это суть настоящія публичныя и основательныя училища. Я вѣрю, что и они со временемъ упадутъ; но не простительно ими не пользоваться, доколѣ они въ цвѣтѣ, а первый курсъ со всею вѣроятностію они совершатъ съ успѣхомъ.

«Планъ, вамъ представленный (*), имѣетъ конечно свои достоинства; но если онъ будетъ принятъ: то я бы желалъ, чтобъ исключили изъ него и филологію, и философію, и дипломатику, и юриспруденцію, а учили бы просто тремъ предметамъ: 1) Языкамъ, т. е. латинскому, французскому и нѣмецкому, не украшая ихъ именемъ *филологіи*, которое болѣе прилагается къ языкамъ древнимъ и которое часто подъ пышнымъ и ученымъ названіемъ скрываетъ не болѣе, какъ то, что мы въ старину называли грамматикою. Поставь ученика, чтобъ онъ разумѣлъ читать хорошія книги, читай ихъ съ нимъ и требуй у него отчета въ его чтеніи, вотъ тебѣ вся риторика, эстетика и филологія. 2) Гео-

---

(*) Онъ былъ написанъ очень достойнымъ и ученымъ французомъ.

графіи и исторіи. 3) Математикѣ. Сіи три предмета, выученные основательно, поставятъ ученика въ совершенной возможности со временемъ, когда разумъ его съ лѣтами образуется, выучиться и философіи, и дипломатикѣ, и юриспруденціи, ученіе совершенно зависящее отъ чтенія и собственнаго упражненія. Нѣсколько уроковъ въ университетѣ къ сему будутъ достаточны. Но учить юношу симъ предметамъ прежде, нежели онъ будетъ знать языки, или вмѣстѣ съ исторіею и географіею, прежде т. е., нежели понятія его сими предварительными науками будутъ образованы, есть одно пустословіе и потеря времени. Вредъ отъ сего моднаго ученія есть тотъ, что оно надуваетъ молодаго человѣка одними словами безъ понятій и вводитъ его въ то опасное заблужденіе, что ему кажется, что онъ знаетъ все, тогда какъ не знаетъ ничего. Отсюда привычка къ поверхностному вещей обозрѣнію, пища самолюбію и наконецъ отвращеніе отъ основательнаго труда и размышленія.

«Въ заключеніе всего еще повторю, что несравненно выгоднѣе сыну вашему быть въ публичномъ училищѣ (я бы предпочелъ Коллинсово), нежели дома. Нѣкогда и васъ и меня благодарить онъ за сіе будетъ».

4-го февраля 1815.

«Мнѣ, видно, суждено, любезный мой Петръ Григорьичъ, всѣ письма мои къ вамъ начинать благодарностію; всѣ вещи, вами присланныя, точно таковы, какъ могъ я ихъ желать, и хоть преступили вы мою заповѣдь левантиномъ; но и за то вамъ благодаренъ; а она была въ восхищеніи (*).

(*) Дочь Сперанскаго.

«Лицей безъ сомнѣнія должно предпочесть всѣмъ заведеніямъ для вашего сына: съ Богомъ! тутъ и думать нечего (*). Я потому только о немъ не говорилъ, что считалъ невозможнымъ по ограниченности комплекта и по множеству желающихъ. Съ Богомъ, еще повторяю, и ни мало не колеблясь. Училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе; но безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе видовъ, нежели всѣ наши университеты.—Воспитаніе вашего сына будетъ тутъ единственною моею личною наградою.

«Дай Богъ, чтобъ дорожное ваше дѣло продолжалось съ успѣхомъ; но, ради Бога, открывая злоупотребленія, сколь можно менѣе входите въ состязаніе съ начальствомъ сея части. Опытъ доказалъ, что споры сіи всегда кончатся бѣдою. Я легко себѣ представляю, что, основывая сіе дѣло, вы весьма были и еще будете заняты. Пожалуйте, отложите мои мелочи до удобнаго и свободнаго вамъ времени, чтобъ за бездѣлицами не упустить вамъ чего нибудь важнаго; а ваши упущенія суть какъ бы собственно мои. Притомъ же все нужное здѣсь я имѣю; а полезное и пріятное не уйдетъ. Изъ сего исключаю однакоже вино, какъ статью здѣсь необходимую. То, которое вы прислали мнѣ на пробу, очень хорошо, и если вы со мною подѣлитесь, приславъ мнѣ полпипы: то на цѣлый годъ о семъ уже ни слова.

«Удивляюсь, что аренда моя молчитъ; если не было намѣренія доставить мнѣ деньги: то на что же было присылать ко мнѣ и письмо губернатора? Не понимаю.—Между тѣмъ не знаю, не затрудню ли я вашихъ дѣлъ, взявъ здѣсь

(*) Послѣ двухлѣтняго пребыванія моего въ пансіонѣ французскаго учителя Дюбоа, при петропавловскомъ училищѣ, я въ 1817 году поступилъ въ благ. пансіонъ с.-пб. университета.

у Ивана Ивановича 4.000 р., что съ прежними, отъ бронницкаго купца полученными, составитъ на сей годъ 5.000 р. Скажите мнѣ искренно: ибо можно сіе поправить промѣномъ завѣтнаго приданаго Лизы. Впрочемъ запасомъ симъ я буду доволенъ и беззаботенъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ на шесть. Я ничего еще не получалъ изъ доходовъ съ здѣшней деревни, и во всѣхъ случаяхъ за необходимыми починками и содержаніемъ не могу на сей годъ получить болѣе 3.000 р. Впередъ дѣло другое; ибо я все веду въ прокъ.

«Если Швылевъ боленъ: то не можно-ли отправить какъ нибудь иначе; я боюсь, чтобъ нечаянный возвратъ (*) не заставилъ насъ сожалѣть о времени, и чтобъ пріятель нашъ съ отчаянія не запалилъ еще какой нибудь грамоты, коею повредитъ себѣ, а можетъ быть и мнѣ (**).

«Моя Елисавета весьма благодаритъ за конфекты: вы, право, ее балуете. Прощайте. Душевно васъ и все ваше семейство обнимаю».

«Великополье 14-го марта 1815.

«Благодарю васъ, любезный Петръ Григорьичъ, за портвейнъ и за всѣ прочія отправленія; все пришло и цѣло, и кстати.

«Возвращая письмо Гагемейстера, прилагаю двѣ довѣренности: одну на аренду, другую на продажу дома. Первая такъ написана, что можно войти по ней и въ полное управленіе, если вы признаете за благо. Не понимаю, почему впутался тутъ Гагемейстеръ и сиротскій судъ; у ме-

---

(*) Государя Императора изъ-за границы.

(**) Дѣло здѣсь идетъ о письмѣ Сперанскаго, которое онъ просилъ отца моего отправить въ Вологду, къ Магницкому.

ня съ нимъ не было ни контракта, ни довѣренности. Еслибъ вы могли чрезъ Перетца или иначе устроить содержаніе сей аренды на послѣднее четырехлѣтіе: то весьма много и себя и меня бы успокоили. Я увѣренъ, что доходъ можно было бы увеличить по общему на все возвышенію, и если безъ призора получаемъ мы по 6 или по 7 тысячъ въ годъ; то вѣроятно съ распорядкомъ можно бы было получать и до 10, или по крайней мѣрѣ удостовѣрить доходъ настоящій. Подумайте о семъ, Бога ради. Пошлины, о коихъ говоритъ Гагемейстеръ, можно отложить на послѣднюю половину; но и сей половинѣ срокъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, слѣд. при полученіи денегъ собранныхъ, съ нимъ же нужно окончить и сію половину.

«Распорядить сіи богатства не трудно. Оставивъ у себя полученныя мною отъ васъ въ теченіе сего года 5 т. р. (понеже не хотите вы слушать меня о прежнихъ), изъ остальныхъ прошу перевесть въ Вологду къ страдальцу моему (который, я чаю, нуждается) тысячу рублей (*). Сіе можно сдѣлать безъ всякаго письма чрезъ кого нибудь, хотя бы онъ и не зналъ, отъ кого идутъ деньги. За тѣмъ остатокъ доставить сюда. Я торгую здѣсь двѣ семьи людей, и сверхъ того лѣтомъ необходимо нужно многое деревянное поправить, ибо все почти валится.

«По второй довѣренности о домѣ вы знаете уже цѣну; но до весны все еще торопиться не нужно. При продажѣ я желаю исключить нѣкоторыя маловажныя мебели, но какія именно, не упомню; для сего и пишу теперь къ Матвѣю Васильичу, чтобъ, отправивъ нѣкоторыя изъ нихъ зимнимъ путемъ, о другихъ прислалъ мнѣ опись, по коей отобравъ что мнѣ нужно, сообщу вамъ, для отправленія ихъ вмѣстѣ съ старыми моими винами и бергинскимъ портвейномъ во-

(*) Рѣчь идетъ здѣсь о Магницкомъ.

дою. Матвѣй Васильичъ взялъ также на себя отправить и мою остальную библіотеку и разныя бездѣлки.

«Г-нъ Бергинъ очень забавенъ съ своими счетами; я долженъ ему отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ за сахаръ и кофе, но и тѣхъ скоро не отдамъ, если онъ не повинится предо-мною въ своихъ начетахъ; впрочемъ тутъ довольно только смолчать.

«Когда о домѣ представится что нибудь положительное къ продажѣ: то нельзя ли предварительно меня извѣстить, что можно сдѣлать и чрезъ почту, надписавъ Е. В. Адаму Лаврентьичу Кронеку оберъ-форштмейстеру въ Новѣгородѣ, а на внутреннемъ конвертѣ надписавъ на имя Елисаветы Михайловны Сперанской, въ сельцо Великополье.

«Здѣсь конецъ моимъ докукамъ; начнемъ что нибудь по пріятнѣе.

«Мнѣ хочется ввести васъ въ благочестивую издержку. По газетамъ я вспомнилъ о книгѣ: Библіотека для христіанъ въ 8. 22 тома, 50 руб. Это есть собраніе лучшихъ твореній въ семъ родѣ, на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ изданныхъ; переводъ изрядный. Я давно сію книгу знаю, и вамъ душевно ее рекомендую; а за рекомендацію сію буду васъ просить въ чтеніи ея со мною подѣлиться, доставляя мнѣ постепенно по 3 или по 4 тома; каждый томъ составляетъ особенное сочиненіе, а иногда и въ одномъ два и три. Такимъ образомъ вы одинъ заплатите деньги, а мы оба будемъ пользоваться. Это книга, право, необыкновенная; она должна переходить отъ родителей къ дѣтямъ, какъ лучшее ихъ наслѣдство.

«За симъ прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Забылъ было весьма важное. Не понимаю, какимъ образомъ вы можете желать, чтобъ дорожное ваше дѣло разширено было на 4 года. Какія бы цѣны ни были,

но какъ пуститься въ сію дальнюю игру при непостоянствѣ правилъ, при упадкѣ денегъ, при безмѣрномъ возвышеніи всѣхъ цѣнъ, коихъ никакое предусмотрѣніе угадать не можетъ. Подрядчики могутъ сего желать. Но вы отваживаете все противъ правительства; а они противъ васъ не отваживаютъ ничего. Тише, тише, мой другъ, ѣдешь, далѣе будешь. Хотѣть съ боку исправить злоупотребленія есть не знать своихъ силъ. Ради Бога, не входите въ сію петлю, или успокойте меня, растолковавъ мнѣ, на какой арифметикѣ разсчитывать вы будете цѣны, коихъ чрезъ два года впередъ (въ настоящемъ положеніи вещей) никто разсчислить не можетъ».

«Великополье 26-го марта 1815.

«При самомъ отъѣздѣ г-на Гудимы получилъ я мои книги и нѣкоторыя мебели, отправленныя Матвѣемъ Васильевичемъ. Я ничего еще не успѣлъ разобрать, но полагаю, что все дошло цѣло.

«Въ уединеніи моемъ часто занимаясь вами, любезный мой Петръ Григорьичъ, не могу скрыть отъ васъ, что столь же часто и безпокоюсь я вашими обширными дѣлами, особливо дорожными. Послѣдніе слухи о войнѣ, по мнѣнію моему, и на сіи дѣла будутъ имѣть вліяніе. Столько-то справедливо, что вамъ не должно завязывать себя въ нихъ на четыре года. Вѣрьте мнѣ, успѣхи даютъ нѣкоторую ложную смѣлость и предпріимчивость, ослѣпляющую лучшіе умы. Не ввергните себя и вы въ сію предпріимчивость. Ваша разстройка будетъ для меня новымъ ударомъ, а вы знаете, что и безъ того перенесъ я ихъ довольно. Много бы могъ я къ сему прибавить, но г. Гудимъ спѣшитъ, и на распутицѣ остановить его не смѣю. Прощайте, до первой бесѣды. Душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 11-го мая 1815.

«Письмо сіе получите вы, любезный мой Петръ Григорьевичъ, чрезъ Матвѣя Васильича, который прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ вопросомъ о продажѣ дома. Нѣкто Кирѣевскій даетъ 75 т. р. съ тѣмъ, чтобъ деньги чрезъ годъ по 10 проц. на закладную 500 душъ. Дѣло вѣрное. Но что я буду дѣлать съ закладною при настоящемъ положеніи курса?—Наличныя я могъ бы еще теперь же обратить на покупку деревни; на закладную же кто нынѣ продастъ, а чрезъ годъ, что будутъ значить 75 т. рублей? Богъ знаетъ. И теперь уже даже здѣсь цѣны на все удивительно возвышаются.—Такимъ образомъ я отказался. Если Матвѣй Васильичъ оставитъ Петербургъ, о чемъ онъ ко мнѣ пишетъ, то прошу домъ принять въ непосредственное ваше попеченіе; я вслѣдъ за симъ пришлю списокъ мебелямъ, кои изъ него должно будетъ выбрать; съ остальными же можно будетъ отдать его и въ постой, если до того времени онъ не будетъ проданъ.—Кстати о покупкѣ деревни не забудьте о предложеніи Гудимы; оно кажется очень выгодно.—По всему вижу, что въ арендныхъ деньгахъ встрѣтились новыя затрудненія. Нельзя ли, посовѣтовавшись съ Перетцомъ, послать туда нарочнаго; издержка 1.000 или 2.000 руб. была бы присемъ сносною. Иначе я принужденъ буду, къ крайнему сожалѣнію, размѣнивать здѣсь серебро.—Начавъ починки, мнѣ никакъ нельзя остановиться и одна влечетъ другую: ибо все валится, къ чему ни прикоснешься; ни слова о прихотяхъ; но все деревянное крайне обветшало: полы, печи, заборы и все чрезмѣрно дорого.

«Возвышеніе цѣнъ на рабочихъ людей безпокоитъ меня и на счетъ вашихъ предпріятій; недавно чрезъ одного вѣрнаго проѣзжаго узналъ я, что де-Волантъ (*) вами дово-

(*) Главный начальникъ дорожной части.

ленъ; но тутъ еще не все: вы довольны ли ими. Здѣсь всѣ предвѣщаютъ крайнюю дороговизну въ хлѣбѣ, по чрезмѣрному мелководію. Я доселѣ ничего еще не продавалъ: ибо во первыхъ хочу болѣе посѣять, нежели прежде; а во вторыхъ боюсь ошибиться и въ цѣнѣ, непрестанно возрастающей.

«Не забудьте, ради Бога, вологодскаго страдальца; я достовѣрно знаю, что онъ крайне нуждается въ деньгахъ. Какъ скоро дойдутъ мои арендные деньги, то прошу васъ къ нему отправить по прежнему назначенію 1.000 руб., по крайней мѣрѣ на первыя нужды.

«Хотите-ли вы знать мое мнѣніе, для соображенія по дѣламъ вашимъ, о курсѣ?—Не считайте сего происшествія минутнымъ и единственно отъ предстоящей войны происходящимъ. Война только разбудила или означила слабость нашего курса; но слабость сія естественна, и по окончаніи войны она продолжится. Чудо не то, что курсъ упадаетъ; но то, что онъ послѣ столь важныхъ издержекъ, столь долго въ одной порѣ держался.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю».

«Сельцо Великополье 30-го мая 1815.

«Сколько вдругъ прекрасныхъ новостей привезла намъ съ собою Марья Карловна! Пріятнѣйшая для меня изъ нихъ безъ сомнѣнія есть та, что Богъ благословилъ васъ сыномъ. Воспріемлю его въ духѣ, бывъ удостовѣренъ, что вы дадите ему христіанское воспитаніе, и въ семъ чаяніи испрашиваю ему отъ Небеснаго Отца духовнаго благословенія, а любезную мою кумушку отъ души и сердца симъ поздравляю. Пусть послужитъ онъ вамъ обоимъ новымъ залогомъ благости Божіей и новымъ возбужденіемъ къ благодарности.

«Я никогда не удивлялся худымъ поступкамъ людей; но всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно. Обѣщаніе А. А. Баташева о займѣ превзошло всѣ мои ожиданія: условія самыя великодушныя. Старикъ всегда меня любилъ; но безъ вашихъ внушеній не скоро бы подвинулся. Вы не можете себѣ представить, какъ заемъ сей всѣ дѣла мои разрѣшаетъ и устроиваетъ. Изъ всѣхъ вещей заботливость денежная есть для меня несноснѣйшая; а симъ оборотомъ и покупкою деревни я ставлю себя внѣ всякой заботы. Вѣрющее письмо присемъ прилагаю; а благодарное въ особенной формѣ, боязливости старика свойственной, присемъ же найдете и сами ему вручите.

«Въ арендныхъ деньгахъ меня то особенно утѣшаетъ, что на будущее время вы будете, я надѣюсь, получать ихъ по срокамъ исправно и безъ дальнихъ переписокъ, о чемъ и прошу васъ въ отвѣтѣ вашемъ г-ну Гагемейстеру подтвердить и съ нимъ условиться.—Письмо къ губернатору присемъ прилагаю. Не понимаю, по чему сей человѣкъ столько имѣлъ ко мнѣ вниманія и честности, что искалъ меня письмами своими по всей Россіи въ такое время, когда писать ко мнѣ было не безопасно.

«Какъ бы желалъ я васъ видѣть; весьма обрадовали бы меня. Между тѣмъ симъ знакомлю васъ съ здѣшнимъ г-номъ оберъ-форштмейстеромъ Адамомъ Лаврентьичемъ Кронекъ, человѣкомъ добрымъ и весьма надежнымъ. Не разсудите ли вы съ нимъ покороче и о вашемъ дѣлѣ побесѣдовать. Онъ скажетъ вамъ разныя подробности о Барановѣ можетъ быть вамъ неизвѣстныя, если приведете его къ откровенности: такъ наприм. онъ сказывалъ мнѣ, что при заготовленіи лѣсу вмѣсто десяти деревъ, означенныхъ въ билетѣ, часто ставили по 30 и 40; а въ вашихъ счетахъ можетъ быть за все сполна означены попенныя деньги.

«Весьма радъ порученію вашему о книгахъ, на досугѣ выберу, замѣчу и пришлю.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 19-го іюля 1815.

«Никогда можетъ быть столь кстати, любезный мой Петръ Григорьевичъ, не приходили ко мнѣ ваши письма и отправленія, какъ настоящія. Сверхъ того, что я нуждался въ деньгахъ для расплаты съ работниками, слѣдующее важное обстоятельство требовало благовременнаго рѣшенія. Вамъ извѣстно, что я давно желалъ разстаться съ Елисаветою Андреевною. Послѣ многихъ усилій успѣлъ я наконецъ дѣло сіе привесть къ концу. Послѣ завтра она отправляется, и навсегда, уже въ Кіевъ. Съ недѣлю уже у насъ все уложено и экипажи стоятъ на мази. Дѣло медлилось только за деньгами. Теперь все кончено, и она ѣдетъ положительно въ среду (сегодня понедѣльникъ). Я даю ей порядочное содержаніе, то есть, на первый годъ наличными впередъ 5 т. р., а въ послѣдующіе *потомъ годы* буду ей доставлять отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ рублей. Отправляю ее на собственныхъ моихъ лошадяхъ и съ моими людьми, которые однакоже всѣ безъ изъятія должны, отвезя ее, возвратиться. Никакія жертвы для меня тутъ *не дороги;* я увѣренъ, что и вы тѣхъ же мыслей. Такимъ образомъ вы найдете здѣсь одну хозяйку Лизу, и эта хозяйка рада вамъ будетъ душевно: ибо никогда она не раздѣляла ни чувствъ, ни нравовъ первой. Мы ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ: ибо независимо отъ удовольствія васъ видѣть, есть множество вещей, въ коихъ мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться и учредиться, чего чрезъ письма сдѣлать почти не возможно.

«Вы, кажется, человѣкъ не молодой, а пустились на необъѣзжанныхъ лошадяхъ; вы мнѣ, кажется, молодѣете, не взирая на сѣдые волосы. Я сначала испугался сему повѣствованію; но по счастію дальнѣйшія изъясненія Швылева меня успокоили.

«Весьма благоразумно, что билетъ не размѣняли: ибо здѣсь на билетъ деньги достать всегда можно. Обстоятельства покупки моей и условія объясню вамъ подробно при свиданіи, въ которомъ на сей разъ я совершенно удостовѣренъ.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ отъ души и сердца обнимаю».

«Великополье 1-го января 1816.

«Поздравляю васъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, съ новымъ годомъ, желая искренно, чтобъ Господь обновлялъ васъ ежедневно въ познаніи Его и служеніи Ему. Сіе есть главное: все прочее приложится вамъ и семейству вашему.

«Здѣсь явился Карнѣй. Симъ положилъ онъ конецъ всѣмъ своимъ проказамъ и моему терпѣнію; я возвращу его къ вамъ чрезъ пересылку земской полиціи на сихъ дняхъ, прося васъ сперва отдать его въ рабочій домъ, а потомъ, пріуготовивъ бумаги, отдать въ рекруты; но такъ, чтобъ квитанція могла быть или продана, или зачтена по здѣшней деревнѣ; да не можно ли отправить тѣмъ же путемъ и Виктора, чтобъ разъ навсегда уже отдѣлаться отъ сихъ негодяевъ, съ коими бились мы столько лѣтъ.

«Долгомъ истины поставляю сказать вамъ, что въ Иванѣ Ивановичѣ (*) вы имѣете такого коммисіонера какого ни за

(*) Покойный двоюродный братъ мой, Иванъ Ивановичъ Масальскій, которому отецъ мой поручалъ нѣкоторыя дѣла свои.

десять тысячъ не могли бы вы достать. О семъ мнѣ вчера и прежде еще сказывали самые вѣрные, здѣшніе люди, и особенно изъ конторы Перетца.

«Они знаютъ совершенно ходъ здѣшнихъ дѣлъ, и всѣ удивляются его успѣхамъ, полагая впрочемъ, что все сіе ему весьма дорого стоитъ. Вы, петербургскіе жители, не имѣете понятія о провинціи.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 13-го февраля 1816.

«Послѣдній зимній путь, дешевизна провоза и трудность лѣтнихъ доставленій заставляютъ меня думать, любезный мой Петръ Григорьевичъ, о разныхъ заготовленіяхъ на весь текущій годъ. Я вручилъ Степану Мелетьичу (*) реестръ, сдѣлавъ ему на нѣкоторыя статьи словесныя примѣчанія, о коихъ вкратцѣ и здѣсь упомяну.

«Архитекторъ Лукинъ (**), бывши здѣсь, вызвался выбрать для дома камины и печки изразцовыя; я далъ ему и записку; но послѣ при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи я нашелъ возможнымъ уменьшить число каминовъ и сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ печкахъ, т. е. вмѣсто четырехъ бѣлыхъ назначить двѣ бѣлыхъ; а другія двѣ также угольныя, но простыя подъ краску.

«Опытъ прошедшаго года показалъ мнѣ сколь убыточно здѣсь покупать канаты для перевозовъ, а потому и желалъ бы ихъ имѣть смоленые и подержаные.

«Въ реестрѣ вы найдете цѣлую статью церковныхъ книгъ, и нѣкоторую утварь. Я положилъ твердое намѣреніе

(*) Родственникъ отца моего.

(**) Короткій пріятель моего отца.

возобновить здѣсь церковь и привести въ порядокъ службу, а служить безъ книгъ не возможно. Мы и за васъ будемъ молиться Богу.

«Все сіе собравъ и уложивъ, прошу васъ, мой любезный, отправить зимнимъ путемъ. Если бы по дѣламъ вашимъ затруднились вы въ деньгахъ: то по первому назначенію я вамъ пришлю; только прошу снабдить меня счетомъ, чтобъ мнѣ можно было знать свои издержки: ибо нынѣ я сталъ весьма точенъ.

«Не помню, писалъ ли я вамъ о Ефимѣ (*). Весьма вамъ буду благодаренъ, если устроите судьбу его по вашему назначенію. Онъ, право, малой добрый. О людяхъ, я надѣюсь, здѣсь все такъ устроить, чтобъ они были крѣпки здѣшнему имѣнію. Прошу только имѣть ихъ въ виду, чтобъ послѣ ревизіи можно было ихъ сыскать и отдать по прежнему назначенію.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю».

«Великополье 24-го февраля 1816.

«Не пускаясь въ большія боярскія затѣи, вмѣсто оранжерей, я желаю устроить у себя порядочный огородъ. Петръ Петровичъ Поповъ, съ коимъ вы получите сіе письмо, взялся мнѣ пріискать добраго ростовца и сюда отправить; но для сего нужно ваше пособіе. Нужно также, чтобъ онъ снабженъ былъ всѣми возможными овощными сѣменами отъ арбузовъ и дынь (ибо у меня есть старые парники) даже до самыхъ простыхъ. Онъ долженъ быть нанятъ съ половины марта по ноябрь. Прошу покорнѣйше и о семъ похлопотать.

(*) Крѣпостной человѣкъ Сперанскаго.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ отправленіемъ, которое по послѣднему пути было предназначено, прошу доставить еще: 1) Десять печныхъ чугунныхъ дверецъ съ ихъ рамами и затворками, т. е. дверцами для трубъ. 2) Два боченка хорошихъ сельдей. 3) Приказать посмотрѣть, нѣтъ ли въ домѣ оставшихся ключей: многіе столы и мебели, сюда доставленные, не отпираются. 4) Отправить одинъ изъ стульевъ краснаго дерева, обитыхъ *зеленою* шелковою матеріею, что стояли во второй комнатѣ подлѣ кабинета, вверху. Здѣшній столяръ берется мнѣ сдѣлать точно такіе же изъ здѣшней березы и очень дешево; а сей послужитъ образцомъ.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Не будете ли вы смѣяться, если я васъ попрошу, по прилагаемому при семъ газетному извѣщенію, справиться объ условіяхъ продаваемой въ Саратовѣ деревни. Я вспомнилъ по имени ея, что молодой Злобинъ, бывъ въ Перми, мнѣ много ее хвалилъ и даже тогда хотѣлъ ее для меня купить: ибо тогда былъ уже слухъ, что ее намѣрены продать.—Она должна быть недалеко отъ Волжска. Что если цѣна будетъ сходна?—Попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Вотъ годъ, какъ я непрестанно торгую, и ничего не покупаю и не продаю.

«Вторая повѣстка сбыточнѣе первой. Вы обѣщались приторговать линейку, не худо бы было имѣть и дрожки, если они не великолѣпныя и не щегольскія.

«Великополье 4-го апрѣля 1816.

«Нѣтъ сомнѣнія, любезный мой Петръ Григорьевичъ, что вашъ планъ (*) несравненно лучше здѣшняго; но, Бо-

(*) Церкви сельца Великополья.

га самаго ради, поспѣшите его представить на утвержденіе и потомъ доставить сюда съ почтою къ Ѳоминой недѣлѣ. По множеству причинъ сіе необходимо нужно. Вы можете просить митрополита, чтобъ онъ дозволилъ вамъ сдѣлать сіе отправленіе непосредственно, а я здѣсь уже представлю въ консисторію резолюцію, которую вѣроятно онъ положитъ на самомъ прошеніи. Не забудьте, что при новомъ вашемъ планѣ должно приложить и старый планъ, и все такъ пріуготовить, чтобъ ему оставалось только подписать. Присемъ не излишне будетъ, если вы митрополиту изъявите отъ меня усерднѣйшую благодарность за его о мнѣ воспоминанія, коихъ опыты видѣлъ я не только здѣсь, но и въ Нижнемъ, и въ Перми въ такое время, когда не всѣ помнить о мнѣ смѣли.—Внѣшнихъ украшеній т. е. образовъ никакихъ совсѣмъ не нужно. Ради Бога, поспѣшите. По опытамъ самымъ достовѣрнымъ можно писать ко мнѣ безъ малѣйшаго препятствія по почтѣ.

«Если отправленіе на фабрику будетъ въ первыхъ дняхъ по вскрытіи водъ: то конечно и лучше и дешевле сдѣлать его предлагаемымъ вами образомъ.

«Спѣша возвратить вамъ планъ и артельщика, отлагаю до будущаго случая разныя подробности. Но не могу не изъявить вамъ моей радости о наймѣ дома. Это самое прекрасное дѣло.—Теперь даже и продавать его—нѣтъ нужды спѣшить, то есть можно по крайней мѣрѣ съ меньшею заботою выжидать доброй цѣны.—На счеты я успѣлъ только взглянуть. Кажется все точно такъ, какъ желать можно. Я увѣренъ, что тутъ въ расходахъ много кой-чего пропущено: но тѣмъ хуже для васъ: видно не научить мнѣ васъ никогда экономіи. Къ сему Францъ Ивановичъ мнѣ разсказывалъ и о пособіяхъ вашихъ М. (*). Вамъ самъ

(*) Магницкому.

Богъ за сіе воздастъ. Будьте здоровы, мой любезный. Съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ васъ и всѣхъ вашихъ душевно поздравляю и заочно цѣлую христіанскимъ цѣлованіемъ. Лиза за поспѣшностію не отвѣчаетъ Ольгѣ Петровнѣ (*), отлагая до перваго случая. Между тѣмъ душевно благодаритъ васъ за гостинцы. Прощайте.

«P. S. Книгу о *добротолюбіи* неотступно прошу найти. Ее можно выписать изъ Москвы, гдѣ въ синодальной типографіи она въ 1793 году была печатана, и не можетъ быть, чтобъ все изданіе разошлось. Не худо бы ее имѣть и въ листахъ, и въ переплетѣ. Это неоцѣненное сокровище. Прошу васъ всемѣрно постараться и написать въ Москву.

«P. S. Линейка по самому вашему описанію для меня имѣетъ прелести. Я прошу неотступно ее купить и, сколь можно скорѣе, сухимъ путемъ доставить (разумѣется, по минованіи распутицы). Намъ, право, и въ церковь выѣхать не въ чемъ.

«P. S. Весьма радъ, мой любезный, что вы развязались съ дорожнымъ вашимъ дѣломъ. Хотя дѣятельность для васъ нужна; но вѣрьте мнѣ, что непрерывная, утомительная заботливость разстроиваетъ и мысли и здоровье, и, пріучая умъ къ развлеченію, истощаетъ наконецъ чувство и способность обращаться и знакомиться съ Богомъ и съ собою, а безъ сего что и въ богатствѣ?»

«Великополье 21-го апрѣля 1816.

«Не удивили, но весьма обрадовали вы меня, любезный мой Петръ Григорьевичъ, присылкою плана. Безъ лести онъ прекрасенъ. Я боялся, что вы позабыли о неподвиж-

---

(*) Покойная сестра моя.

ности престола; но теперь вижу, что и сіе соображено. Перестройка дѣйствительно будетъ не дороже. Радостная также вѣсть и о прибытіи сюда г. Руско (*). Совѣты его мнѣ весьма нужны: ибо здѣшній землемѣръ и глупъ и пьянъ. Я совершенно съ нимъ развязался.

«Митрополитъ присылалъ даже и здѣсь архимандрита поздравить меня съ праздникомъ. Не понимаю столько милостей.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. У меня были въ домѣ бронзовыя часы, которыя назначалъ я въ продажу. Не разсудите ли доставить ихъ къ Дазеру въ лавку, гдѣ они скорѣе продадутся. Цейеръ къ нему о семъ пишетъ. Оставляю впрочемъ сіе на вашу волю. Но прошу не забыть продать кареты.—Была у меня машина для очищенія воды; если она цѣла, и если отправленіе на здѣшнюю фабрику еще не сдѣлано: то нельзя ли и ее тутъ же уложить.

«Садовникъ сюда явился и принялся за дѣло. Хоть дорогъ, но, кажется, знающъ. Нынѣшній годъ для меня будетъ тяжелъ, но за то всѣ послѣдующіе, надѣюсь, будутъ уже не безъ прибыли».

«Великополье 7-го мая 1816.

«Вы не могли, мой любезный Петръ Григорьевичъ, сообщить лучшей вѣсти, какъ вѣсть о займѣ, вами предполагаемомъ. Дай Богъ, чтобъ онъ совершился. И мнѣ кажется, совершится. Когда увижу я васъ внѣ хлопотъ, коими вы заняты? Когда, приведя дѣла ваши изъ сложности столь заботливой, къ простому и ясному порядку, начнете вы

(*) Близко знакомый отцу моему, извѣстный архитекторъ.

жить? Ибо доселѣ вы не жили, а только хлопотали. Хотя силы ваши теперь вамъ еще и служатъ, но, вѣрьте мнѣ, образъ жизни столь безпокойный и утомительный готовитъ вамъ болѣзненную старость. Не ропщите на меня за сіе выраженіе: оно точно идетъ отъ сердца. И по привычкѣ, и по чувству благодарности за все то, что вы въ теченіи сихъ четырехъ лѣтъ столь постоянно дѣлали и дѣлаете лично для меня и для моего семейства, никто не имѣетъ права и обязанности принимать въ васъ столько участія, какъ я, и говорить вамъ всю правду. Когда распродадите вы всѣ ваши хлопотливые домы, купите порядочную деревню и будете жить небольшими, но вѣрными и простыми доходами, занимая дѣятельность вашу безъ усталости предметами полезными? Это, можетъ быть, химеры, но примите ихъ выраженіемъ моего сердечнаго желанія видѣть васъ успокоеннымъ и счастливымъ.

«Не извиняйтесь никогда предо мною, мой любезный, медленностію или отлагательствомъ въ мелкихъ моихъ порученіяхъ. Одни неопытные и не знающіе заботъ житейскихъ люди могутъ быть взыскательны. Разъ навсегда я знаю, что все возможное для меня вы сдѣлаете, какъ и доселѣ вы дѣлали; разчесть же всего впередъ не возможно, особливо времени. За то не пеняйте и на меня, что я сто разъ одно и тоже въ письмахъ моихъ твержу; это не отъ нетерпѣнія, а единственно потому, что всѣхъ докукъ моихъ нельзя вамъ непрестанно содержать въ памяти; мнѣ же здѣсь на досугѣ. Впрочемъ изъ всѣхъ порученій моихъ за вами остались только два: 1) отправить вещи водою по реестру, который для памяти вамъ присемъ прилагаю; 2) кончить съ крѣпостными людьми.

«Къ симъ двумъ прежнимъ просьбамъ здѣсь присоединяю двѣ, впрочемъ вамъ уже извѣстныя: 1) *О желѣзѣ* для церкви. Я не знаю, почему вамъ сіе пришло на мысль;

но если вы это дѣлаете *именно для церкви*, то не могу вамъ отсовѣтовать. Руско вамъ уже сказывалъ, что это будетъ стоить около 600 руб. Желѣзо можно и здѣсь достать; во всѣхъ случаяхъ оно должно быть готово не позже, какъ къ первымъ числамъ іюня; срокъ сей есть послѣдній. Вы знаете, что безъ кровли церковь стоять долго не можетъ и нельзя въ ней никакихъ производить работъ внутреннихъ. 2) *О деньгахъ*. Къ 1-му августа мнѣ необходимо имѣть должно пять тысячъ рублей. Я надѣюсь, что вы уже имѣете или къ тому времени вы будете имѣть арендныя за минувшее полгода по апрѣль, и слѣдовательно сумма сія не сдѣлаетъ вамъ затрудненія; для меня же необходима она потому, что я началъ разныя работы не только по строенію, но и по чисткѣ лѣса, осушенію болотистыхъ мѣстъ, удобренію пашни и проч. и проч. Все сіе, не бойтесь, подъ руководствомъ добраго и опытнаго здѣшняго отца Строителя (*).—Съ самаго пріѣзда моего сюда, я не получалъ съ деревни еще никакого дохода, но надѣюсь, что съ будущаго года получать буду доходъ порядочный. *О лѣстницѣ* въ домѣ моемъ прошу и не думать; я пріискалъ здѣсь даже и тѣ четыре ступени, коихъ не доставало, и все дѣло будетъ слажено, какъ скоро Руско подрядчику моему укажетъ; лишь бы г. Руско меня полюбилъ, а мнѣ онъ очень нравится. *Планъ дома*, посланный съ Руско, прошу мнѣ возвратить съ нимъ же. Великая милость ваша была бы приказать между тѣмъ его снять на бѣло; но безъ всякой перемѣны. Фасадомъ прошу не заниматься: онъ весьма уродливъ; но издерживать деньги на пустыя прикрасы я никакъ не намѣренъ, и оставляю его такъ, какъ онъ теперь есть.

(*) Монастыря Саввы Вишерскаго, находящагося близъ мызы Сперанскаго.

«Благодарить ли васъ за все то, что вы дѣлаете для брата?—Но положеніе его таково, что безъ помощи и призрѣнія дружескаго вашего, онъ почти всѣми—былъ бы оставленъ.—Если бы могли вы пріютить его у себя на дачѣ, на лѣто: сіе сблизило бы его съ Бушемъ (*) и доставило бы ему по крайней мѣрѣ утѣшеніе подышать воздухомъ—чуть было не написалъ *чистымъ воздухомъ*, но смѣшно показалось говорить о чистомъ воздухѣ на Карповкѣ».

Великополье 30-го мая 1816.

«Сегодня получилъ я ваше письмо, любезный мой Петръ Григорьичъ, отъ г. Руско, и сегодня же съ нимъ спѣшу отвѣтомъ. За разлитіемъ водъ онъ вчера не могъ ко мнѣ попасть и письмо вручилъ моему посланному. Увижусь ли съ нимъ сегодня, еще не знаю.—Весьма благодаренъ вамъ за *Добротолюбіе*.

«Ничѣмъ не могли вы меня столько обрадовать, какъ извѣстіемъ объ устройствѣ дѣлъ вашихъ.—Встрѣтясь съ моимъ совѣтомъ, вы утвердили меня самого въ моихъ мысляхъ. Держитесь только одного главнаго правила, что сохранить пріобрѣтенное столько же трудно, какъ и пріобрѣсть съ честію: и тогда дѣла ваши мало по малу придутъ къ развязкѣ.

«Вы оживили мои надежды о братѣ, сказавъ, что онъ у васъ на дачѣ и на рукахъ Вельтцина. Я никогда не ожидалъ ничего чудеснаго отъ Рейманна; братъ самъ вспомнитъ, что я ему и здѣсь говорилъ. Никогда не поддавался я моднымъ и общимъ мнѣніямъ и потому весьма согласенъ вѣрить настоящему вашему выбору. Дай Богъ, чтобъ и онъ имѣлъ къ нему такую же довѣренность. Я не пишу

(*) Извѣстный докторъ.

къ нему особенно по скорости: вы будете для него живою моею грамотою.

«О присылкѣ денегъ я держусь прежняго назначенія, не предвидя нужды имѣть ихъ ни болѣе, ни ранѣе. Не худо, если пришлете намъ и апельсиновъ и лимоновъ—мы еще ихъ здѣсь не видали, то есть, они такъ дороги, что мы и не прикасались.—Для водянаго отправленія есть два довольно удобныя средства: 1) Съ старорусскими лодками часто сюда возвращающимися. 2) Съ отправленіемъ на фабрику, которое каждый мѣсяцъ бываетъ, но сіе зависитъ отъ вашего усмотрѣнія; я не знаю, до какой степени можно на то или другое положиться.

«Обращаюсь къ послѣдней статьѣ вашего письма. Отчего такое множество у васъ больныхъ? Положеніе Ольги Петровны (*) особенно меня озабочиваетъ. Какъ бы желалъ я ее имѣть здѣсь, на чистомъ нашемъ великопольскомъ воздухѣ деревенскомъ. Увѣряю васъ, что въ мѣсяцъ она запаслась бы здѣсь здоровьемъ на цѣлый годъ.

«Прощайте, мой любезный. Васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Двѣ бездѣлки: 1) Разсужденіе о сходствѣ санскритскаго языка съ россійскимъ 1 р. 50 к. въ домѣ Росс. академіи на васильевскомъ острову въ 1-й линіи. 2) У меня есть книга весьма мелкой печати, которую я долженъ часто читать. Нельзя ли достать простое увеличительное стекло рублей въ пять или въ десять; это тоже, что и зажигательное, коимъ раскуриваютъ трубки.

«P. S. О молотильной машинѣ я пересталъ и думать, и пишу о семъ къ Аркадію Алексѣичу.

«P. S. Лиза проситъ васъ прислать съ портнымъ аршинъ

(*) Сестра моя, которая тогда была слаба послѣ нервической горячки.

сорокъ или пятьдесятъ серпянки простой, бѣлой: это родъ толстой, нитяной кисеи русской, въ три четверти аршина шириною, изъ которой дѣлаются занавѣсы отъ комаровъ, коихъ здѣсь у насъ по ночамъ очень много. Я думаю, что она не дороже 50 к. аршинъ.—Присемъ прошу не забыть и того клетчатаго, голубаго тику, коего приложилъ я въ предъидущемъ письмѣ образчикъ.»

Великополье 21-го іюля 1816.

«Благодаримъ васъ, любезный Петръ Григорьичъ, за отправленіе. Мнѣ приходила такая нужда въ деньгахъ, что я началъ уже занимать здѣсь въ монастырѣ (*). Всѣ работы мои идутъ несравненно скорѣе, нежели я думалъ, и притомъ несравненно дороже. Даю честное слово себѣ и вамъ, никогда не строиться. Я никогда не представлялъ себѣ столько досадъ и безпокойствъ.—Не мое дѣло благодарить васъ за желѣзо—ищите и ожидайте воздаянія отъ святаго Николы (**). Ради Бога, отправьте мнѣ вино и потомъ, при первомъ возможномъ случаѣ, еще пять тысячъ рублей денегъ: мнѣ онѣ совершенно необходимы; получивъ ихъ, я уже долго и по крайней мѣрѣ до новаго года не буду васъ безпокоить.

«Но есть просьба еще важнѣе. Дѣла, порученныя мною Францу Ивановичу, суть такого рода, что они требуютъ или могутъ потребовать скорости и точности въ отправленіи. Вы знаете, что въ бездѣлицахъ я не настоятеленъ; но здѣсь прошу васъ явить вашу неутомимую, дружескую дѣятельность.

(*) Монастырь Саввы Вишерскаго, близъ Великополья.

(**) Отецъ мой пожертвовалъ желѣзо на церковь Великополья.

«Видѣться съ вами я болѣе еще васъ желаю; но приближая дѣла къ развязкѣ, думаю, должно отложить сіе на двѣ или на три недѣли; тогда напишу къ вамъ по предположенію.

«Прощайте, мой любезный. Вино и деньги—худое прощаніе! Васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Лиза и мы всѣ усердно благодаримъ васъ за новыя лакомства; но это безмѣрно много.

«P. S. Ради Бога, окончите съ людьми. Я боюсь въ сентябрѣ набора и сверхъ того безмѣрно желаю съ ними развязаться.

«Тяжбу вашу читалъ я со вниманіемъ. Удивляюсь вашей твердости и безстыдству вашихъ противниковъ».

Въ день тезоименитства, 30-го августа 1816 года, Императора Александра I данъ былъ сенату Высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго гражданскимъ губернаторомъ пензенской губерніи. Въ этомъ указѣ между прочимъ было сказано:

«Предъ начатіемъ войны 1812 года, при самомъ отправленіи моемъ въ армію, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ приступилъ я ко внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ его, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ».

Сперанскій, обрадованный и осчастливленный этими милостивыми царскими словами, которыя снимали съ него и тѣнь тяготѣвшихъ надъ нимъ до тѣхъ поръ подозрѣній, писалъ къ отцу моему.

Великополье 6-го сентября 1816.

«Я получилъ указъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, прямо изъ Москвы и съ тѣмъ самымъ курьеромъ, который съ нимъ отправленъ былъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и весьма благосклонное письмо отъ графа Аракчеева. Какъ бы ни судили въ Петербургѣ, но я душевно радъ и совершенно доволенъ. Для перваго шагу это болѣе, нежели я когда нибудь ожидалъ. Вы увидите, и я имѣю на это доказательства, что все прочее пойдетъ, какъ по маслу (*).

«Двѣ вещи для меня теперь важны: 1) свиданіе съ вами; 2) деньги. Я отправлюсь отсюда не прежде 6-го октября. Надѣюсь, что къ тому времени Богъ дастъ вамъ здоровья (**). Но свиданіе наше необходимо. Я не могу оставить васъ въ ссорѣ съ графомъ Шуваловымъ и вмѣстѣ въ хлопотахъ съ Дарбиньи, и, мнѣ кажется, я нашелъ способъ то и другое кончить. Къ первому нынѣ же дѣлаю первый шагъ письмомъ, которое вручитъ графу Шувалову Аркадій Алексѣевичъ (***). Есть тысячи вещей, кои я долженъ вамъ сообщить и для меня и для васъ, и никакъ нельзя сего сдѣлать на бумагѣ. Чтобъ отклонить пустые страхи (****), пріѣзжайте съ Аркадіемъ Алексѣичемъ, или съ братомъ, или всѣ трое вмѣстѣ. Сверхъ сего и Марья Карловна къ намъ будетъ съ дочерью, слѣдовательно вы составите цѣлый обозъ.—Мнѣ предстоятъ слѣдующія издержки: расплата съ работниками, коимъ всѣмъ, по на-

(*) Въ предупрежденіе нескромности въ письмѣ къ брату я даю другой толкъ моимъ ожиданіямъ. *Примѣчаніе* Сперанскаго.

(**) Отецъ мой оправлялся тогда отъ болѣзни.

(***) Сенаторъ Столыпинъ.

(****) Тогда носились слухи о грабежахъ по дорогѣ изъ Петербурга къ Новгороду. Эти слухи наводили опасенія на покойную мою мать.

стоящему моему положенію, я долженъ заплатить сполна, не отлагая до будущаго году: ибо сіе уже невозможно; отправленіе Лизы въ Петербургъ, гдѣ она останется на рукахъ Марьи Карловны; собственныя мои издержки дорожныя, экипажъ, мундиры и проч. и проч.; проѣздъ необходимый чрезъ Владиміръ, гдѣ облѣпитъ меня цѣлое облако бѣдныхъ родственниковъ, и наконецъ появленіе мое въ Пензѣ, гдѣ занимать и не у кого, и не прилично, и не возможно.—Сдѣлавъ всѣмъ симъ издержкамъ самый умѣренный счетъ, мнѣ нельзя отсюда двинуться безъ 20.000 рублей; и сіи двадцать тысячъ рублей я прошу васъ, чего бы то ни стоило, достать и мнѣ доставить: истинно я не сталъ бы васъ вводить въ сіи хлопоты безъ крайней необходимости. Лизу отправлю я отсюда съ Марьею Карловною одну, съ горничною. Нельзя выбрать лучше подарка для Лизы, какъ вы сдѣлали; но я все буду твердить, что это слишкомъ великолѣпно (*). Мелкія покупки, которыя для дороги мнѣ нужны, какъ-то: мундиры и тому подобное, взялъ на себя Аркадій Алексѣевичъ, къ коему прошу васъ письмо и пакетъ доставить. Прощайте, мой любезный, до свиданія.

«P. S. Къ статьѣ о деньгахъ считаю не излишнимъ примѣтить, что не пожалѣлъ бы я въ настоящемъ положеніи занять и изъ приданаго Лизы; но, не предвидя настоятельной нужды, я такъ распорядилъ, уже тому мѣсяцевъ шесть, сіи деньги, что до іюля будущаго года ни копѣйки достать изъ нихъ не могу.

«Весьма бы обязали, еслибы привезли съ собою хоть самый краткій счетъ настоящаго моего съ вами положенія денежнаго.»

(*) 5-го сентября былъ день имянинъ дочери Сперанскаго, и отецъ мой послалъ ей подарокъ.

Великополье 28-го сентября 1816.

«Если бы я менѣе привыкъ сносить огорченія: то мысль разлучиться съ вами, любезный мой и предобрѣйшій Петръ Григорьичъ, была бы для меня весьма мучительна. Богъ знаетъ, когда мы съ вами увидимся—можетъ быть, въ общемъ нашемъ, горнемъ отечествѣ.

«Умнымъ и дѣйствительно вамъ однимъ свойственнымъ распоряженіемъ вы поставили меня, мой любезный, внѣ всякихъ нуждъ. Будутъ, вѣрно, и остатки, но теперь не могу еще совершенно ихъ разчислить. Для брата, Франциса (*) и Беллы (**) составляю я особенное хозяйство въ Петербургѣ подъ управленіемъ Марьи Карловны, которая взялась ихъ содержать за 500 р. въ мѣсяцъ и получила и деньги за шесть мѣсяцевъ впередъ. Лиза снабжена также достаточно; посему прошу васъ, если бы кто нибудь и покусился еще у васъ на мой счетъ дѣлать требованія, всѣмъ отказывать. Здѣшнее мое хозяйство такъ же совершенно обезпечено. Остается одинъ вопросъ о домѣ. Вступите съ Кирѣевскимъ въ переговоры. За прежнюю цѣну, за 75.000, отдать нынѣ было бы несходно: онъ самъ сіе признаетъ. Просите смѣло 100.000; увидите, что онъ отвѣчать будетъ. Между тѣмъ и Аркадій Алексѣевичъ въ семъ вамъ пособитъ, то есть, чтобы приподнять цѣну.

«Счетъ вашъ слишкомъ исправенъ. Статьи процентовъ за суммы, въ распоряженіи вашемъ бывшія, я никакъ не приму и ставлю ихъ обратно на себя. Думаю, что тысячъ пять, въ томъ числѣ и сіи, возвращу вамъ изъ Пензы. Я получилъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ моимъ на путевыя издержки при весьма благосклонномъ письмѣ 6.000 р.

(*) Родственникъ покойной супруги Сперанскаго.

(**) Англичанка, жившая при дочери Сперанскаго.

Посмотрю, какое опредѣлятъ мнѣ жалованье, и удерживаюсь возвратомъ къ вамъ части займа единственно изъ боязни, чтобъ не оставили меня на одномъ губернаторскомъ окладѣ. Дормезъ оставляю за собою, ибо къ веснѣ братъ отправится въ немъ на кавказскія воды. Лиза лично благодарить васъ будетъ за виноградъ. Я отъѣзжаю отсюда непремѣнно черезъ день, въ субботу въ ночь, или рано въ воскресенье. Лиза же явится черезъ недѣлю послѣ меня.

«Поговоримъ о вашемъ здоровьѣ. Я и прежде къ вамъ писалъ, что вы крайне себя изнуряете. Изъ частыхъ вашихъ припадковъ вы сами сіе замѣтить можете. Вѣрьте мнѣ, что вы грѣшите противъ себя и дѣтей вашихъ, продолжая сей образъ жизни. Богъ да сохранитъ васъ: Его единой благости васъ оставляю; ибо вокругъ васъ нѣтъ никого, ктобы умѣлъ дать вамъ добрый совѣтъ. Аркадій Алексѣичъ васъ искренно любитъ (*).

«Не изъ трусости забочусь я о дѣлахъ вашихъ съ Дарбиньи; но единственно изъ совершеннаго моего убѣжденія, что вамъ, сколь можно скорѣе, должно успокоиться (**).

«Какъ трудно мнѣ теперь сказать вамъ: прощайте, мой любезный. Вы не найдете сердца теплѣе и друга вѣрнѣе, какъ я къ вамъ всегда былъ и буду. Поручаю васъ промыслу Божію. Васъ и всѣхъ вашихъ душевно и въ послѣдній разъ здѣсь обнимаю.»

Пенза 31-го октября 1816.

«Съ прошедшею почтою не успѣлъ я къ вамъ писать, любезный мой Петръ Григорьичъ, единственно по недосу-

---

(*) Такъ какъ и всѣ наши. *Примѣчаніе* Сперанскаго.

(**) Отецъ мой велъ тяжбу съ отставнымъ ротмистромъ французской службы Дарбиньи и возвратилъ во владѣніе малолѣтныхъ графовъ Шуваловыхъ, присвоенное имъ несправедливо, имѣніе въ 500 душъ крестьянъ.

гамъ, коимъ вы легко повѣрите, представивъ меня здѣсь среди дѣлъ, для меня новыхъ, и людей незнакомыхъ. Слава Богу однако же, все, кажется, идетъ весьма удачно:—дѣла проясняются, люди знакомятся. По счастію я не нашелъ здѣсь никакихъ противъ себя предубѣжденій; напротивъ, всѣ причины имѣю заключить, что меня полюбятъ.

«Какая земля, какое обиліе, какая губернія! Признаюсь вамъ, что новгородскія наши болота отсюда мнѣ кажутся еще скуднѣе, еще печальнѣе, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ.

«Подробности моего путешествія разскажетъ вамъ Аркадій Алексѣевичъ. Въ Москвѣ видѣлся съ графомъ Шуваловымъ. Краткость времени не дозволила мнѣ войти въ подробныя съ нимъ изъясненія; но успѣлъ однакоже я ему столько о васъ сказать, чтобъ изгладить по крайней мѣрѣ самыя рѣзкія черты его предубѣжденія.

«Хотите ли знать образъ моей жизни. Утро—въ губернскомъ правленіи. Обѣдаю каждый день на большомъ званомъ обѣдѣ, у здѣшнихъ весьма избыточныхъ дворянъ. Вечеръ—дѣла уголовныя. Сплю прекрасно и давно уже не бывалъ такъ бодръ и здоровъ. Со временемъ надѣюсь быть свободнѣе, когда очищу губернское правленіе и земскіе суды отъ множества запущенныхъ дѣлъ. Жаль, что не имѣю удобнаго помѣщенія; домъ большой, но крайне разстроенъ.—Пишу съ сею почтою къ О. П. Козодавлеву объ отпускѣ небольшой суммы на поправку.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю. Пишите ко мнѣ, сколь можно чаще. Не можетъ быть препятствія писать съ почтою.»

Пенза 14-го ноября 1816.

«Вы думаете, любезный мой Петръ Григорьичъ, что

сжили меня совершенно съ рукъ: весьма ошибаетесь; я думаю, что доколѣ я буду живъ, всегда будутъ у меня къ вамъ просьбы. Знаете ли, что я намѣренъ здѣсь купить небольшое имѣніе. У насъ не имѣютъ понятія о здѣшнихъ доходахъ. Пятнадцать процентовъ есть доходъ обыкновеннаго хлѣбопашества, безъ всякихъ заведеній. Мнѣ представляется покупка весьма выгодная: 350 душъ, съ большимъ количествомъ земли. Всѣ обстоятельства сему благопріятствуютъ; дѣло состоитъ только въ томъ, какъ достать 50.000 рублей, кои должно заплатить при купчей; прочія частію идутъ въ банкъ, частію же въ сроки; но съ залогомъ самаго имѣнія. Умудритесь, мой любезный, послѣ всѣхъ вашихъ мудростей, столько мнѣ благотворныхъ, занять мнѣ на годъ сію сумму къ 1-му января. Я говорю на годъ, потому, что по всѣмъ моимъ разсчетамъ я въ состояніи буду къ тому сроку заплатить сію сумму (*). Изъ 20.000 рублей, при отъѣздѣ мною занятыхъ, у меня остается еще 10.000 рублей; но сіи деньги будутъ мнѣ нужны, какъ на прожитокъ, такъ и на совершеніе купчей. Обезпечить новый заемъ, мнѣ кажется, можно тѣмъ же самымъ домомъ, который заложенъ уже въ 50.000 рубляхъ.—Если же продажа дома вами начата и близка къ совершенію: то и новаго займа дѣлать будетъ не нужно или по крайней мѣрѣ уменьшится онъ значительною суммою; ибо я предполагаю, что г-жа Баташева согласится перевесть долгъ на покупщика и, слѣдовательно, не затруднительно ему будетъ остальныя заплатить наличными.—О переводѣ сей суммы сюда я буду писать послѣ; къ сему быть могутъ разные способы. Но сдѣлайте милость, пишите ко мнѣ съ первою почтою: уважьте, что при всей скорости я не

(*) Въ іюлѣ мѣсяцѣ наступающаго года у меня будетъ въ рукахъ приданое Лизы чистыхъ 80.000 р.—*Примѣчаніе* Сперанскаго.

могу получить вашего отвѣта прежде трехъ или четырехъ недѣль, считая отъ настоящаго дня. Вообще я уже съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидаю вашихъ писемъ. Прощайте, мой любезный; васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Въ ласковомъ письмѣ отъ О. П. Козодавлева, здѣсь мною полученномъ, онъ увѣряетъ меня, что онъ васъ искренно любитъ. Считаю нужнымъ довести сіе до вашего свѣдѣнія.»

Пенза 28-го ноября 1816.

«Продолженіе моей аренды заставляетъ меня обратиться къ вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, съ новою просьбою устроить отдачу ея на четыре года, сколь можно благовременно. Иванъ Федоровичъ Журавлевъ писалъ ко мнѣ, что по оцѣнкѣ казеннаго дохода (почти въ 2.000 руб. серебромъ) доходъ, который я доселѣ получалъ, весьма низокъ; я просилъ его войти въ сіе дѣло и пособить вамъ его устроить. Онъ имѣетъ къ сему множество средствъ, и я прошу васъ съ нимъ снестися; паче же всего устроить его благовременно и не позже, напримѣръ, какъ къ январю мѣсяцу.

«Безъ нетерпѣнія, но, признаюсь, съ сильнымъ желаніемъ ожидаю отвѣта вашего о займѣ. Дѣло сіе приближается къ концу и каждый день становится для меня привлекательнѣе. Продолженіе аренды и жалованья еще болѣе развязываетъ мнѣ руки и заставляетъ пренебречь всѣ сомнѣнія о разглашеніяхъ. Пусть говорятъ, что хотятъ. Мнѣ пора уже къ сему привыкнуть. Не надобно ли мнѣ самому писать къ Баташевой и благодарить ее; въ семъ случаѣ прошу сказать мнѣ ея имя.

«Я знаю, какъ вы заняты; но все же не престаю желать

и надѣяться, что вы меня и здѣсь не забудете, когда и далѣе помнили. Прощайте; душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

Пенза 19-го декабря 1816.

«Сейчасъ получивъ ваше письмо, любезный мой Петръ Григорьевичъ, отъ 8-го декабря, спѣшу вамъ сказать въ отвѣтъ, сколько можетъ дозволить отходящая почта. Покупку деревни я почти сладилъ и въ задатокъ 15.000 р. далъ. Столь много надѣялся я на вашу дѣятельную и неутомимую мнѣ помощь! Первый платежъ 50.000 р. назначенъ къ 1-му февраля; но я надѣюсь протянуть до послѣднихъ чиселъ; а въ январѣ условлюсь съ вами, куда и какимъ образомъ деньги сіи перевесть. Деревня чрезмѣрно выгодна; 20.000 руб. оброчнаго, вѣрнаго дохода на 150.000 рублей капитала, а при устройствѣ запашки можно довесть и до 30.000. Домъ мнѣ весьма хочется продать; растолкуйте Тухочевскому выгоды покупки: 1) Баташева согласится отсрочить ему 50.000 р. за 5 процентовъ. 2) Я соглашусь принять обязательство Кирѣевскаго въ годъ на 25.000 р. по 5-ти же процентовъ. 3) Ему останется наличными заплатить только 25.000 р.—Обязательство Кирѣевскаго меня не затруднитъ: ибо по твердому и богатому его имуществу я легко могу здѣсь превратить его въ наличныя деньги.—Впрочемъ отъ васъ зависитъ унизить цѣну и до 90.000 р., но болѣе сего уступить, кажется, не можно. Въ семъ предположеніи домъ стоитъ ему будетъ наличными только 15.000 р.—Я даже могу и всѣ 50.000 р., если онъ дастъ 100.000, принять обязательствомъ, разумѣется, отъ крѣпостныхъ дѣлъ; сіе обязательство должно быть на мое имя.—Впрочемъ, если уже сіе не удастся: то должно будетъ оставить у него домъ въ наймѣ, по вашему

усмотрѣнію. Письмо ваше съ прокуроромъ я получилъ. Рѣшитесь, ради Бога, о домѣ. Прощайте; васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.»

Пенза 1-го января 1817.

«Отъ сердца и души поздравляю васъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, съ новымъ годомъ. Желаю искренно, чтобъ Богъ въ теченіи сего года пособилъ вамъ распутать дѣла ваши и привести ихъ къ той простотѣ, въ коей они быть должны.

2-го января.

«Письмо ваше отъ 22-го декабря, сегодня полученное, весьма меня опечалило. Если тѣмъ или другимъ образомъ не достанемъ мы денегъ: то я найдусь здѣсь въ великихъ затрудненіяхъ. Запись моя совершена; я вошелъ уже и въ управленіе деревни, и къ 15-му февраля долженъ непремѣнно имѣть деньги—все что можно, это есть протянуть до послѣднихъ дней того мѣсяца. Вы пріучили меня требовать и надѣяться почти невозможнаго. Если заемъ не удастся, то нельзя ли подвинуть круче продажу дома. Пишу къ Аркадію Алексѣичу; онъ вамъ пособитъ: ибо Тухочевскій, т. е. Кирѣевскій—здѣшній помѣщикъ. Я охотно приму векселей его на 50.000 р. въ годъ по 5 процентовъ, только бы вся сумма раздѣлена была на 5 частей, чтобъ здѣсь удобнѣе мнѣ было передать ихъ въ разныя руки. Такимъ образомъ съ переводомъ баташевскаго долгу они будутъ имѣть домъ, не заплативъ ни одной копѣйки наличныхъ. Между тѣмъ прилагаю письмо и къ Баташевой. Само собою разумѣется, что если заемъ удастся: то нѣтъ причины круто вести продажу дома, хотя во всѣхъ случаяхъ продать его должно, и я совершенно уже рѣшился.

«Объ арендѣ трудно рѣшиться на 12 лѣтъ. Развѣ согласятся на серебро по 3.000 р. въ годъ. Тогда не будетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и имъ и мнѣ безъ грѣха и безъ опасности. На ассигнаціи же далѣе четырехъ лѣтъ я не пойду и лучше соглашаюсь на 4 года отдать по 10.000 р.

«Прощайте; душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю.»

Пенза 30-го января 1817.

«Тогда, какъ я началъ уже было отчаяваться въ успѣхѣ займа у г. Баташевой, удивили и обрадовали вы меня письмомъ вашимъ.—Еслибъ я имѣлъ власть, я сдѣлалъ бы васъ государственнымъ банкиромъ: такъ умѣете вы доставать деньги; но еслибъ я имѣлъ сто языковъ, не могъ бы никогда возблагодарить васъ за всѣ знаки вашей дружбы.—Заемное письмо присемъ возвращаю. Изъ 50.000 р. прошу вручить 5.000 р. Аркадію Алексѣевичу на заготовленіе экипажей, которое онъ на себя принялъ. Сверхъ того прошу вручить Марьѣ Карловнѣ 5.000 р. для водворенія Франциса у одной англичанки и для необходимыхъ издержекъ для Лизы (*). У васъ въ сборѣ моихъ денегъ должно быть до 5.000 р.; но если нѣтъ ихъ на лицо или издержаны: то прошу, какъ первую, такъ и послѣднюю сумму взять изъ 50.000 р. и сколь можно скорѣе, особливо Марьѣ Карловнѣ, которая о семъ ко мнѣ пишетъ, вручить; достальные же 40.000 отправить сюда съ обыкновенною почтою, при письмѣ на имя *Его Высокоблагородія Григорья Даниловича Столыпина въ Пензѣ*. Онъ уже будетъ знать, кому ихъ доставить. Отчаявшись въ первой попыткѣ, я на-

---

(*) Независимо отъ того, что по сіе время вы могли ей дать.—*Примѣчаніе* Сперанскаго.

чалъ другую и выхлопоталъ чрезъ А. А. Жерве (*) другой заемъ 50.000 р. у Краузе. Второе однакоже не мѣшаетъ первому; ибо чѣмъ скорѣе уплачу я деньги за деревню, тѣмъ скорѣе получу купчую.

«Въ претензіяхъ Гагемейстера по арендѣ есть большое смѣшеніе, и я жалѣю, что въ свое время васъ не предварилъ. Я заключилъ контрактъ не съ Гагемейстеромъ, коего и не знаю, но съ покойнымъ барономъ Менгденомъ на 4 года по 1813 годъ. Онъ умеръ въ 1810 или 1811 году; братъ его, баронъ Густавъ Менгденъ, просилъ меня дозволить ему въ пользу сиротъ содержать аренду и продолжить.

«Я отвѣчалъ ему партикулярнымъ письмомъ въ трехъ строкахъ и далъ мое согласіе на довершеніе срока. Какимъ же образомъ по окончаніи онаго дошла аренда къ Гагемейстеру—я совершенно не знаю. Прилагаемое присемъ письмо отъ барона Густава Менгдена, вчера мною полученное, докажетъ вамъ, сколь слабы основанія, на коихъ они владѣли. Молчаніе мое нельзя принять согласіемъ: ибо у меня скованъ былъ ротъ, и ни въ какомъ судѣ не поставятъ мнѣ сего въ вину.—Впрочемъ, безъ всякаго лицепріятія, прошу отдать тому, кто дастъ больше, и слѣдовать въ семъ случаѣ совѣтамъ Ивана Федоровича (**), который въ семъ дѣлѣ знатокъ. Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Прилагаю письмо, и отъ рижскаго губернатора полученное. Я ему сегодня отвѣчалъ, что во всемъ на васъ полагаюсь. Ради Бога, не пропустите времени. Я сего только боюсь. Апрѣль на дворѣ.»

(*) Д. ст. совѣтникъ Жерве—давній знакомецъ Сперанскаго.

(**) Д. ст. совѣтникъ Журавлевъ, впослѣдствіи сенаторъ.

Пенза 13-го марта 1817.

«Еще почта, а денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—Богъ вамъ судья во всѣхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ, кои вы мнѣ надѣлали. Разрѣшенія изъ опекунскаго совѣта получены;—люди для совершенія купчей прибыли. Одинъ изъ помѣщиковъ Ханеневыхъ остался дома и опасно боленъ. Симъ образомъ можно потерять все дѣло. Еслибъ вы мнѣ искренно напередъ сказали, что вамъ 25.000 р. нужны, я бы здѣсь иначе распорядился, упросилъ бы, взялъ бы другіе сроки. Но неискренность ваша (кажется, для меня бы можно было сдѣлать изъятіе, потому что я съ вами всегда былъ искрененъ) ввела меня въ такое положеніе, изъ коего нельзя или по крайней мѣрѣ трудно мнѣ будетъ выйти.

«Братъ, пріѣхавъ сюда безъ денегъ и безъ экипажа (потому что вы изъ 10.000 р., ему принадлежащихъ, ничего, ни процентовъ, ни капитала ему не удѣлили),—такъ же требуетъ отъ меня значительной помощи: ибо путешествіе на Кавказъ не бездѣлица. Между прочимъ я долженъ отдать ему и карету, и остаться самъ совершенно безъ экипажа. Между тѣмъ мои двѣ кареты у васъ пятый годъ гніютъ или уже и сгнили. Покорнѣйше и убѣдительнѣйше васъ прошу, если онѣ еще живы, прислать ихъ сюда по первому лѣтнему пути. Всѣ издержки починки ихъ, которая никакъ не можетъ быть очень важна, такъ какъ и издержки доставленія ихъ, я принимаю на себя, и если нѣтъ у васъ по обѣщанному вами разсчету моихъ денегъ, то Аркадій Алексѣевичъ выдастъ, сколько на сіе нужно, изъ другихъ моихъ денегъ. За провозъ же остальныя я здѣсь заплачу. Ихъ надобно только перекрасить.

«Не теряйте, Петръ Григорьичъ, друзей вашихъ; у васъ ихъ немного, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть

расточительнымъ. Прощайте, желаю чтобъ вы и всѣ ваши были здоровы» (*).

Пенза 27-го марта 1817.

«Наконецъ получены и деньги, и мнѣ остается только жалѣть и раскаяваться, любезный мой Петръ Григорьичъ, что написалъ къ вамъ предъидущее письмо мое. Я солгалъ вамъ на самого себя, на весь образъ мыслей моихъ и поведенія, когда представилъ себѣ возможнымъ просить съ вами разводу. Вѣрно, намъ вѣкъ такъ прожить, какъ мы доселѣ жили, то есть, вамъ отлагать и послѣ дѣлать вдвое лучше, а мнѣ сердиться и послѣ раскаяваться, что могъ осердиться. Но не худо, еслибы мы оба исправились: вы въ отлагательствѣ, а я въ нѣкоторой нетерпѣливости и особливо въ количествѣ моихъ къ вамъ докукъ тогда, какъ вы и собственными вашими дѣлами довольно озабочены. На сей по крайней мѣрѣ разъ не будетъ новой просьбы. Христосъ воскресе, и да расточатся вси врази его. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 3-го апрѣля 1817.

«Мнѣ пришла мысль, любезный мой Петръ Григорьевичъ, которую предлагаю вамъ на уваженіе и исполненіе, если найдете ее возможною. Не возьметъ ли Баташева дому моего за долгъ; я уступлю его ей за 75.000 р. и сверхъ того прежде еще срока заплачу ей наличными 25.000 р., такъ что останусь ей должнымъ всего только 20.000 рублями. Сіи 25.000 р., наличными назначаемые, возьму я

(*) Письмо это было слѣдствіемъ наговоровъ брата Сперанскаго, съ которымъ отецъ мой былъ вынужденъ поссориться.

изъ продажи Великополья, о чемъ идетъ теперь у меня переписка и, кажется, скоро кончится.—Я знаю, что она можетъ мнѣ и отсрочить, *но во первыхъ* нѣтъ для меня счету платить ей проценты; *во вторыхъ* домъ ветшаетъ; *въ третьихъ* я желаю, какъ можно скорѣе, всѣ долги очистить и не имѣть никакой заботы. Если бы она на сіе подалась: тогда можно бы постращать и Тухачевскою продажею и побудить ее, скорѣе и лучше кончить. Лѣтнее время для продажи сего дома есть самое благопріятное.

«Кстати о Великопольѣ: прошу сказать мнѣ, *съ первою почтою,* сколько по сему имѣнію долженъ я въ банкъ и въ чемъ состоитъ ежегодный платежъ. Не забудьте между тѣмъ внести; кажется, срокъ въ апрѣлѣ.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Не забудьте о каретахъ и о счетахъ».

Пенза 22-го мая 1817.

«Письмо ваше, любезный мой Петръ Григорьевичъ, отъ 4-го мая, по всей вѣроятности отправленное 11-го, сегодня я получилъ. Вы пространно въ немъ отвѣчаете мнѣ на такое письмо, о коемъ я уже позабылъ и о коемъ, недѣлю спустя послѣ его отправленія, я самъ сожалѣлъ и изъявилъ вамъ мое сожалѣніе. Послѣдующія мои письма удостовѣрили васъ, что это было одно минутное сомнѣніе и, если хотите, заблужденіе. Ни Козьма (*), ни собесѣдникъ его не могутъ меня сбить: ибо вы знаете, что я упрямъ и въ мнѣніяхъ моихъ довольно независимъ. Оставимъ сіи скучныя подробности и примемся за дѣло.

«Весьма благодаренъ вамъ за попеченія ваши о продажѣ дома. Ради Бога, не оставляйте сіе дѣло преслѣдовать;

(*) Братъ Сперанскаго.

я увѣренъ, что вы его совершите. Вы не можете себѣ представить, какъ по разнымъ соображеніямъ сіе для меня нужно.

«Прошу васъ, мой любезный Петръ Григорьевичъ, наблюсти самую большую точность въ платежѣ процентовъ Баташевой: ибо это есть единое средство возблагодарить ей и поощрить къ отсрочкѣ. Скажите мнѣ предварительно, не затруднится ли она сею отсрочкою, если, паче чаянія, продажа дома не совершится.

«Весьма благодаренъ за обѣщаніе ваше прислать мнѣ сюда кареты. Я разумѣю, что онѣ будутъ нѣсколько починены и поправлены. Пришлите съ ними и Ивана и Карнѣя. Здѣсь я легко съ ними управлюсь.

«Но вотъ просьба совсѣмъ новаго рода. Я расположился продать Великополье.—Ничто, самое министерство юстиціи, коимъ мнѣ грозятъ или ласкаютъ (*), намѣренія сего перемѣнить не можетъ. На покупку сію прежде всѣхъ вызвался А. А. Жерве. Я предложилъ ему условіе и не имѣю еще отвѣта. Между тѣмъ въ перепискѣ моей, довольно частой съ графомъ А. А. Аракчеевымъ, упоминалъ и ему слегка о моемъ намѣреніи. Нынѣ получилъ отъ него письмо, въ коемъ предлагаетъ онъ уступить сіе имѣніе генералъ-маіору *Федору Астафьичу Бухмейеру*, истинному его пріятелю. Для Жерве—имѣніе сіе не можетъ быть выгодно: ибо онъ не въ силахъ имъ управлять; а для Бухмейера по разнымъ соображеніямъ это будетъ золотое дно. Я самъ писалъ къ Жерве со всею искренностію и почти увѣренъ, что онъ откажется (**). Слѣдовательно, должно войти

(*) Тогда носился слухъ о назначеніи Сперанскаго министромъ юстиціи.

(**) Само собой разумѣется, что догадку сію должно повѣрить; ибо никакихъ Бухмейеровъ не сравню я съ Жерве, если онъ того пожелаетъ.— *Примѣчаніе* Сперанскаго.

въ переговоры съ симъ послѣднимъ. Кому, скажите, могу я поручить сіе, какъ не вамъ. Съ сею почтою я пишу въ семъ смыслѣ къ графу Аракчееву и влагаю письмо мое къ Аркадію Алексѣичу, прося его или самому вручить его, или передать вамъ, какъ вы оба признаете удобнѣе. Но если вы примете сіе на себя: то прошу отдать не замедливъ и, судя по отвѣту, увидѣться съ Бухмейеромъ. На первый разъ достаточно ему будетъ вручить записку, при семъ прилагаемую. Какъ скоро получу я бумаги чрезъ Лизу, то составлю здѣсь полное описаніе и чрезъ васъ къ нему пришлю. Цѣну назначить трудно. На первый разъ отъ себя вы можете предъявить до 150.000 р.; разумѣется, что можно будетъ сойтись и дешевле. Одно обстоятельство тутъ важно. Бухмейеръ безъ сомнѣнія пожелаетъ осмотрѣть имѣніе. Вамъ отлучиться, думаю, не будетъ времени или домашняго удобства; безъ васъ же или кого-либо довѣреннаго осмотръ сей будетъ весьма невыгоденъ: 1) Староста, не желая быть проданнымъ, будетъ все уменьшать и охуждать. 2) Крестьяне, узнавъ что они продаются, сдѣлаются еще лѣнивѣе и непослушнѣе. 3) По неурожаю прошедшаго года крестьяне нуждаются, и по привычкѣ къ жалобамъ не оставятъ нуждъ своихъ увеличить. Все сіе преградилось бы, если бы вы сами могли отлучиться; но это не возможно и потому остается удалять сей осмотръ, сколь можно, до самыхъ послѣднихъ условій; а тогда пусть онъ смотритъ: надобно только вызвать старосту къ себѣ и дать ему надлежащее на сей случай поощреніе, обнадеживъ его, сколь можно болѣе.

«Прощайте, мой любезный; не лѣнитесь писать ко мнѣ и вѣрьте, что никакія сплетни не могутъ перемѣнить моего къ вамъ сердечнаго расположенія.

«P. S. Все таки вы бы хорошо сдѣлали, давъ мнѣ понятіе, въ какомъ счетѣ я съ вами; никакихъ подробностей;

одну перечневую сумму.—Сколько процентовъ платится Баташевой?»

Пенза 28-го мая 1817.

«Жерве рѣшительно отъ покупки Великополья отказался; слѣдовательно, осталась надежда на Бухмейера. Вамъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, обязанъ я буду совершенно рѣшеніемъ сего дѣла. Продавъ домъ и сію деревню, я поставленъ буду въ такое покойное положеніе, въ какомъ никогда еще я не бывалъ. И симъ спокойствіемъ обязанъ буду единственно вашей дружбѣ. Употребите всѣ способы изобрѣтательнаго вашего ума и все остающееся у васъ отъ дѣлъ время. Устроивъ мое положеніе, вы не будете уже съ сей стороны имѣть никакихъ заботъ; а въ случаѣ нужды, въ моихъ дѣлахъ и вашимъ найдете твердую опору. Цѣна имѣнію, между нами, можетъ быть унижена до 100.000 р. Я говорю унижена потому, что къ рукамъ оно дѣйствительно стоитъ по крайней мѣрѣ до 150.000 р., а нѣмецъ въ два года доведетъ его до 200.000. Я знаю сіе опытомъ и, можетъ быть, самъ бы сіе сдѣлалъ, еслибъ года два въ немъ прожилъ. Но по разнымъ причинамъ никогда жалѣть о немъ не буду.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Если дѣло о продажѣ Великополья пойдетъ: то не будетъ уже причины присылать сюда Карнѣя и Ивана. Перечисливъ ихъ сюда, должно будетъ три года сихъ негодяевъ держать на рукахъ; а за Великополье какая мнѣ нужда отдавать: пусть лучше они при немъ останутся и идутъ въ продажу. Во всѣхъ случаяхъ прошу ихъ остановить.»

Пенза 24-го іюля 1817.

«Не въ моей состоитъ волѣ, любезный Петръ Григорье-

вичъ, *изгладить васъ изъ памяти моей*, какъ вы того желаете, или по крайней мѣрѣ, какъ въ письмѣ вашемъ изъясняете. Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ я видѣлъ отъ васъ столь много добра, скажу просто и откровенно, столь много благодѣяній, что какія бы ни были впослѣдствіи ваши ко мнѣ расположенія, не въ моихъ силахъ перестать быть вамъ благодарнымъ. Изъ того, что вы не можете вступить въ сношенія о продажѣ Великополья, никакъ не слѣдуетъ, что намъ должно другъ съ другомъ совсѣмъ разстаться. Когда въ первый разъ я поручалъ вамъ сіе дѣло, я предвидѣлъ уже и тогда всѣ его затрудненія и почти напередъ зналъ, что вы отъ него отречетесь. Одно слово: *мнѣ нельзя*, было бы достаточнымъ извиненіемъ; ибо я всегда зналъ, что собственныя дѣла ваши и множество другихъ соображеній не дозволятъ вамъ дѣлать путешествій. Мнѣ представлялось одно возможнымъ, чтобъ вы поручили дѣло сіе кому нибудь изъ людей, вамъ извѣстныхъ. Впрочемъ какая бѣда, если оно осталось и совсѣмъ безъ движенія? все тутъ нѣтъ предлога пожелать, чтобъ я совсѣмъ *изгладилъ васъ изъ своей памяти*.

«Изъ того, что дѣло объ арендѣ поручилъ я вмѣстѣ съ вами Ивану Федоровичу, не слѣдуетъ также, чтобъ я потерялъ къ вамъ довѣріе. Ни мало. Содѣйствіе сіе казалось мнѣ нужнымъ, какъ по занятіямъ вашимъ, такъ и потому, что толковать съ нѣмцами онъ, какъ чиновникъ, служащій въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣла сіи стекаются, имѣлъ болѣе способовъ, нежели вы. Я могъ сдѣлать ошибку въ моемъ заключеніи; но относилъ ли я послѣдствія сей ошибки къ вамъ? Я ошибся, я и потерялъ, и потерю сію несу не только безъ ропота, но и безъ сожалѣнія.

«Если я дозволилъ себѣ сказать вамъ правду о разсѣянности вашей, я мнилъ имѣть на сіе право двадцатилѣтнею моею къ вамъ дружбою, и никакъ не относилъ сего къ лич-

нымъ моимъ дѣламъ; ибо въ дѣлахъ сихъ вы никакого и никогда не сдѣлали упущенія, и, слѣдовательно, говорилъ для васъ, а не для себя. Вы приняли сіе какою-то личною укоризною, которая никогда не входила мнѣ въ голову.

«Остается сказать нѣсколько словъ о письмѣ, признаюсь, довольно глупомъ, которое написалъ я къ вамъ съ нѣкоторою странною для меня вспыльчивостію, по случаю замедленія высылки послѣднихъ денегъ. Но почту спустя я просилъ уже у васъ прощенія, и, мнѣ казалось, заслужилъ его. Вотъ, мнѣ кажется, весь счетъ вашихъ противъ меня неудовольствій. Есть ли тутъ что нибудь стоющее того, чтобъ написать ко мнѣ письмо столь грозное?

«Въ заключеніе скажу вамъ просто и ясно: отъ васъ зависитъ прервать со мною всѣ сношенія. Рѣдкость вашихъ писемъ, кажется, приготовляетъ меня къ сему ожиданію. Разрывъ сей мнѣ будетъ и огорчителенъ и вреденъ. *Огорчителенъ* потому, что я не привыкъ перемѣнять моихъ привязанностей, и въ теченіи двадцати лѣтъ вы будете первый, который дастъ мнѣ отъ себя сію чистую отставку. Огорченіе сіе я однакоже перенесу, какъ переносилъ и другія. *Вреденъ* потому, что, зайдя въ долги, безъ помощи и содѣйствія вашего я не знаю, какъ изъ нихъ выйти. Безъ продажи дома и безъ разсрочекъ, кои вами единственно могутъ быть слажены, я найдусь въ самыхъ крайнихъ затрудненіяхъ. Послѣ сего вамъ остается рѣшить: хотите ли вы меня огорчить и разстроить; но надобно, чтобъ вы рѣшили сіе скорѣе и точнѣе. По крайней мѣрѣ не заслужилъ я того, чтобъ томить меня неизвѣстностію.— Одно положительное *да* или *нѣтъ* всё кончитъ.

«Но и тогда, какъ вы скажете послѣднее отъ меня отрицаніе, я не престану быть вамъ благодарнымъ; не престану мыслить, что мнѣ много еще остается и дѣлать и

желать, чтобъ поравняться съ вами въ одолженіяхъ. Прощайте, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Вексель братъ увезъ съ собою; но сіе дѣло кончится совершенно, какъ вы пожелаете.

«P. S. Лиза наконецъ пріѣхала 22-го іюля, и я теперь совершенно спокоенъ. За все вниманіе ваше къ ней сердечно вамъ благодаренъ.»

Пенза 25-го сентября 1817.

«Весьма благодаренъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, за письмо отъ 14-го сентября. О Поповѣ повторю только то, что прежде писалъ. Я его зналъ почти такъ же, какъ и вы; но мнѣ всегда казалось, что несчастіе и бѣдность если не все, то многое исправить могутъ. Ужасно думать, что человѣкъ не можетъ исправиться; дай Богъ не видать такихъ людей (*).

«Весьма кстати старыя мои кареты пріѣдутъ. Лизу отправили ко мнѣ въ такой великолѣпной каретѣ, что я и выѣхать здѣсь въ ней боюсь; это столярный ящикъ, который надобно держать въ кабинетѣ на показъ.

«Вчера возвратился я изъ губерніи. Сколько зла и сколь мало способовъ къ исправленію! Усталость и огорченіе были однимъ послѣдствіемъ моего путешествія.

«Я думаю, нужно будетъ переписать вексель Баташевой. Скажите срокъ, и по первому извѣщенію я вышлю новый вексель.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.»

(*) Чиновникъ Поповъ былъ долженъ отцу моему, который оказывалъ ему всякое снисхожденіе. Вмѣсто благодарности онъ, найдя какъ-то дорогу къ Сперанскому, нажаловался ему на отца моего.

Пенза 16-го октября 1817.

«Честь и слава попечительному отправленію каретъ. Дошли сюда исправно и къ назначенному сроку. Весьма много благодаренъ вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, за ихъ отправленіе. Подивитесь: ни просьбы, ни другаго порученія, кромѣ, чтобъ вы любить меня по прежнему не переставали. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 14-го ноября 1817.

«Всѣ вѣроятности, любезный мой Петръ Григорьичъ, сходятся къ тому, что Великополье и въ самомъ началѣ торговали не для Бухмейера, но для военнаго поселенія, въ коемъ сія дача занимаетъ самое средоточіе. Дачи Саблукова и Литвинова уже куплены и за такую цѣну, которая превышаетъ всякое вѣроятіе. Въ сравненіи съ ними мало взять за Великополье и 200.000 рублей. Вѣроятно и Бухмейеръ торговалъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ продать въ казну.—Какъ бы то ни было, описаніе сего имѣнія потребовано губернаторомъ и на другой же день съ нарочнымъ отправлено въ Москву, къ графу А. А. Аракчееву. Съ сею почтою я пишу къ нему (графу) съ откровенностію, не уменьшая однакоже цѣны, выпрошенной Поповымъ. Бухмейеръ самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ находитъ цѣну (*) *умѣренною*, но для него невозможною. Изъясненія ваши съ нимъ по счастью ничего не перемѣняютъ и напротивъ представляютъ еще ту выгоду, что если бы догадка моя о продажѣ въ казну была и несправедлива (хотя она ос-

(*) Это не тотъ Поповъ, который долженъ былъ отцу моему, а надв. сов. Поповъ, дядя отца моего, который поручилъ ему переговоры съ Бухмейеромъ.

нована на самыхъ положительныхъ соображеніяхъ и даже на отрывистомъ, но значительномъ отзывѣ губернатора), то во всѣхъ случаяхъ можно намъ упрочить себѣ Бухмейера. Такимъ образомъ пусть Поповъ твердитъ о 140.000 р.; вы же, если встрѣтитесь съ Бухмейеромъ, подавайте ему условную надежду къ пониженію, не опредѣляя однакоже съ точностію цѣны, чтобъ не остаться вамъ въ словѣ. Отвѣтъ графа Алексѣя Андреича все рѣшитъ, и я тотчасъ васъ увѣдомлю. Сто тысячъ есть цѣна добрая; сто десять тысячъ еще лучше; но 140.000 есть цѣна прелестная. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ, увлекаясь сею прелестію, не потерять первой, болѣе вѣрной, и въ этомъ-то будетъ состоять все ваше искусство. Не вопрошайте меня, почему графъ, желая мнѣ добра, ведетъ себя въ семъ дѣлѣ съ такими околичностями. Всякому свойственно няньчить свое дитя; а пользы военнаго поселенія и сбереженіе издержекъ конечно и естественно для него милѣе, нежели я. Присоедините къ сему, что онъ опасается и укоризны какого либо мнѣ особеннаго благопріятства или пристрастія. Какъ бы дѣло сіе впрочемъ ни кончилось, благодаря ловкости, съ коею ухватили вы почти уже потерянную нить изъясненіемъ съ Бухмейеромъ, я предвижу ему скорую и во всѣхъ предположеніяхъ счастливую развязку.»

«Пенза 18-го января 1818.

«Мы остановились съ вами, любезный мой Петръ Григорьичъ, въ разсужденіи продажи Великополья, на томъ, чтобъ ожидать отвѣта отъ графа А. А. Аракчеева и потому рѣшиться на одно изъ двухъ предположеній. Отвѣта сего доселѣ не было. Хр. Як. Лазаревъ охотно на себя принимаетъ лично спросить у графа: да, или нѣтъ. Если да, то дѣло пойдетъ своимъ чередомъ; но если нѣтъ, то

должно, не теряя времени, рѣшиться уже съ Бухмейеромъ, и я бы желалъ, чтобъ рѣшились вы, а не кто либо другой. Это будетъ вѣнецъ всѣмъ вашимъ подвигамъ. Если Бухмейеръ давалъ уже 110.000 и если болѣе дать не согласится: то можно на семъ кончить и, положась съ нимъ на словѣ, увѣдомить меня, для высылки отсюда надлежащей довѣренности. Все дѣло начать тѣмъ, чтобъ узнать отъ Хр. Як. отвѣтъ графа Аракчеева и потомъ пойти къ цѣли съ Бухмейеромъ. Но идти должно скоро, чтобъ онъ не раздумалъ. Сдѣлавъ такъ много, довершите, мой любезный Петръ Григорьевичъ, и успокойте себя и меня.

«Съ новымъ годомъ васъ не поздравлялъ, считая излишнимъ увѣрять васъ въ томъ, въ чемъ должны быть увѣрены, то есть, въ искренней моей къ вамъ привязанности и въ желанiи всего лучшаго.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 19-го марта 1818.

«Письмо ваше, любезный Петръ Григорьевичъ, отъ 6-го марта, со счетомъ я получилъ. Вексель, какъ скоро получу отъ брата, вамъ вышлю; остальныя же деньги не прежде сентября или октября могу къ вамъ доставить. Занимаюсь теперь выборомъ и продажею земель. Какой бы ни былъ успѣхъ по сему предмету, намѣренiе мое о продажѣ дома и Великополья остается непремѣннымъ. Я на васъ совершенно полагаюсь, не взирая на ваше молчанiе. О Великопольѣ нѣтъ причины останавливаться на отзывѣ графа А. А., ибо, мнѣ помнится, я увѣдомилъ уже васъ, что въ письмѣ его ко мнѣ онъ даетъ мнѣ одну только отдаленную надежду; а мнѣ нужно скорѣе кончить, хотя бы то было и съ потерею. По моему счету я теряю тутъ (въ деревнѣ и въ домѣ) ежегодно до 15.000 р., полагая, что то

и другое имѣніе продано бы было за 150.000 р. Потеря для меня важная, и сверхъ того неустройство и безпорядокъ отвратительный.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю. Ради Бога, попекитесь о продажѣ дома и деревни. Это послѣдній трудъ, но самый обязательный.»

Пенза 21-го мая 1818.

«Я такъ давно къ вамъ не писалъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, что вы, думаю, уже и руку мою позабыли. Оставляю васъ въ покоѣ не потому, чтобъ не имѣлъ къ вамъ нужды, но что дорожу вашимъ временемъ, которое, какъ я предполагаю, употребляете вы не безъ пользы на устроеніе участи дѣтей вашихъ. Между тѣмъ долгомъ совѣсти считаю довести до васъ слезное письмо, присемъ прилагаемое. Я не знаю Андрея Попова, но семейство его составляютъ добрые и честные люди. Бѣдность часто вводитъ въ заблужденіе. Если можно, любезный мой Петръ Григорьевичъ, то снизойдите еще разъ на его слезы. И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощайте; душевно и по старинному васъ обнимаю.»

Пенза 2-го іюля 1818.

«Вы сдѣлали несравненно болѣе, любезный мой Петръ Григорьичъ, нежели я просилъ и ожидалъ по иску Попова. Участіе мое въ немъ возбуждено было однимъ слезнымъ письмомъ его и простиралось не далѣе, какъ только довести его до свѣдѣнія вашего, въ увѣренности, что и безъ просьбы моей вы сдѣлаете все, что можетъ быть сообразно съ снисходительными вашими свойствами.

«Довѣренность на продажу дома я обратно получилъ. Надѣюсь, что вы не огорчились, что я далъ другую г. Лазареву. Онъ самъ ее просилъ, и мнѣ казалось не излишнимъ преумножить симъ способы къ продажѣ.

«Я совсѣмъ забылъ, или, лучше сказать, и не зналъ съ точностію о срокѣ платежа Баташевой по закладной. Упросите ее отсрочить еще на годъ, хотя я увѣренъ, что въ сентябрѣ буду въ состояніи сдѣлать ей платежъ; но чтобъ не остаться въ словѣ, то лучше убѣдить ее на годъ. Вопросъ въ процентахъ. Управляющій здѣшнимъ имѣніемъ Кирѣевскаго сказывалъ мнѣ, что домъ его, т. е. люди и прочее, все осталось въ моемъ домѣ и, слѣдовательно, наемъ идетъ своимъ чередомъ. Нужно бы было выправиться, кому отъ него поручено платить сей наемъ.—Если же сіе свѣдѣніе неосновательно, и домъ совершенно пустъ: то въ семъ случаѣ я прошу васъ въ платежѣ процентовъ извоpотиться другимъ образомъ и меня увѣдомить. Хоть съ трудомъ, но я здѣсь могу занять и выслать къ вамъ сіи проценты.—Вообще дѣла мои идутъ весьма хорошо; но не прежде, какъ къ 1819 году придутъ они къ развязкѣ.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 23-го іюля 1818.

«Весьма обрадовали вы меня, любезный мой Петръ Григорьевичъ, письмомъ отъ 12-го іюля, сегодня полученнымъ, и свѣдѣніемъ, что дѣло о продажѣ Великополья наконецъ приходитъ въ движеніе. Видно, на роду мнѣ такъ написано, чтобъ всѣ дѣла полезныя устроивались для меня вашимъ посредствомъ. Ради Бога, преслѣдуйте сіе дѣло до самой крайней возможности. Стучитесь у всѣхъ дверей; просите всѣхъ, кто только пособить можетъ, и хотя по безпристрастію графа Алексѣя Андреича никто надъ нимъ

силы не имѣетъ, да и имѣть ее не нужно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ казна пріобрѣтаетъ, сверхъ земли и крестьянъ, по крайней мѣрѣ на сто тысячъ каменнаго строенія (сіе смѣло и предъ всѣми я могу утвердить), со всѣмъ тѣмъ весьма нехудо, если съ разныхъ сторонъ будутъ доходить къ графу одинакія извѣстія, чтобъ тѣмъ болѣе увѣрить его, что въ покупкѣ сей не можетъ быть ошибки. Къ свѣдѣніямъ, кои о семъ дѣлѣ вы имѣете, считаю нужнымъ присовокупить, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ графу я писалъ: 1) что имѣніе сіе весьма способно къ учрежденію въ немъ главнаго штаба военнаго поселенія, какъ по количеству каменнаго строенія, такъ и по мѣстному его положенію; 2) что цѣна ему 140.000 весьма умѣренна; 3) что впрочемъ частные люди не только не могутъ дать сей цѣны, но и совсѣмъ его не купятъ въ настоящемъ положеніи его окрестностей, занятыхъ военнымъ поселеніемъ, и 4) что посему я приму сущую себѣ милостію покупку сего имѣнія въ казну.—Изъ свѣдѣній отъ Х. Я. Лазарева видно, что графъ точно убѣжденъ въ необходимости сей покупки, и на вопросъ отвѣчалъ, что *нужно только нѣкоторое терпѣніе*.

«Прощайте; душевно васъ обнимаю и снова прошу употребить всю вашу дружескую дѣятельность въ окончаніи дѣла о Великопольѣ.»

Пенза 1-го августа 1818.

«Я столько увѣренъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, въ дружеской вашей дѣятельности, что Великополье считаю уже проданнымъ. Довѣренность, если прежняя не отыскана, посылаю съ симъ нарочнымъ къ Аркадію Алексѣичу. Но вамъ необходимо нужно вызвать къ окончательному совершенію г-на Попова: ибо ему извѣстны люди,

коихъ изъ купчей должно исключить, напримѣръ Лаврушку, человѣка братняго и тому подобное, въ маломъ впрочемъ числѣ. Онъ же сверхъ того долженъ и сдать все тому, кто къ пріему будетъ уполномоченъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю».

«Пенза 21-го сентября 1818.

«Что мнѣ сказать вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, о всѣхъ хлопотахъ, окружающихъ васъ по моему дому?—Старайтесь скорѣе продать его и не ссылайтесь на высокую цѣну (50000). Я даю вамъ полную волю опредѣлить ее и ниже, по собственному вашему усмотрѣнію, и вѣрьте, какъ бы вы его ни продали, сердечно вамъ буду благодаренъ. Симъ только образомъ можете вы выручить и у себя удержать всѣ издержки его содержанія; ибо искренно вамъ скажу: отправленіе Лизы такъ меня въ разсчетахъ моихъ затруднило, что не могу вамъ до января ничего заплатить, ни вамъ, ни г. Баташевой. Въ январѣ только поступятъ мои деревенскіе доходы, и тогда радъ и готовъ вамъ пособить—пособить въ собственныхъ вашихъ мнѣ одолженіяхъ.

«Что дѣлается съ Великопольемъ? Я писалъ къ новому статсъ-секретарю Муравьеву и просилъ его помощи. Постарайтесь съ нимъ увидѣться и спросить хоть словеснаго его отвѣта. Письмо мое вложено было къ Аркадію Алексѣевичу. Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ и даже въ здѣшнихъ дѣлахъ моихъ связываетъ меня сія деревня. Не только нѣтъ ни полушки дохода; но боюсь, чтобъ, по недостатку сѣна, не переморить скотъ нынѣшнею зимою. Тамъ стояли воды до августа, и всѣ луга затопило. Половины почти собрать невозможно.—Сдѣлайте, ради Бога, что можно. Если причина медленности состоитъ

въ деньгахъ: то продайте хоть безъ денегъ, лишь бы казна *назначила сроки платежей*, и нынѣшней осенью сняли съ рукъ моихъ сію тяжесть. Я устроилъ бы уже платежи другимъ образомъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю. Надѣюсь, что Лиза не будетъ и не должна безпокоить васъ деньгами: ибо она снабжена во всемъ достаточно».

Пенза 26-го ноября 1818.

«Весьма благодаренъ вамъ, любезный Петръ Григорьевичъ, за попеченіе ваше о продажѣ моего дома. На условія, Клопову предложенныя, я совершенно согласенъ; въ разсчетѣ же процентовъ на васъ въ полной довѣренности полагаюсь. Желаю только сколь можно скорѣе кончить. Видно, вамъ судьба устроивать дѣла мои; за то вѣрьте, что никогда ни на дѣлѣ, ни въ мысляхъ я не перемѣнялся.— Крайне сожалѣю, что М. Леонтьичъ (*) такъ рѣзко съ вами разошелся; но онъ такъ расходится и разойдется наконецъ и со всѣми. Со мною это давно уже кончено! Богъ съ нимъ!—Вы можете всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, сказывать, что онъ для меня человѣкъ совершенно посторонній, и симъ окажете мнѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ немаловажную услугу. Вредить ему никогда не буду, и оборони Боже! но никакого участія въ судьбѣ его принимать я не могу; еслибы предсталъ къ тому случай, дѣлать всякое добро ему радъ, но не по особенному, а по общему чувству.

«Прощайте; отъ всего сердца желаю вамъ прежде всего здоровья и твердости духа, которая наконецъ все преодолѣваетъ».

(*) Магницкій, который долженъ былъ отцу моему до 60.000 р. асс.

Пенза 24-го декабря 1818.

«Весьма радъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, что письмомъ вашимъ отъ 13-го декабря доставили вы мнѣ случай объясниться о продажѣ дома и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять облачко, которое, кажется, опять между вами и мною собралось.

«Я дѣйствительно предлагалъ Христофору Якимовичу (*) взять за себя домъ, за какую бы то ни было цѣну. 25.000 тутъ не означало настоящей цѣны, но выраженіе, до какой степени мнѣ продать хочется. Это произошло не отъ вѣстей, какъ вы предполагаете (ибо съ Михайломъ Леонтьичемъ я не только не переписываюсь, но и разошелся съ нимъ, можетъ быть, далѣе, нежели вы), но отъ того, что я видѣлъ предъ собою однѣ издержки на починку и содержаніе, а продажѣ его и конца не могъ видѣть. Вы же нѣкогда ко мнѣ писали, что за назначаемую мною цѣну, за 50.000 р., продать мало или совсѣмъ нѣтъ надежды. Сообразивъ все сіе, меня взяло горе, и я рѣшился передать его Лазареву, зная, что онъ удобнѣе можетъ сдѣлать нужную издержку на поправки его, нежели вы и я. Правда, что я предполагалъ его въ безпорядкѣ; но сіе было естественнымъ слѣдствіемъ его положенія, и никакъ не могъ я ни требовать, ни ожидать, чтобъ вы, при хлопотахъ вашихъ, за нимъ на концѣ города смотрѣли. Я удивился, что Лиза нашла его въ противномъ положеніи, весьма радъ и много вамъ благодаренъ, но никакъ не огорчился бы на васъ, если бы онъ былъ и въ разстройствѣ.

Теперь, чтобъ приступить къ самому дѣлу, между нами: я мало вѣрю обѣщаніямъ Амбургера; но, чтобъ не упрекать себя въ какомъ либо упущеніи, пусть онъ отвѣдаетъ

(*) Лазареву.

пріискать лучшихъ покупщиковъ. Но присемъ справедливость требуетъ, чтобъ и г. Кокоревъ не ожидалъ безсрочно, а потому и писалъ я къ Лизѣ, что послѣдній срокъ исканіямъ Амбургера есть конецъ января и много что 15-ое февраля. Послѣ же сего срока, прошу васъ, не медля кончить съ Кокоревымъ и разчесться по закладной съ Баташевою. Въ семъ смыслѣ пишу я сегодня къ Клопову.

«Что принадлежитъ до разсказовъ Магницкаго: они вовсе не имѣютъ никакого основанія. Въ Москвѣ я за васъ съ нимъ поссорился; а здѣсь при свиданіи не помню даже, чтобъ какой либо былъ вопросъ. Онъ не солгалъ, но вѣроятно принялъ свои мысли и свои слова вмѣсто моихъ. Впрочемъ всѣ мои съ нимъ сношенія давно уже кончились, и даже, при свиданіи здѣсь, мы не болѣе двухъ часовъ были согласны. Неужели умъ и сердце старѣются съ лѣтами. — Видно, такъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю и желаю вамъ храбрости въ вашихъ подвигахъ и терпѣнія въ трудахъ».

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пензы въ Сибирь, куда Сперанскій Высочайше назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ, писалъ онъ къ отцу моему.

Пенза 15-го апрѣля 1819.

«Прощаясь съ вами, любезный Петръ Григорьевичъ, симъ письмомъ желалъ бы представить вамъ какія либо утѣшенія (*), но и самъ по истинѣ ихъ не имѣю; предаю

(*) Тогда отецъ мой былъ вовлеченъ въ трудную тяжбу съ сильными противниками, между которыми были и давніе враги Сперанскаго. Тяжба длилась около 10 лѣтъ, и отецъ мой рѣшеніемъ государственнаго совѣта былъ признанъ вполнѣ правымъ. Но тяжба эта разстроила и его здоровье, и его состояніе.

и васъ, какъ и себя, неисповѣдимому руководству Провидѣнія.

«Аркадій Алексѣевичъ сообщилъ вамъ распорядокъ, который назначилъ я для долговыхъ дѣлъ моихъ. Онъ очень простъ и состоитъ только въ томъ, чтобъ продать домъ Дубенскому съ переводомъ на него долгу Баташевой 75.000 р., потомъ дать ей вексель въ 25.000, а остальные 20.000 р., и что причтется процентовъ, заплатить ей наличными изъ суммъ, отъ продажи Великополья остающихся. Я увѣренъ, что по силѣ и возможности не отречетесь вы въ семъ ему содѣйствовать. Это послѣднія мои хлопоты, и болѣе никогда уже ихъ не будетъ. И дѣла мои и васъ самихъ препоручаю я Аркадію Алексѣевичу и увѣренъ, что онъ никогда отъ васъ не отступится. Я писалъ отсюда на заводъ къ Баташевой; нарочный мой еще не возвратился; надѣюсь, что она на предложеніе мое согласится, ибо ничего не теряетъ и во всемъ будетъ совершенно обезпечена.

«Писемъ вашихъ ожидать буду въ казани или въ Тобольскѣ. Писать къ вамъ буду рѣдко, но воспоминать буду часто. Прощайте, любезный Петръ Григорьевичъ. Поцѣлуйте за меня всѣхъ вашихъ дѣтей и вѣрьте, что расположеніе мое и чувства всегда будутъ неизмѣнны. Желаю вамъ милости Божіей и помощи свыше: ибо помощи человѣческой въ положеніи вашемъ нѣтъ. Впрочемъ, твердость духа и здоровье составляютъ главную вашу потребность. Прощайте».

Сперанскій обозрѣлъ всю Сибирь, спускался даже въ нерчинскіе рудники, чего ни одинъ генералъ-губернаторъ до него не дѣлалъ; по Высочайшему повелѣнію произвелъ изслѣдованіе о вкравшихся издавна по управленію Сибирью злоупотребленіяхъ, составилъ проектъ новаго учрежденія для управленія сибирскихъ губерній, а въ 1821 году возвратился въ Петербургъ. Тогоже 1821

года іюля 28-го послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи сибирскаго комитета, членами котораго были назначены: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей; министръ финансовъ графъ Гурьевъ; генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Голицынъ; сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій и государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ. Въ то же время Сперанскій назначенъ былъ и членомъ государственнаго совѣта.

Въ 1826 году 31-го января, бывшая до того коммисія составленія законовъ была упразднена, и вмѣсто нея учреждено было II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, для совершенія уложенія отечественныхъ законовъ. Главное начальство надъ этимъ отдѣленіемъ было Высочайше поручено Сперанскому. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 1830 года и Сводъ Законовъ, изданный при Высочайшемъ манифестѣ въ 1833 году, составляютъ такія событія, которыя никогда благодарною Россіею не забудутся. Послѣ рѣшенія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ Высочайшемъ присутствіи, дѣла о введеніи Свода Законовъ въ дѣйствіе, Императоръ Николай I возложилъ собственную свою звѣзду ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго на грудь избраннаго Его Величествомъ исполнителя великой мысли о сводѣ отечественныхъ законовъ. Эта мысль издавна занимала Сперанскаго, но едва онъ намекнулъ только на нее, въ первые дни царствованія Николая I-го, какъ Государь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ сказалъ, что Сперанскій угадалъ его собственную мысль. Его Величество тотчасъ же поручилъ Сперанскому привести ее въ исполненіе, взявъ это великое, государственное дѣло подъ личное, непосредственное свое покровительство, и въ семь лѣтъ совер-

шено то, надъ чѣмъ трудились безуспѣшно болѣе столѣтія со временъ Петра Великаго.

Въ началѣ 1839 года Сперанскій былъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта; но 11-го февраля того 1839 года Россія лишилась Сперанскаго. Наканунѣ своей кончины графъ призывалъ меня къ себѣ, разговаривалъ со мною, и я никакъ не думалъ, что вижу его въ послѣдній разъ.

Мнѣ остается объяснить, когда началась дружба Сперанскаго къ покойному отцу моему, и по какимъ причинамъ я самъ имѣлъ счастіе въ теченіе одиннадцати лѣтъ до самой кончины графа быть съ нимъ почти ежедневно въ личныхъ сношеніяхъ, то служебныхъ, то частныхъ.

Сперанскій, какъ выше сказано, съ 1793 года былъ магистромъ и учителемъ въ санктпетербургской духовной семинаріи. Одинъ изъ сослуживцевъ его, переведенный въ Петербургъ изъ Ярославля магистръ Сахаровъ, былъ очень дружески расположенъ къ отцу моему, служившему въ Ярославлѣ. Сахаровъ рекомендовалъ отца моего Сперанскому, и они такъ полюбили другъ друга съ перваго ихъ знакомства, что Сперанскій, опредѣленный въ началѣ 1797 года въ канцелярію генералъ-прокурора, писалъ изъ Петербурга къ отцу моему, въ Ярославль:

«Милостивый государь мой, Петръ Григорьичъ!

«Жалѣю крайне, что доселѣ не могъ вамъ доставить указа; причиною сему былъ тотъ разсчетъ, по коему хотѣлъ я, чтобъ вы имѣли годъ старшинства въ чинѣ, и потому просилъ ввести васъ въ общее производство, и послѣ сего естественно нельзя васъ было отвязать отъ другихъ и сдѣлать исполненіе по одному. Впрочемъ же я съ почты до

почты ожидаю возможности препроводить его къ вамъ. Между тѣмъ банкъ открылся; вы опредѣлены помощникомъ бухгалтера въ главномъ начальствѣ.—Прибывъ сюда, вы яснѣе узнаете, сколь выгодно сіе мѣсто; я увѣренъ, что по крайней мѣрѣ за сіе меня не побраните. Пріѣздъ вашъ сюда нуженъ скоро и непремѣнно. Я не могу понять, почему необходимо вамъ получить указъ въ Ярославлѣ. Какія бы сдѣлки и переводы ни были, ихъ можно произвесть отсюда. Можно выпросить письма къ лучшимъ людямъ, и, въ отсутствіи вашемъ, я увѣренъ, что дѣла ваши пойдутъ такъ же хорошо и можетъ быть лучше, какъ и въ присутствіи.—Послушайте моего дружескаго и самою необходимостію внушаемаго совѣта и вѣрьте, что я былъ и буду

вашимъ вѣрнымъ слугою и другомъ

Сперанскій.»

14-го марта
1798.

«Ожидаю васъ съ распростертыми и самыми теплыми объятіями. Пріѣзжайте, утвердивъ надежду вашу на Бога и связавъ ее съ надеждами моими, кои доселѣ еще меня не обманывали».

Вслѣдъ за этимъ Сперанскій написалъ къ отцу моему, въ Ярославль, другое письмо:

«За письмо ваше, другъ мой сердечный Петръ Григорьевичъ, покорнѣйше васъ благодарю, но больше бы еще былъ благодаренъ, если бы въ выраженіяхъ вашихъ больше находилъ дружбы, нежели учтивости. По связи моей съ вами, мнѣ кажется, вамъ бы можно себя уволить и меня освободить отъ благодарностей, увѣреній и признательности. Скажите, что вы меня любите, вотъ все, чего отъ васъ требую и имѣю право требовать. При семъ по-

сылаю копію съ опредѣленія и совершенно уже поздравляю васъ титулярнымъ совѣтникомъ.—Дай Богъ, чтобъ скоро увидѣть васъ статскимъ. На увольненіе ваше еще на 20 дней ожидаю вашей просьбы и аттестатовъ на болѣзнь.

«Моя жена супругѣ вашей свидѣтельствуетъ свое искреннее почтеніе и усердіе и очень много васъ бранитъ, что вы ее отъ себя отпустили и теперь по ярмаркамъ и по деревнямъ одни разъѣзжаете.

«Зная мою жизнь, вы конечно меня извините, если я не много пишу: право некогда. Впрочемъ со мной идетъ все хорошо и лучше, нежели я когда нибудь надѣялся.

«Съ будущею почтою еще къ вамъ писать буду, а между тѣмъ чрезъ васъ, принося супругѣ вашей, всѣмъ домашнимъ сродникамъ и друзьямъ усердный мой поклонъ, навсегда пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ и слугою

Сперанскій.»

31-го марта
1798.

Въ 1798 году отецъ мой пріѣхалъ изъ Ярославля въ Петербургъ, былъ опредѣленъ помощникомъ бухгалтера въ банкъ, черезъ три мѣсяца опредѣленъ бухгалтеромъ, и 11-го іюля 1800 года произведенъ былъ въ коллежскіе ассесоры и опредѣленъ уѣзднымъ судьею въ Ярославль. Сперанскій женился, по любви, на дочери умершаго англійскаго пастора. Елисавета Андреевна—по словамъ покойнаго отца моего, стоила во всѣхъ отношеніяхъ выбора и предпочтенія Сперанскаго. Въ 1800 году, родивъ дочь, единственное дитя Сперанскаго, она отъ горячки умерла. Сперанскій былъ безутѣшенъ, и всю любовь свою, которой такъ много было въ его благородномъ сердцѣ, обратилъ на

малютку дочь свою, на родныхъ его покойной супруги и на друзей своихъ. Отъ 19-го января 1801 года онъ писалъ въ Ярославль къ отцу моему:

«Не подумайте, любезный другъ мой Петръ Григорьевичъ, что я васъ забылъ; вы знаете меня и образъ моей жизни и потому легко меня извините. Порученія ваши исполняю я, сколько могу, съ точностію. О Богоявленскомъ просилъ и, думаю, скоро сдѣлаютъ. Пишите мнѣ, любезный мой Петръ Григорьичъ, обо всемъ и всегда, когда только разсудите; письма ваши всегда мнѣ пріятны по искреннему участію, которое разъ навсегда я въ васъ принялъ и коего никогда не перемѣню. Можетъ быть, я холоденъ въ дружбѣ внѣшней, но за то я постояненъ и, полюбивъ разъ, не перемѣню своихъ правилъ. Любезной супругѣ вашей отъ меня душевное объявите почтеніе и благодарность за ея приписки. Маленькая моя вамъ кланяется; она живетъ теперь у меня, то есть въ одномъ домѣ со мною, съ пріѣхавшею ко мнѣ на сихъ дняхъ тещею и своячиною. Я живу по прежнему, то есть въ хлопотахъ, или въ скукѣ: два препровожденія обыкновенныя моего времени. Прощайте, мой любезный другъ, любите всегда

вамъ вѣрнаго друга и слугу

Сперанскаго.»

19-го января

1801.

Въ 1802 году, за успѣшное рѣшеніе дѣлъ, накопившихся при прежнихъ присутствующихъ въ ярославскомъ уѣздномъ судѣ, отецъ мой пожалованъ былъ въ надворные совѣтники и 17-го октября того же 1802 года опредѣленъ былъ въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго Сперанскій былъ тогда директоромъ.

Самыя первыя, дѣтскія понятія мои слились съ понятіемъ о Сперанскомъ. Онъ часто посѣщалъ отца моего и однажды, за вечернимъ чаемъ, взялъ меня къ себѣ на руки. Мнѣ тогда было года четыре отъ-роду. Я началъ что-то болтать. Въ чемъ состоялъ этотъ первый докладъ мой Сперанскому?—рѣшительно забылъ. Живо еще помню минуту, когда Сперанскій прислалъ въ 1806 году, въ подарокъ отцу моему, медальонъ, въ которомъ съ одной стороны былъ портретъ его, а съ другой волосы его за стекломъ. Въ томъ же 1806 году Сперанскій уволенъ былъ въ отпускъ, въ Кіевъ. Отъ 21-го августа 1806 года онъ писалъ съ дороги къ отцу моему:

21-го августа.

«Хотя и безъ остановки, но не безъ труда добрался я сегодня до Великихъ-Лукъ, откуда и пишу къ вамъ, любезный Петръ Григорьичъ, чтобъ къ разнымъ просьбамъ моимъ присовокупить еще одну. При прощаніи я просилъ графа В. П. объ опредѣленіи извѣстнаго вамъ штабъ-лекаря Берсдорфа въ Кіевъ городовымъ лекаремъ, который по новому положенію о тамошнихъ городскихъ доходахъ и по штатамъ, при отъѣздѣ моемъ состоявшимся, вновь въ Кіевѣ при магистратѣ положенъ. Его сіятельство обѣщалъ скоро исполнить мою просьбу; а посему и нужно: 1) справиться у г-на управляющаго 3-й экспедиціи, былъ ли о семъ приказъ; если былъ, то попросить, чтобъ онъ поспѣшилъ сіе исполнить по прежнему прошенію, отъ Берсдорфа на сіе мѣсто къ графу поданному и въ экспедицію дошедшему; а въ случаѣ нужды можно истребовать отъ него и новое, для обряда, о чемъ вы съ нимъ отъ меня и переговорите. Если же приказу не было, то сіе такъ и оставить до моего возвращенія. 2) Если дѣло сіе исполнится, тогда

предложить отъ меня Берсдорфу, для экипировки и для уплаты его долговъ, въ заемъ до того, какъ онъ разбогатѣетъ, до 500 рублей, сказавъ ему, что я не успѣлъ всего сего распорядить самъ по нечаянному моему отъѣзду.

«Прощайте, любезный Петръ Григорьичъ; время стоитъ прекрасное; я здоровъ, чего же лучше?—Васъ и всѣхъ моихъ любезныхъ провожатыхъ душевно обнимаю. Гатчинскій ихъ обѣдъ и теперь еще, кажется, у меня на языкѣ: а апельсины ваши составляютъ весь мой ужинъ.

Въ 1 часъ по полудни.»

Въ Кіевѣ 12-го сентября 1806.

«Письма ваши, любезный Петръ Григорьичъ, въ свое время я получилъ, и за всѣ увѣдомленія ваши покорнѣйше васъ, другъ мой, благодарю. Лизенька весьма усердно благодаритъ васъ за органъ и игрушки, которые весьма кстати пришли къ самымъ почти ея имянинамъ. Я здѣсь живу весьма весело и всѣмъ доволенъ, а особливо здоровьемъ. Боюсь только возвратиться къ вамъ, на новыя мученья; но что дѣлать! Пускаюсь отсюда 18-го сего мѣсяца чрезъ Москву и надѣюсь васъ обнять по крайней мѣрѣ 28-го, если не ранѣе. Дай Богъ застать васъ всѣхъ здоровыми. Дочь и всѣ мои вамъ и любезной моей кумушкѣ (*) свидѣтельствуютъ свое почтеніе. Прощайте, любезный Петръ Григорьичъ; душевно васъ обнимаю. Всѣмъ нашимъ мой поклонъ».

По представленію Сперанскаго отецъ мой 1-го января 1806 года былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники; 31-го декабря 1808 года въ статскіе; въ 1810 году при-

---

(*) Моей покойной матери. Онъ былъ воспріемникомъ отъ купели родившихся послѣ меня сестеръ и братьевъ моихъ.

слана была ему подписанная Александромъ I грамота, до сихъ поръ у меня хранящаяся, о пожалованіи отца моего 11-го ноября 1810 года кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени, а 20-го того же ноября отецъ мой испросилъ увольненіе отъ службы, для поправленія домашнихъ дѣлъ своихъ.

Въ мартѣ 1812 года произошелъ въ судьбѣ Сперанскаго переворотъ, выше нами описанный.—Въ 1821 году, когда онъ возвратился въ Петербургъ и былъ опредѣленъ членомъ государственнаго совѣта и сибирскаго комитета, отецъ мой представилъ меня Сперанскому. Это было въ августѣ 1821 года, и я только-что кончилъ курсъ наукъ въ благородномъ пансіонѣ при с.-петербургскомъ университетѣ. Сперанскій (жившій тогда во флигелѣ царскосельскаго дворца) очень благосклонно разговаривалъ со мною, и я, по его рекомендаціи, былъ опредѣленъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Потомъ, по его же ходатайству, получилъ я 1-го марта 1828 года должность секретаря при предсѣдателѣ департамента законовъ государственнаго совѣта, въ которомъ Сперанскій былъ членомъ. Въ мартѣ 1832 года поступилъ я въ экспедиторы по этому же департаменту, и такимъ образомъ съ 1828 по самую кончину графа въ 1839 году, когда онъ уже былъ предсѣдателемъ департамента законовъ, находился я съ нимъ, въ постоянныхъ, то служебныхъ, то частныхъ, сношеніяхъ, по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Кромѣ государственной дѣятельности графъ находилъ время заниматься науками, литературой и языкознаніемъ. Не говоря о русскомъ языкѣ, которому онъ оказалъ значительныя услуги, онъ зналъ основательно языки: французскій, англійскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и еврейскій. Въ 1838 году, разговорившись со мной о испанскомъ языкѣ, онъ просилъ достать ему хорошую испанскую

грамматику, что я и исполнилъ. Въ то же время онъ подарилъ мнѣ двѣ тетрадки своихъ сочиненій: одну содержанія философскаго подъ названіемъ досуги, другую духовнаго содержанія.

Графъ сдѣлалъ привычку съ молодыхъ лѣтъ записывать свои соображенія и выводы и обладалъ рѣдкимъ даромъ краснорѣчія изустнаго и письменнаго. Я имѣлъ случай слышать его простую бесѣду въ обществѣ и произносимыя имъ рѣчи въ государственномъ совѣтѣ: вездѣ онъ увлекалъ за собою слушателей своей здравой логикой и обаяніемъ своего слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не разгорячаясь, онъ старался не давать замѣтить превосходства своего надъ другими, старался не затрогивать ничьего самолюбія, на сколько это было возможно.

Образцики его здравой логики и краснорѣчія письменнаго читатели могутъ видѣть въ прилагаемыхъ здѣсь сочиненіяхъ его, писанныхъ имъ еще на 25-мъ году его жизни, то есть, въ 1795 году.

1795. **ДОСУГИ.** Сентябрь.

Тотъ кто докажетъ, что сущность всѣхъ твореній состоитъ въ томъ, чтобы они раскрывались постепенно; что раскрытіе ихъ способностей требуетъ извѣстнаго и постояннаго времени; что наконецъ сіе раскрытіе не можетъ иначе совершиться, какъ собственнымъ и часто горестнымъ опытомъ: тотъ рѣшитъ всѣ споры нравственные и откроетъ цѣлую половину природы человѣка.

Чтобъ приступить къ сему великому вопросу съ нѣкоторымъ успѣхомъ, должно розыскать:

I. Начало творенія—предварительные вопросы, сюда входящіе, суть: a) истинное понятіе вѣчности; b) понятіе

начала и зависимости; c) понятіе основы существъ (substantia).

II. Отношеніе твореній къ творцу и существенную разность между ими.—Истинное понятіе о Богѣ.—Когда всѣ сіи изслѣдованія приведутъ насъ къ положительной сторонѣ проблемы: тогда должно будетъ розыскать:

III. Въ какой эпохѣ совершенства стоитъ родъ человѣческій на землѣ? Измѣрить разстояніе его отъ высшей точки совершенства—по тѣлесному устроенію, по страстямъ, разуму и проч.

IV. Изъ сего рѣшатся частные вопросы: о добродѣтели, объ удовольствіи, совершенствѣ, красотѣ, добротѣ характера, о счастіи, о законахъ и проч., въ двухъ смыслахъ: совершенномъ—въ разсужденіи вселенной, и относительномъ — въ разсужденіи того мѣста, на которомъ мы стоимъ.

Къ догадкамъ о истин. знаменов. чел. во вселенной.

Всякой судитъ о счастіи по своимъ понятіямъ. Понятія строятся опытомъ, временемъ, состояніемъ. Есть ли возможность понять будущее? Воображеніе самое сильное ничего не творитъ вновь, но все переливаетъ въ формы, прежде опытомъ и чувствами приготовленныя.—Отсюда безпрерывное сходство и единообразіе даже въ томъ, что называютъ оригинальнымъ.

—

Разность между чернію и философомъ въ семъ мірѣ состоитъ только въ томъ, что чернь дѣлаетъ глупости съ важностію, а философъ со смѣхомъ.

—

Кто пойметъ, какимъ образомъ дѣти, воспитанныя въ различныхъ обстоятельствахъ, съ разными, повидимому, дарованіями и характерами, въ совершенномъ возрастѣ

сходятся однакожъ на одной и той же чертѣ: тому не трудно будетъ уразумѣть, какимъ образомъ люди съ разнымъ расположеніемъ мыслей, съ разными родами ума, встрѣтятся наконецъ всѣ въ одномъ мѣстѣ и придутъ къ счастію въ одно время.

—

Какое зрѣлище для народа увидѣть въ первый разъ сіи могущественныя пружины, кои нѣсколько вѣковъ непостижимымъ для него образомъ двигали его волю! узрѣть сіе великое колесо правленія, что, обращаясь на таинственной оси, возвышало и низвергало съ собою счастіе милліоновъ! Если можно что-нибудь представить разительнѣе и великолѣпнѣе сего вида,—это есть, ставъ въ центрѣ міра, смотрѣть на всѣ силы двигнутой природы и видѣть ходъ вселенной!

—

О сердце! сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? То, что называютъ въ семъ случаѣ сердцемъ, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, есть привычка перваго воспитанія.—Сколько темныхъ и непонятныхъ словъ, чтобъ означить одну простую вещь! Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ дѣлаетъ добро *по чувству*, а не по размышленію; что онъ расположенъ къ добру *природою;* что онъ имѣетъ *доброе сердце*,—подъ всѣми сими выраженіями что разумѣютъ? Одно и тоже: разумѣютъ *добраго человѣка безъ началъ, безъ правилъ*.

Къ чему вводить новыя и химерическія способности въ природу человѣка?—Разумъ и самолюбіе все изъясняютъ. И сія нѣжная душа, поражающаяся первымъ взглядомъ несчастнаго, и сіе важное, размышляющее существо, взвѣшивающее обстоятельства и не прежде рѣшающееся на добродѣтель, какъ измѣривъ ее и приложивъ къ своимъ началамъ, движутся однимъ и тѣмъ же

разумомъ.—Все различіе состоитъ только въ томъ, что правила перваго механическимъ упражненіемъ превращены въ привычку, а правила втораго безпрерывнымъ дѣйствіемъ размышленія сохранили начальный свой видъ.—Первый рано началъ дѣлать добро, дѣлалъ его безъ размышленія, привыкъ къ нему, привыкъ быть чувствительнымъ и, не примѣтивъ, какимъ образомъ укрѣплялась въ немъ сія привычка, онъ не знаетъ ея рожденія, не знаетъ начальныхъ стихій, изъ коихъ она составилась, и почитаетъ особеннымъ свойствомъ души своей, называя ее то нѣжнымъ *чувствомъ*, то *добротою сердца*, то *природнымъ расположеніемъ къ добру*.—Второй, можетъ быть, столь же часто упражнялъ силы души своей въ добрѣ, сперва слѣпо и безъ познанія ихъ, потомъ съ размышленіемъ; отдѣлилъ чувствованія свои, нашелъ источникъ ихъ въ воображеніи и самолюбіи, открылъ таинственную игру сихъ способностей въ нашихъ впечатлѣніяхъ, подчинилъ ихъ разуму, постановилъ имъ правила и съ сей минуты началъ дѣлать добро *по началамъ*.—То, что называютъ *человѣкомъ чувствительнымъ*, есть родъ машины, не понимающей хода собственныхъ колесъ своихъ; но человѣкъ *добрый по началамъ* не только знаетъ, что онъ чувствуетъ, но знаетъ вмѣстѣ, что онъ долженъ чувствовать такъ, а не иначе, по природѣ своихъ способностей. Тотъ и другой равно могутъ быть добры; но первый можетъ обмануться въ природѣ своихъ чувствованій, ибо не знаетъ ихъ начала и не умѣетъ повѣрить ихъ истинными отношеніями души его къ предметамъ; а другой можетъ охладить чувствованія размышленіемъ и пропустить важную минуту, въ которую должно дѣйствовать.—Видали ли вы двухъ математиковъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ выкладки по навыку, другой по правиламъ и размышленію?—Вотъ образъ человѣка чувствительнаго и человѣка съ началами.—

Повторимъ еще: человѣкъ чувствительный есть машина, заведенная воспитаніемъ, идущая по привычкѣ и безъ размышленія о причинахъ ее движущихъ.—Кто знаетъ: тѣ ли пружины напрягаютъ ея дѣйствія, которыя предуставлены къ сему концу, или вмѣсто ихъ дѣйствуютъ другія, кто это знаетъ?—А между тѣмъ la machine va, et l'horloge deraisonne quelquefois publiquement (*).

Тронуть сердце, *возбудить чувство* въ краснорѣчіи значитъ то же, что подвинуть страсти; но страсти основываются на чувствительности и воображеніи, и слѣдовательно на первыхъ привычкахъ воспитанія.—Такимъ образомъ всѣ выраженія сего рода можно привесть къ одному началу.

Сердце бьется въ движеніи страстей.—Это маятникъ чувственной нашей системы.—Отсюда должно изъяснять употребленіе столь обыкновенное *сердца* вмѣсто *чувства*, и чувства вмѣсто *страстей*.

—

Во всѣхъ системахъ счастія надобно выбирать между пустотою сердца и его спокойствіемъ. Человѣкъ, который никѣмъ не занимается, есть существо уединенное, оставленное въ бездѣйствіи, среди всеобщаго движенія вселенной; его покой есть дикое молчаніе пустыни. Съ другой стороны, сколько надобно дать сердцу толчковъ, чтобъ привесть къ нему минутное сопряженіе пріятныхъ потрясеній!

CANEVAS D'UN ROMAN A FAIRE:

LE PÈRE DE FAMILLE.

Un père a deux enfans, un fils et une fille. La fille aime secrètement un jeune homme qui demeure dans la maison.

(*) То есть: «Машина движется, и часы иногда говорятъ вздоръ публично».

Le fils est entêté d'une inconnue qu'il a vue dans son voisinage. Il a tâché de la corrompre, mais inutilement. Il s'est déguisé et établi à coté d'elle sous un nom et sous des habits empruntés. Il passe là pour un homme de peuple, attaché à quelque profession méchanique. Censé le jour à son travail il ne voit celle qu'il aime que le soir. Mais le père attentif à ce qui se passe dans la maison, apprend que son fils s'absente toutes les nuits. Cette conduite qui annonce le dérèglement, l'inquiète: il attend son fils.—C'est-là que la scène commence.—Mais on peut prendre les choses un peu plus haut et par des liaisons antérieures développer le caractère libertin du fils.

Caractères. Le père aura le caractère de son état. Il sera bon, vigilant, ferme et tendre. Placé dans la circonstance la plus difficile de sa vie, elle suffira pour déployer toute son âme.

Il faut que son fils soit violent.

Sa maîtresse ne sera jamais assez aimable. C'est une enfant innocente, honnête et sensible.

Le beau-frère, homme d'une tête étroite et à préjugés, sera dure, faible, méchant, importun, rusé, tracassier.

Germenil, c'est le fils d'un ami du pére de famille qui l'a pris chez lui et l'a fait élever comme son fils.

Cécile persuadée que son père ne lui accordera jamais cet homme pour époux le tiendra à une grande distance d'elle. Germenil sera donc d'un caractère ferme, tranquille, et un peu renfermé, et Cécile sera un composé de hauteur, de vivacité, de reserve et de sensibilité (*).

(*) Вотъ переводъ этого мѣста:

КАНВА ДЛЯ СОЧИНЕНІЯ РОМАНА:

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.

У одного отца двое дѣтей, сынъ и дочь. Дочь тайно любитъ молодаго

Облетавъ мыслію и воображеніемъ всѣ въ свѣтѣ удовольствія, всегда надобно кончить тѣмъ, чтобъ вздохнуть, усмѣхнуться и быть добродѣтельнымъ.

Увѣрьтесь, друзья мои, что быть счастливымъ и быть добрымъ есть совершенно одно и то же.—Одно только злоупотребленіе словъ раздѣлило два сіи состоянія, по существу и началу своему соединенныя. Если бы языкъ образовали философы: блескъ, честь, богатство не носили бы на себѣ прелестнаго имени счастія, но назывались бы просто блескомъ, честію, богатствомъ, вещами средними, изъ коихъ и добро и зло равно могутъ родиться.

человѣка, который живетъ у нихъ въ домѣ. Сынъ сильно занятъ незнакомкой, которую узналъ въ сосѣдствѣ. Онъ старался ее обольстить, но тщетно. Переодѣвшись въ чужое платье, онъ поселился близъ нея подъ вымышленнымъ именемъ. Тамъ слыветъ онъ простолюдиномъ, который занимается ремесломъ. Днемъ сидя за работою, онъ только по вечерамъ видитъ ту, которую любитъ. Но отецъ, внимательный ко всему, что дѣлается у него въ домѣ, узнаетъ, что сынъ отлучается каждую ночь. Это дурное поведеніе безпокоитъ его. Онъ ожидаетъ сына.—Тутъ начинается сцена.—Но можно описать произшествія, прежде того бывшія, и прежними связями развить распутный характеръ сына.

Характеры. Отецъ будетъ имѣть характеръ своего состоянія. Онъ будетъ добръ, дѣятеленъ, твердъ и нѣженъ. Самое трудное обстоятельство въ его жизни подастъ достаточное средство выказать всю его душу. Надобно, чтобъ его сынъ былъ неукротимаго характера.

Дѣвушка, которую онъ любитъ, будетъ къ нему холодна. Это—невинное, добродѣтельное и чувствительное дитя.

Зять, человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ и съ предразсудками, будетъ нечувствителенъ, слабъ, золъ, несносенъ, хитеръ, охотникъ мучить другихъ.

Жермениль, сынъ одного изъ друзей отца семейства, который взялъ его къ себѣ въ домъ и воспиталъ какъ своего собственнаго сына.

Сесилія, увѣренная, что отецъ ея никогда не согласится выдать ее за этого человѣка, будетъ обходиться съ нимъ очень осторожно и холодно.

Жермениль будетъ характера твердаго, спокойнаго и немного скрытнаго, а въ характерѣ *Сесиліи* будетъ смѣшеніе гордости и живости, холодности и чувствительности.

Одно и то же самолюбіе есть начало и добродѣтели и счастія.—Счастіе въ нашей системѣ міра есть перевѣсъ *ощущеній пріятныхъ* надъ *досадами.*—Добродѣтель есть тотъ же самый перевѣсъ *совершенствъ* надъ *недостатками.* Но *пріятное ощущеніе* всегда есть слѣдствіе внутренняго сознанія совершенства, и всегда досада предполагаетъ слабость, порокъ, недостатокъ. Раскроемъ нѣсколько сію важную истину.

Напрасно правоучители стѣснили добродѣтель въ понятіе однихъ только совершенствъ нравственныхъ.

Счастіе есть связь пріятныхъ чувствованій и потому мѣра его не есть минутное ощущеніе удовольствій, но разсчетъ всѣхъ чувствованій, горестныхъ и пріятныхъ, отъ колыбели до гроба.

Говорятъ, что добродѣтель безъ удачнаго сопряженія обстоятельствъ быть счастливою не можетъ.—Но къ чему отдѣляютъ добродѣтель отъ благоразумія, рождающаго сіи удачные случаи или ими пользующагося.—Тотъ не добродѣтеленъ, кто несчастливъ по внѣшнему положенію.

Но часто сіе внѣшнее положеніе отъ насъ не зависитъ—1) не такъ часто, какъ вообще думаютъ; сей ударъ, которой называемъ мы роковымъ, можетъ быть, тому нѣсколько лѣтъ приготовленъ былъ собственною твоею неосторожностію; 2) кто увѣрилъ васъ, что счастіе въ вашей системѣ совершенно должно быть безъ страданій! Разочтитесь въ чувствованіяхъ цѣлой жизни, а не въ минутныхъ ощущеніяхъ, примите въ счетъ привычку, образъ взирать на вещи, внутреннее чувство невинности, если хотите знать перевѣсъ удовольствій надъ досадами.—Несовершенство счастія доказываетъ только несовершенство нашихъ добродѣтелей.

Почувствуйте нужду добродѣтели.

—

Qui pourra dire à lui-même: chaque jour j'achemine vers la perfection; chaque jour j'arrache quelque vice, quelque faiblesse de mon coeur!

J'ai trois ennemis à combattre: la paresse, la timidité, la vanité.... Mon Dieu! quels ennemis! il se liguèrent contre moi depuis mon enfance. Mon tempérament leur prête des armes toujours nouvelles. Qu' est ce que je puis faire, l'un contre trois! moi, pauvre et chétif mortel, avec ma brillante imagination et ma faible raison!

La paresse est un vice de ma constitution spirituelle. Avec une vaste et rapide imagination et un fond inépuisable de l'amour de soi-même on doit continuellement courir après les chimères de bonheur dont la production ne nous coûte rien. C'est une manière courte et délicieuse de s'occuper de soi-même et on la doit préférer naturellement à toute autre, comme la plus facile (*).

—

Мнѣ кажется, философы суть люди, брошенные на неизвѣстный берегъ и разсыпавшіеся въ разныя стороны для

(*) Кто можетъ сказать самому себѣ: каждый день я приближаюсь къ совершенству, каждый день я вырываю изъ сердца какой-нибудь порокъ, какую-нибудь слабость. Съ тремя врагами долженъ я бороться: съ *лѣностью, робостью и гордостью*. Боже мой! Какіе враги! Они соединились противъ меня съ дней моего дѣтства. Темпераментъ мой подаетъ имъ всегда новое оружіе, и что могу я сдѣлать одинъ противъ трехъ, я—бѣдный и слабый смертный, съ моимъ блестящимъ воображеніемъ и слабымъ разумомъ.

Лѣность есть порокъ моей души. Съ сильнымъ и быстрымъ воображеніемъ и съ неистощимымъ запасомъ самолюбія, должно постоянно гнаться за химерами счастія, которыхъ изобрѣтеніе ничего намъ не стоитъ. Это—удобное и прекрасное средство заниматься самимъ собою, и оно должно быть естественно предпочитаемо всѣмъ другимъ средствамъ, какъ наиболѣе легкое.

обозрѣнія страны.—Нѣсколько вѣковъ протекло, какъ они снимаютъ чертежи поверхностей; но никто еще не дерзнулъ изъ нихъ вскрыть черепъ и разсмотрѣть слой сего великаго материка. Самые остроумнѣйшіе изъ нихъ дѣлаютъ только догадки, и самые основательнѣйшіе собираютъ только опыты и явленія.

—

Міръ есть расположеніе стихій по извѣстному порядку.

То, что философовъ ввергло въ очевидныя заблужденія о началѣ міра, есть неосторожное и скороспѣшное допущеніе *силы*.

Сила естественно предполагаетъ три понятія; причину дѣйствующую, предметъ ея *дѣйствованія* (subjectum actionis) *и наконецъ произведеніе* (effectus). Назвавъ силу V, предметъ s, произведеніе e, всегда должно быть $Vs=e$. Философы ошиблись, когда мѣрою силы приняли только одно произведеніе; ибо очевидно, что разность предмета вноситъ въ упражненіе ея иногда болѣе, иногда менѣе препятствій, и сила вообще всегда должна быть $V=\frac{e}{s}$ Когда въ математикѣ полагаютъ $V=e$, тогда или выпускаютъ изъ виду препятствія, или преодолѣніе ихъ сливаютъ съ самымъ произведеніемъ.—Положимъ, что сіи препятствія будутъ—∞, понеже они находятся въ самомъ предметѣ дѣйствованія, то будетъ $s-\infty=\infty$ и слѣд. $e=0$, хотя бы V было $=\infty$. И такъ философы забыли, что отъ 0 до 1 разстояніе безконечно, и что самая безконечная сила сблизить его не можетъ; ибо два безконечныя себя уничтожаютъ.

Если допустимъ мы физическое измѣреніе силъ такъ, какъ допустить его необходимо должно, то будетъ $V=mc$, и если $m=0$, то и $V=0$. Вообще въ измѣреніи силъ должно упражненіе ихъ раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна есть ниспроверженіе препятствій, а другая самое про-

изведеніе. Чтобъ произведеніе было=1, надобно, чтобъ препятствія были=0. Сіи препятствія суть или внѣшнія или внутреннія.—При мірозданіи внѣшнихъ быть не могло, но внутреннія—∞, ибо s=0. Если бы сіи препятствія были, то къ преодолѣнію ихъ не требовалось бы $V = \infty$.

И такъ всякая сила дѣйствуетъ по данной основѣ.

О ВРЕМЕНИ.

Время, по самому простому объ немъ понятію, есть разстояніе между началомъ и концемъ бытія; но понеже сіе разстояніе измѣряется нашими чувствами; понеже сія мѣра не есть истинная и совершенная, но только относительная; понеже, собственно говоря, вещи не рождаются и не исчезаютъ, но только являются и скрываются отъ взора, то, поставивъ на мѣстѣ слабаго нашего глаза, Око всевидящее, Око могущее преслѣдовать матерію во всѣхъ ея измѣненіяхъ, очевидно, что для него не будетъ ни начала, ни конца въ вещахъ, и слѣдовательно ни времени. Вселенная будетъ для него громада безпрерывно движущаяся и изъ одной системы переходящая въ другую; но какъ всѣ сіи системы безконечному разуму являются присущими, то нѣтъ для него ни прошедшаго, ни будущаго: все сливается въ одну точку.

И такъ для существа безконечнаго нѣтъ ни времени, ни вѣчности.

О ПРОСТРАНСТВѢ.

Время къ вѣчности такое же имѣетъ отношеніе, какое существуетъ между мѣстомъ и пространствомъ.

Мѣсто есть та часть пространства, которую занимаетъ тѣло въ извѣстной системѣ.—Но какъ одна только слабость зрѣнія нашего заставляетъ насъ дѣлить міръ на системы;

то совершенное мѣсто тѣла было бы та часть пространства, которую оно занимаетъ во вселенной.

Пространство есть разстояніе краевъ вселенныя.

Сіи края для Ока всевидящаго ни близки, ни далеки быть не могутъ; ибо близкими называемъ мы тѣ предметы, которые можемъ обнять однимъ ударомъ очей. — Чѣмъ болѣе будетъ число таковыхъ ударовъ между двумя предметами, тѣмъ будутъ они далѣе; но сіе число опредѣляется числомъ предметовъ привлекающихъ наше воззрѣніе. Отсюда происходитъ, что, не сближая и не раздѣляя двухъ предметовъ, можно перемѣнить ихъ разстояніе, вмѣстивъ между ими или отнявъ отъ нихъ группы тѣлъ. Разстояніе тѣлъ небесныхъ служитъ тому всегдашнимъ опытомъ и доводомъ. Луна, Солнце, Сиріусъ для насъ почти лежатъ въ одинакомъ отдаленіи. Воображательное увеличиваніе сихъ свѣтилъ на горизонтѣ изъясняется изъ сего же начала. Доказательство, что количество ударовъ глазъ входитъ въ количество разстоянія, есть то, что быстрое движеніе обыкновенно путь сокращаетъ, слѣдовательно разстояніе предметовъ основано на нашемъ воображеніи.

И такъ для разума безконечнаго нѣтъ ни разстоянія, ни пространства, ни мѣста. Вселенная предъ нимъ есть недѣлимая точка.

Слѣдовательно понятіе времени и разстоянія основаны только на нашемъ образѣ чувствовать и понимать вещи, на слабости и раздѣльномъ дѣйствованіи нашего ума.

О ПОРЯДКѢ.

Порядкомъ мы называемъ расположеніе существъ на мѣстахъ наиболѣе свойственныхъ ихъ природѣ и простотѣ той системы, въ которой они поставлены.

Но какъ ни мѣстъ, ни системы нѣтъ во вселенной, то и порядокъ есть понятіе относительное.

Первую мысль о порядкѣ, безъ сомнѣнія, люди получили отъ примѣчанія разныхъ положеній существъ въ отношеніи къ ихъ разуму или къ тому концу, которому они дѣйствіе сихъ существъ подчиняли. Отсюда происходитъ, что простота и конецъ составляютъ сущность всякаго порядка; но понеже сія сущность по степенямъ разума, по различнымъ намѣреніямъ его перемѣняется, то ясно, что она не можетъ быть истинною; она есть плодъ того слабаго и самолюбиваго ума, который методы упражненія своего, пріемы своей слабости, всегда вносилъ въ самую природу, всегда и примѣрялъ ее къ себѣ, вмѣсто того, чтобъ къ ней примѣряться. Порядокъ естественно предполагаетъ возможность смѣшенія и неустройства, ибо онъ есть состояніе. Но какъ для разума безконечнаго все просто и ничто не выходитъ изъ своего предустановленія, то тѣла не могутъ для него имѣть состоянія и слѣдовательно порядокъ для него есть или слово безъ знаменованія, или самая природа существъ; такъ какъ свѣтъ безъ тьмы не былъ бы состояніе тѣлъ, но самая ихъ природа.

Изъ сего видно, что разумъ безконечный не имѣетъ никакого понятія о порядкѣ нашемъ, или называетъ его всеобщимъ предустановленнымъ теченіемъ природы.

Тоже должно сказать о соразмѣрности.

И понеже на сихъ двухъ качествахъ лежитъ понятіе красоты, то ясно, что и сіе понятіе есть внѣ природы вещей.

Въ безчисленности видовъ природы человѣкъ встрѣтилъ образы наиболѣе сходствующіе съ его разумомъ; легкость, съ которою онъ открылъ ихъ отношенія, развилъ и распростеръ понятія въ нихъ сокрытыя,—все сіе ласкало его самолюбію; онъ замѣтилъ сіи предметы въ толпѣ его окружающей, съ удовольствіемъ занимался ими съ своего младен-

чества, пріучилъ умъ свой перебѣгать во мгновеніе ока сквозь ихъ отношенія, упустилъ наблюсть постепенное разширеніе сей привычки разума, назвалъ ее чувствомъ и подчинилъ суду его сей родъ предметовъ, который наименовалъ онъ красивыми; и понеже сіе понятіе виситъ по существу своему на его разумѣ, то естественно, что образъ его всегда колебался и выливался во всѣ формы привычекъ, воображеній, умовъ, темпераментовъ; принималъ на себя тысячу различныхъ видовъ, часто смѣшныхъ и противорѣчащихъ, и всегда плавающихъ, такъ сказать, на воздухѣ (*). Напротивъ, всѣ тѣ предметы, которые привычкамъ его ума не даютъ на себѣ упражненія, которыхъ отношеній онъ не открываетъ, представляя непреодолимыя трудности объему его понятія, которыя оскорбляютъ его самолюбіе, всѣ тѣ предметы назвалъ онъ *безобразными*. Но какъ они тѣмъ не менѣе имѣютъ свои отношенія, и понеже человѣкъ часто самъ себя обличалъ въ семъ заблужденіи и совершенно преобращалъ свои о нихъ понятія, открывая плѣняющія красоты тамъ, гдѣ прежде встрѣчалъ одно безобразіе, то ясно, что нѣтъ ничего во вселенной безобразнаго и слѣдовательно нѣтъ ничего красиваго.

—

О СЛОЖНОСТИ.

Вселенная, такъ какъ человѣкъ ее себѣ представляетъ, есть великій феноменъ, котораго всѣ части расположены по призраку висящему на его разумѣ (**) и видимы сквозь

(*) Высокое отъ красиваго различается только тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ большое число понятій развивающихся съ большею удобностію; отсюда происходитъ, что высокое всѣхъ поражаетъ, хотя не равно, а красивое часто скользитъ по поверхности.

(**) Сей-то призракъ вселенной назовемъ мы въ послѣдствіи ея идеею.

грубую завѣсу чувствъ. Въ существѣ своемъ она должна совсѣмъ отличный имѣть видъ.

Понеже для разума безконечнаго она не имѣетъ пространства, длины и широты, *нѣтъ въ ней ничего ни простаго ни сложнаго.* Удивительно ли послѣ сего, что сіи понятія при всѣхъ усиліяхъ созерцателей доселѣ оставались безъ знаменованія: они не имѣли его въ природѣ.

Ключъ, откуда берутся всѣ сіи заблуженія, есть несовершенство языковъ человѣческихъ и то предубѣжденіе, въ которомъ люди не отличили истиннаго вида природы отъ того, въ коемъ представляютъ ее намъ чувства. Смотря сквозь волшебное стекло воображенія, они создали въ мозгу своемъ другой міръ и по сей ложной модели хотѣли судить о мірѣ вещественномъ.

Они непрестанно твердили, что надобно вопрошать природу, и истолкователями ея оракуловъ поставили чувства.—Замѣтивъ самые грубые ихъ обманы, они мнили тѣмъ предостеречь себя отъ ихъ лживости, или поправить ее разумомъ. Между тѣмъ они не познали природы сего разума и взяли мѣрою его простой *добрый смыслъ* (*). Но сія мѣра, всегда непостоянная и относительная, основывалась на тѣхъ же самыхъ чувствахъ, кои она измѣряла. Такимъ образомъ, люди непрестанно вращались въ одномъ кругѣ и дивились однако же, что, совершивъ нѣсколько оборотовъ, они приходили къ той же точкѣ, съ которой двинулись.

Одна слабость ума принудила людей раздробить тѣла на части, и мы уже примѣтили, что для Ока всеобъемлющаго нѣтъ ни времени, ни пространства, ни сложности.—Доводомъ на сію истину служитъ самое происхожденіе ихъ.— Слово *просто* долженствуетъ относиться къ разуму и зна-

---

(*) Онтологія ихъ есть собраніе истинъ простаго добраго смысла.

читъ тоже, что *удобно*, *не трудно*, что съ легкостью разумъ обнимаетъ. Но по обыкновенному превратy сужденій человѣческихъ люди не умедлили сіе состояніе разума отнести къ тѣламъ и назвали тѣ изъ нихъ *простыми*, которые скорѣе они обнимали, кои менѣе представляли на себѣ разностей (corpora homogena), и понеже по симъ разностямъ судили они о степеняхъ сложенія и ими замѣчали части, то естественно имъ было по количеству сихъ разностей заключить о количествѣ частей. Такимъ образомъ *простота* превратилась въ понятіе относительнаго количества частей.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ

И

УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа М. М. Сперанскаго.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Ноября 2-го дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій.*

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Изображеніе природы.

Естьли вы возрите на міръ васъ окружающій—вы въ немъ увидите необъятное множество существъ или вещей разнаго рода.

Вы въ немъ видите существа имѣющія жизнь и чувствіе.

Вы въ немъ видите существа неодушевленныя, которыя не имѣютъ сами чувствія, устроены однако же для пользы.

Вы видите перемѣны и движенія.

Не взирая однакожъ на сіи перемѣны въ частяхъ, вселенная сохраняется чрезъ нѣсколько тысячь лѣтъ въ удивительномъ порядкѣ.

День и ночь смѣняются всегда постоянно.

Времена года слѣдуютъ одно за другимъ, не прерывая своего порядка, и приводятъ съ собою тѣже удовольствія для существъ живущихъ.

Солнце освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ землю, земля питаетъ безчисленное множество обитателей.

Земля рождаетъ всякой годъ безконечное множество произведеній, кои будучи всѣ различны, всѣ однако полезны, каждое въ своемъ родѣ.

Сіи произведенія питаютъ неизчислимое множество существъ живущихъ, удовлетворяя нуждамъ каждаго.

Сіи живущія существа различно устроены, имѣютъ разныя склонности, вкусы и навыки.

Всякое животное, великое и малое, имѣетъ органы свойственные образу его бытія.

*

Всякое животное поставлено въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ обстоятельствахъ, что оно можетъ доставать себѣ пищу.

Нѣсколько тысячь лѣтъ животныя существуютъ и умножаются одинакимъ образомъ.

Человѣкъ, будучи подобенъ животнымъ по строенію своего тѣла, живетъ и питается такъ, какъ они, произведеніями земли.

Человѣкъ вообще имѣетъ такіе же органы какъ и животныя. Его тѣло столь же превосходно устроено; по образу его бытія человѣкъ даже превосходитъ нѣкоторыхъ животныхъ въ совершенствѣ своихъ органовъ.

Но еще болѣе превосходитъ онъ ихъ по своему понятію и разуму.

По разуму человѣкъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ, доставляетъ себѣ удовольствія, коихъ животныя не имѣютъ.

Разумомъ человѣкъ становится обладателемъ почти всея природы.

Разумомъ онъ управляетъ свои дѣянія, разсуждаетъ о самомъ себѣ, помнитъ о прошедшемъ, размышляетъ въ настоящемъ и ищетъ открыть будущее.

Разумомъ своимъ человѣкъ можетъ размышлять о томъ, что онъ есть, откуда онъ, и что онъ будетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Сотвореніе міра.

Ничто не можетъ быть изъ ничего.

Человѣкъ съ разсужденіемъ вопрошаетъ себя: откуда онъ? Откуда все, что его окружаетъ? Кто постановилъ сей

удивительный порядокъ и кто украсилъ природу? Кто содержитъ и хранитъ сей порядокъ? Какая сила соблюдаетъ и поддерживаетъ все?

Отсюда понятіе первой вины или Творца всего.

Свойства Божества суть могущество, мудрость и благость безконечныя.

Сотвореніе міра.

Сокращеніе Бытій Моисеевыхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Предметъ или конецъ творенія.

Богъ не остановился на томъ, чтобъ создать міръ неодушевленный.

Онъ не ограничилъ себя и тѣмъ, чтобъ произвесть существа живущія безъ понятія и разума.

Онъ восхотѣлъ сотворить существа, кои бы были устроены по образу его, кои бы подобны были ему по разуму и по желанію добра.

Богъ одарилъ человѣка способностями физическими или тѣлесными, чтобъ могъ онъ жить и наслаждаться всѣмъ добрымъ на земли, его жилищѣ.

Онъ одарилъ его разумомъ, чтобъ онъ искалъ во всемъ совершенства.

Онъ одарилъ его наипаче чувствіемъ добра и зла.

Богъ хотѣлъ, чтобъ человѣкъ разумомъ позналъ своего Творца, чтобъ онъ былъ признателенъ къ его благодѣяніямъ, и чтобъ повиновался его повелѣніямъ.

Понеже люди должны размножаться на земли, Богъ хотѣлъ, чтобъ они были правдивы, чтобъ они любили и помогали другъ другу.

Но Богъ, сотворивъ человѣка, не опредѣлилъ ему вѣчно жить на сей землѣ.

Онъ предуставилъ его къ другой жизни совершеннѣйшей послѣ настоящей, въ коей онъ долженъ былъ усовершать себя болѣе и болѣе и тѣмъ ближе подходить къ его образу.

Богъ хотѣлъ, чтобы человѣкъ заслужилъ сію другую жизнь своими добродѣтелями, и она должна быть несравненно превосходнѣе и счастливѣе, нежели жизнь настоящая.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Паденіе человѣка.

Внимая чувствію добра и зла, праваго и неправаго, и располагая по немъ свои дѣла, человѣкъ могъ достигнуть совершенства, и быть не только счастливымъ въ настоящей жизни, но и достойнымъ будущей.

Но первой человѣкъ и первая жена, не внявъ сему внутреннему чувствію добра и зла и преступивъ заповѣдь данную имъ Богомъ, измѣнили своему предустановленію.

Сокращенное повѣствованіе паденія нашихъ прародителей.

Послѣдствія сего преступленія были пагубны какъ имъ, такъ и ихъ потомкамъ.

Человѣкъ по предустановленію своему безсмертный, сдѣлался смертенъ.

Человѣкъ по предустановленію своему долженъ былъ жить и наслаждаться въ покоѣ благами земли, осужденъ былъ снискивать содержаніе себѣ великими трудами и въ потѣ лица.

Жена, предуставленная дѣлить съ мужемъ счастіе, осуждена дѣлить съ нимъ его горести.

Она предуставлена была раждать дѣтей безъ болѣзни, и осуждена родить въ болѣзняхъ.

Потомки ихъ должны были наслѣдовать ихъ горести.

Человѣкъ, предуставленный вести жизнь непорочную предъ Богомъ, его Отцемъ, быть праведнымъ, и имѣть всѣ добродѣтели въ обществѣ, человѣкъ упалъ съ верьху своего достоинства и потерялъ подобіе Божіе.

Съ тѣхъ поръ тѣло его стало жертвою болѣзней, разумъ его ослабѣлъ, понятія его возмутились, чувствія добра и зла въ немъ ослабѣли.

Съ тѣхъ поръ имъ овладѣли жестокія страсти, ненависть, зависть, сребролюбіе, гордость.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ сталъ забывать своего Творца, не думая, что Онъ еще его любитъ. Онъ Ему не повинуется, онъ разрушаетъ часто творенія Его, дѣлая зло подобнымъ себѣ.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ началъ жить не иначе, какъ бы онъ долженъ былъ жить единственно на земли; онъ забылъ предопредѣленіе свое къ будущей жизни.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ пересталъ стараться заслуживать жизнь будущую, и слѣдовательно никогда не достигнетъ онъ того счастія и совершенства, которое Богъ ему обѣщалъ, и такимъ образомъ онъ сталъ достоинъ быть оставленнымъ отъ Бога и наказаннымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Развращеніе рода человѣческаго.

Прародители наши имѣли дѣтей, которыя наслѣдовали

отъ нихъ расположеніе сердца ихъ къ грѣху, и сіе расположеніе къ грѣху называется *грѣхомъ первороднымъ*.

Каинъ, старѣйшій сынъ перваго человѣка, убилъ брата своего Авеля.

Міръ наполнился въ нѣсколько лѣтъ обитателями; ибо люди тогда жили очень долго.

Но большая часть людей развратилась, а особливо потомки Каина.

Они забыли своего Творца и искали удовольствій и забавъ чувственныхъ; они предавались насилію, несправедливости къ своимъ ближнимъ, и всѣмъ порокамъ.

Богъ воззывалъ ихъ къ воздержанію и добродѣтели, угрожая имъ всеобщимъ разрушеніемъ.

Но люди не внимали гласу Божію.

Наконецъ Богъ совершилъ надъ ними казнь, коею онъ имъ угрожалъ, и потопомъ наводнивъ землю истребилъ всѣхъ ея жителей, выключая Ноя съ его семействомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Возобновленіе рода человѣческаго.

Дѣти и потомки Ноевы вновь населили міръ въ нѣсколько вѣковъ, разсѣявшись по всѣмъ сторонамъ свѣта.

Познаніе Бога и исполненіе добродѣтелей простыхъ нѣсколько времени продолжалось между Ноевыми потомками.

Но нечувствительно люди опять предались влеченію своихъ страстей.

Въ гордости своей они предпріяли воздвигнуть столбъ или памятникъ, возвышающійся до небесъ.

Но Богъ разсыпалъ ихъ твореніе смѣсивъ языки ихъ, и съ сего времени они разсѣялись по всей земли.

Мало по малу познаніе Бога Творца и Сохранителя всѣхъ тварей потерялось между большею частію людей.

Суевѣріе и поклоненіе богамъ ложнымъ заняли мѣсто истиннаго богопочитанія.

Небольшое число добродѣтельныхъ людей сохранили еще понятіе истиннаго Бога. Таковъ былъ Авраамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Установленіе Божіе для сохраненія въ людяхъ понятія о высочайшемъ существѣ.

Авраамъ, человѣкъ добродѣтельный, сохранившій понятія о Богѣ и съ коимъ Богъ вступилъ въ общеніе, Авраамъ получилъ отъ Него обѣщаніе, что его потомки составятъ многочисленный народъ.

Сей народъ, называемый народомъ израилевымъ и потомъ народомъ іудейскимъ, былъ избранъ Богомъ къ тому, чтобъ сохранить познаніе и почитаніе истиннаго Бога.

Потомки Авраамовы перешли обитать въ плодоносной землѣ Египетской и размножились въ ней необъятно.

Цари Египетскіе, изъ зависти къ сему столь многочисленному и чужестранному народу, силились ихъ притѣснять всѣми способами.

Между прочимъ они дали повелѣніе, чтобъ всѣ младенцы іудейскіе мужескаго пола были избиваемы.

Одинъ изъ сихъ младенцевъ былъ спасенъ Фараоновою дщерію. Онъ назывался Моисеемъ и получилъ отличное воспитаніе.

Моисея въ послѣдствіи избралъ Богъ законодателемъ из-

раильскаго народа, и повелѣлъ ему вывесть его изъ земли Египетской въ другую страну.

Израильтяне вышли изъ Египта посредствомъ чудесъ, кои Богъ для нихъ явилъ чрезъ Моисея.

Прежде, нежели вступили они въ землю имъ обѣтованную, они жили въ степяхъ Аравіи каменистой сорокъ лѣтъ.

Въ теченіи сихъ сорока лѣтъ Моисей по повелѣнію Божію установилъ правленіе, въ коемъ самъ Богъ былъ главнымъ начальникомъ.

Моисей далъ такъ же израильтянамъ законы нравственные, извѣстные подъ именемъ десяти заповѣдей.

Послѣ 40 лѣтъ народъ израильской занялъ страну Ханаанскую и установилъ въ ней свое правленіе.

Доколѣ народъ сей повиновался повелѣніямъ Божіимъ, онъ былъ счастливъ.

Но онъ часто забывалъ своего благодѣтеля, и тогда Богъ наказывалъ различными бѣдами или казнями.

Онъ постановилъ въ послѣдствіи у себя царей, изъ коихъ нѣкоторые были угодны Богу, а другіе отъ него удалялись.

Чтобъ сохранить познаніе истиннаго Бога и истинное богопочитаніе, Богъ отъ времени до времени посылалъ людей мудрыхъ называемыхъ пророками, которые увѣщевали израильтянъ быть вѣрными Богу и хранить Его заповѣди.

Не смотря однакожъ на всѣ сіи предосторожности израильтяне сохранили отъ своей религіи одни только наружные обряды, забывъ служить Богу въ правотѣ сердца и добродѣтели.

Всѣ другіе народы сего времени были погружены въ глубочайшемъ невѣжествѣ истиннаго Бога, всѣ были идолопоклонники и предавались самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ.

Тогда царствовала на земли неправда и утѣсненіе.

Тогда человѣкъ забылъ, что онъ предоставленъ къ другой жизни, которая должна быть наградою добродѣтелей и непорочныхъ нравовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Іисусъ Христосъ.

Понеже Законъ Божій былъ незнаемъ всѣмъ народамъ и худо наблюдаемъ израильтянами, Богъ восхотѣлъ еще разъ научить людей давъ имъ на мѣсто Закона Моисеева совершеннѣйшую Религію.

Для сего то Богъ послалъ Сына своего въ міръ, чтобъ дать ему познать его Бога и открыть Его волю, чтобъ научить и показать людямъ истинныя средства Ему угодить и достигнуть блаженства будущей жизни.

Сынъ Божій, будучи самъ Богъ, родился отъ Св. Дѣвы Маріи непостижимымъ образомъ. Онъ родился въ странѣ іудейской отъ матери израильтянки.

Онъ названъ былъ Іисусомъ Христомъ.

Содѣлавшись и будучи человѣкомъ, Онъ жилъ между человѣками; но Его жизнь была образомъ всѣхъ добродѣтелей; тихъ, сострадателенъ и другъ человѣковъ, Онъ искалъ только дѣлать имъ добро.

Рожденъ въ бѣдности, Онъ не искалъ возвыситься и обогатиться.

Никогда ни малѣйшее поношеніе не выходило изъ Его устъ. Его слова были слова мира. Онъ прощалъ всѣмъ, кои Его оскорбляли. Онъ дѣлалъ добро тѣмъ, кои желали Ему сдѣлать зло.

Онъ возобновлялъ въ людяхъ понятія объ ихъ Творцѣ.

Онъ изображалъ Его имя, какъ отца ихъ любящаго и вмѣстѣ какъ судію, наказующаго или награждающаго людей по ихъ достоинству.

Онъ воззывалъ людей къ сему внутреннему чувствію добра и зла, коему прародители наши не вняли.

Онъ проповѣдалъ людямъ справедливость, любовь къ ближнимъ, благотворительность, единеніе и миръ.

Онъ соединилъ внѣшнее богопочитаніе съ исполненіемъ добродѣтелей и далъ самъ первый сему примѣръ.

Главное Его правило было:

Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей, и ближняго твоего яко же самъ себя.

Онъ научалъ всѣхъ людей безъ различія; Онъ показывалъ каждому, какъ онъ долженъ вести себя въ своемъ состояніи, быть добрымъ отцомъ, послушнымъ сыномъ, покорнымъ подданнымъ, справедливымъ, добрымъ господиномъ, вѣрнымъ и повиннымъ слугою.

Онъ далъ людямъ торжественное увѣреніе въ будущей жизни, показавъ имъ въ то же время, какимъ образомъ они должны ее заслужить.

Религія Его есть лучшее наставленіе людямъ къ спасенію ихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

Іисусъ Христосъ, гонимый и распятый своими соотечественниками.

Іисусъ Христосъ удостовѣрилъ свое ученіе многими чудесами.

Многіе изъ соотечественниковъ Его вѣрили, что Онъ

былъ величайшій пророкъ, что Онъ посланникъ и Сынъ Божій.

Но большая часть не соглашались ни признать Его въ семъ качествѣ, ни принять Его ученія, которымъ воззывалъ Онъ ихъ отъ порока къ добродѣтели.

Онъ былъ гонимъ не взирая на добро, которое Онъ дѣлалъ, и наконецъ, хотя изъятъ отъ всякаго преступленія, праведникъ былъ умерщвленъ людьми неблагодарными.

Онъ былъ всенародно осужденъ своими судьями и былъ распятъ по опредѣленію ихъ на крестѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

Таинства, установленныя Іисусомъ Христомъ.

Іисусъ Христосъ прежде смерти своей увѣрилъ въ ясныхъ выраженіяхъ, что онъ умретъ за грѣхъ человѣческій, и что во уваженіе сей жертвы Богъ проститъ намъ наши преступленія, естьли мы въ нихъ раскаемся и исправимся, и въ семъ то отношеніи Онъ называется нашимъ *Искупителемъ и Спасителемъ*.

Въ продолженіи своего ученія Христосъ установилъ нѣкоторыя особенныя постановленія и обряды, въ коихъ понеже благодать Его и сила невидимымъ образомъ присутствуетъ и непостижимо для насъ дѣйствуетъ, Церковь Греко-Россійская называетъ ихъ *Таинствами*.

Сихъ Таинствъ считается семь:

1) Крещеніе, 2) Мѵропомазаніе, 3) Бракъ, 4) Елеосвященіе, 5) Священство, 6) Покаяніе, 7) Причащеніе.

Вы приступаете теперь къ двумъ послѣднимъ, и потому нужно ихъ изъяснить:

1) Покаяніе есть Таинство, въ коемъ кающійся отъ чис-

таго сердца получаетъ отъ Бога, невидимо въ семъ дѣйствіи присутствующаго, прощеніе въ своихъ грѣхахъ и даетъ Ему чрезъ Священника твердое обѣщаніе вновь въ нихъ не впадать.

И такъ при покаяніи должно себѣ представлять, что мы каемся въ нашихъ преступленіяхъ самому Богу, и что Священникъ есть только словъ нашихъ свидѣтель.

Прежде нежели приступимъ мы къ сему дѣйствію, должно, по внутреннему чувствію добра и зла, испытать намъ свою жизнь, замѣтить всѣ пороки и слабости, всѣ оскорбленія и несправедливости, которыя мы другимъ учинили, и въ нихъ сердечно раскаяться. Очистивъ себя такимъ образомъ должно приступить къ Причащенію.

2) Причащеніе есть Таинство, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба и вина пріобщается истиннаго тѣла и крови Христовой и связуется съ Христомъ неразрывно благодатію.

Наконецъ Онъ научилъ насъ, какимъ образомъ мы должны молиться Богу. Сія молитва съ славянскаго языка на русскомъ выражена можетъ быть слѣдующимъ образомъ:

Отецъ нашъ, Ты который владѣешь и небомъ и землею! да будетъ священно и прославлено имя Твое во всѣхъ, да царствуешь Ты въ сердцахъ, да исполняется вездѣ воля Твоя; хлѣбъ, нужный намъ для подкрѣпленія тѣла Ты намъ пошли и прости намъ оскорбленія, кои мы Тебѣ наносимъ, такъ какъ мы прощаемъ ихъ нашимъ ближнимъ; отдали отъ насъ случаи ко грѣху и уклони отъ насъ все душѣ нашей опасное.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

Воскресеніе Іисуса Христа.

Іисусъ Христосъ въ самомъ дѣлѣ умеръ на крестѣ и тѣло его положено было во гробъ.

Но Богъ не хотѣлъ, чтобъ Онъ остался въ мертвыхъ. Іисусъ Христосъ воскресъ въ третій день.

Онъ былъ видимъ своими учениками или Апостолами, коихъ Онъ называлъ своими друзьями.

Онъ пребылъ еще съ ними 40 дней и разсуждалъ съ ними о способахъ распространить свое ученіе по всей земли и сдѣлать всѣхъ людей безъ различія участниками въ благотвореніяхъ, какія ученіе Его и смерть доставили.

Послѣ сорока дней по своемъ воскресеніи, Онъ вознесся на небо въ присутствіи своихъ учениковъ, обѣщавъ имъ послать Св. Духа, Духа Божія, который есть самъ Богъ, какъ Отецъ и Сынъ.

Сей образъ исповѣданія Бога какъ Отца, Сына и Св. Духа, называется ученіемъ о Св. Троицѣ; сіе ученіе есть Тайна непостижимая для человѣковъ.

Наконецъ, вскорѣ по вознесеніи Іисуса Христа на небо, Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, и съ сего времени они получили даръ говорить всѣми языками и творить чудеса.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

Установленіе Христіанства.

Апостолы, вдохновенные Духомъ Святымъ, старались распространить спасительное ученіе Іисуса Христа во всѣхъ народахъ.

Они путешествовали по разнымъ странамъ, возвѣщали Религію Спасителя, убѣждали смертныхъ пріять Его ученія, и оставить всѣ суевѣрія и пороки, и обратиться къ добродѣтели и правотѣ.

Они составили многія сочиненія, содержащія въ себѣ исторію жизни и смерти и воскресенія Іисуса Христа, собственныхъ ихъ дѣяній и правила Религіи.

Тѣ, кои принимали Христіанскую вѣру, были крещаемы во имя Отца и Сына и Св. Духа по заповѣди Іисуса Христа, и потомъ допущаемы къ Св. Причащенію.

Для отличія христіанъ отъ прочихъ народовъ составленъ Символъ (отличительной знакъ) или сокращенное ученіе о Вѣрѣ, по коему христіанинъ долженъ вѣрить.

Такимъ-то образомъ Богъ, любя человѣковъ, сдѣлалъ все, чтобъ воззвать ихъ къ добродѣтели отъ порока.

Но благодѣянія Религіи Іисуса Христа потеряны для тѣхъ, кои не хотятъ слѣдовать ея правиламъ.

